ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

5-6. 2015

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Министерство Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации.

Адрес: 364051
г. Грозный, Бульвар Дудаева.
Дом Радио

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
05 февраля 2014 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов Муса Магомедович

Редколлегия:
Л. Абдулаев
С. Алиев
М. Бексултанов
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
С. Мусаев
Р. Талхигова
А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail:vaynah_az1@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua
http://www.j-vaynah.ru

Журнал выходит один раз в два месяца. 16+

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».
Отпечатано в ГУП«ИПК «Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать 05.06.15
В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 1000 экз.

Свободная цена

Заказ № ___

СОДЕРЖАНИЕ:

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА
Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ. *Двойные стандарты западной демократии*.....2
К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
Роза МЕЖИЕВА. *Никто не забыт*….....4
Тамила АБДУЛАЕВА. *Воспоминание фронтовика о Лече Гайтамирове.* Стихи.....8
Абдулла ГАПАЕВ. *«Он вчера не вернулся из боя»*.....9
Владимир КОВАЛЕНКО. *Временно живой из погибшего поколения*. Очерк.....13
ПОЭЗИЯ
Салих ГУРТУЕВ. *Первая Чеченская*. Поэма.....24
Зелимхан МУСАЕВ. *Дух зажигает огонь изнутри…* Стихи.....56
Муса СЕЙЛМУХАНОВ. *Безаман дитташ*.....75
Седа ИСМАИЛОВА. *Я вижу боль в глазах...* Стихи.....79
ЮБИЛЕЙ
Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Эльбрус Минкаилов – половодье филологического таланта.*.....29
Эльбрус МИНКАИЛОВ. *Сожаление*. Рассказы.....33
ДЕБЮТ
Луиза АБАЛАЕВА. *Пожелание*. Стихи.....39
Райхан ЭЛЛАЕВА. *Улыбнусь всем пророчествам…* Стихи.....44
Иман СОЛТАМАТОВА. *Нанна лерина*. Стихаш.....52
ДРАМАТУРГИЯ
Муса АХМАДОВ. *Ненаца къамел.* Цхьана суртехъ драма.....40
ПРОЗА.
Адиз КУСАЕВ. *Из рассказов Адаша*.....46
Вахид ИТАЕВ. *Пелагея*. Рассказ.....58
Султан МАРГОШВИЛИ. *Ши таллархо а, ча-нана а.* Кегий дийцарш.....77
Тауз ИСС. *Очаг*. Роман-дагардийцар. *Продолжение. Начало в №3-4*.....84
ГОЧДАР
Чехов АНТОН. *Унтер Пришибеев*. Дийцар. *Гочдинарг Исмаилов Абу*.....53
ГОЛОСА ДРУЗЕЙ
Анастасия КУЗЬМИЧЕВА. *Церковь*. Рассказ.....82
ФОЛЬКЛОРИСТИКА
Исмаил МУНАЕВ. *Чеченские героико-исторические илли – чеченский народный эпос*.....89
ПУБЛИЦИСТИКА
Абубакар МАНКИЕВ. *Об одной оценке личности А.Г. Авторханова и его роли в «чеченских событиях» конца XX века.*.....104
НАШЕ ИНТЕРВЬЮ
Муталип Давлетмирзаев: «Трудно представить нашу жизнь без общения с театром...» Интервью записала Фатима Мезиева.....117
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ
«Подвиг во имя Родины».....127
К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ
Война глазами художника.....127
Рубрики подготовил Саламбек Алиев
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ...128

Трибуна публициста

Эдильбек Хасмагомадов

Двойные стандарты западной демократии

Как-то Талейран, некоторое время руководивший внешней политикой императора Наполеона I, так характеризовал качества истинного дипломата: «Когда дипломат говорит «да» – он думает «быть может»; когда он говорит «быть может» – он думает «нет». Но дипломат никогда не скажет «нет».

Конечно, эти слова, в первую очередь, раскрывают сущность личности самого Талейрана, но вместе с тем их можно рассматривать как признание того, что в основе европейской дипломатии начала XIX века лежало лицемерие и двойные стандарты. Впрочем, двойные стандарты прослеживаются на всем пути, пройденном человечеством. Иначе еще библейским пророкам не пришлось бы призывать людей относиться к своим близким также, как они хотят, чтобы те относились к ним самим.

Человечество прошло долгий и трудный путь, прежде чем выработало универсальные духовные ценности, единые для всего человечества. Вспомните десять библейских заповедей, переданных человечеству через пророка Мусу/Моисея (мир ему) – монотеистические религии учат, что на них должны строиться отношения между всеми людьми, а, значит, и общественные, и межгосударственные отношения.

Но реальность, как правило, далека от заповедей, ниспосланных человечеству. Что еще хуже – история знает великое множество примеров, когда под прикрытием религии велись захватнические войны. Например, победные надписи ассирийских и прочих царей древности сообщают, что кровавые походы на соседей предпринимались ими не иначе, как по приказу богов. Или крестовые походы средневековья, совершавшиеся, якобы, для защиты «истинной религии». Или колониальные войны европейских держав, оправдывавшиеся необходимостью «нести свет цивилизации диким народам».

Сегодня уровень знаний человечество велик, как никогда, но что изменилось в политике, проводимой «сильными мира сего»? И разве двойные стандарты ушли в прошлое? Хуже того, двойные стандарты сегодня задают тон не только в политической сфере, но стали неотъемлемой частью сознания большинства правящих элит стран, входящих в состав так называемого «золотого миллиарда». Не секрет, что нынешнее процветание стран Запада основано на скрытой эксплуатации остального человечества. Только США, население которых составляет менее 5 процентов населения всего мира, потребляют более 20 процентов мировых ресурсов.

В то же время несправедливость существующего мирового порядка всячески маскируется, вплоть до того, что все проблемы стран «третьего мира», из которых ресурсы утекают в страны «золотого миллиарда», объясняется отсутствием в них демократии по западному образцу. Более того, военные интервенции в интересах США и стран Запада осуществляются под лозунгом распространения все той же демократии.

Тот же лозунг распространения демократии лежит в основе идеологической экспансии Запада, а, значит, двойные стандарты теперь во многом определяют массовое сознание маргинальных слоев по всему миру. Поэтому у американцев и европейцев есть «естественное право» вмешиваться во внутренние дела всех остальных стран мира для насаждения там западной демократии, а попытки последних оградить себя от этого вмешательства истолковываются как «угроза мировому порядку».

Отсюда неизбежно вытекает, что гибель даже одного американца или европейца в результате теракта – трагедия, а смерть сотен тысяч иракцев или афганцев от рук американских и европейских солдат – не более чем статистика. Отсюда вытекает также, что западные журналисты имеют право публиковать оскорбительные

карикатуры на пророка Мухаммада (с.а.с.), а неадекватная реакция на эти оскорбления в виде расстрела самих карикатуристов – проявление варварства и отсутствие толерантности. К слову сказать, когда редакция все того же французского журнала «Шарли» опубликовала карикатуру на сына бывшего президента Франции Н. Саркози – реакция французских властей была мгновенной и жесткой. Значит, «своих» оскорблять нельзя, а вот «чужих» – сколько душе угодно.

Известное новшество политики двойных стандартов состоит в том, что для ее реализации в последние десятилетия широко используется такой инструмент, как «цветные революции». Вообще, «цветные революции» превратились в универсальный инструмент вмешательства во внутренние дела неугодных государств, которыми всегда управляют «антинародные режимы». На Ближнем Востоке жертвами «цветных революций» стали крупнейшие светские режимы, пытавшиеся вести свои страны по пути индустриализации и создания развитой экономики. Для обрушения этих режимов в одни случаях использовались войска США и их союзников (Ирак), в других – внутренняя оппозиция, пользующаяся поддержкой стран Запада и их арабских союзников (Ливия, Тунис, Сирия, Египет, Йемен). Все это ни что иное, как реализация старого имперского принципа «разделяй и властвуй» под прикрытием распространения демократии. Характерно также, что во всех «цветных революциях» в качестве ударной силы используются радикальные и экстремистские группировки, откровенно попирающие принципы все той же западной демократии. На Украине это фашиствующий Правый Сектор и партия «Свободы», в мусульманских странах – так называемые «религиозные» экстремисты.

И что удивительно – те, кто приходит к власти на волне «цветных революций», на практике не меньшие сторонники двойных стандартов, чем их иностранные покровители. В том числе и те, кто действует под якобы исламскими лозунгами. Изощренные расправы с заложниками, которых казнят поодиночке или целыми десятками под объективами телекамер, – это не только часть пиар-кампании, направленной против «безбожного Запада». Это еще и отражение того факта, что жизнь «неверного» в глазах террористов имеет не больше ценности, чем жизнь рядового мусульманина в глазах западного обывателя.

Есть еще одно поразительное совпадение, характеризующее духовную близость «поборников демократии» и «борцов за чистый ислам». Мировой антикварный рынок после американской оккупации Ирака был наводнен древними шедеврами, похищенными из местных музеев. Сегодня, когда многие из этих же музеев и древних комплексов, оказались на территории, подконтрольными ИГИЛ, на мировой рынок хлынул новый поток предметов старины. Как говорится, деньги одинаково не пахнут для всех, кто хочет их любой ценой. И вероисповедание в этом случае отступает на второй план.

Все сказанное выше можно было бы рассматривать как отвлеченные размышления о негативных сторонах современной политической жизни, если бы не то печальное обстоятельство, что эта болезнь коснулась и чеченского общества. И дело тут не только в том, что наше общество разделилось на «очень богатых» и «очень бедных». Беда в том, что чеченскому обществу грозит утрата единых духовных ценностей. Один раз это уже раскололо чеченское общество в начале 90-х годов прошлого века и последствия этого раскола полностью не преодолены до сих пор. Иначе как объяснить, что чеченские добровольцы воюют по разные стороны фронта, разрезавшего юго-восток Украины? Или их участие в гражданской войне на территории Сирии и Ирака?

В данном случае не так уже и важно, какие именно мотивы заставили молодых людей уехать на чужбину и участвовать в войнах, никак не связанных с национальными интересами чеченского народа и Чеченской Республики. Кто-то поехал за деньгами, кто-то поверил в искренность новоявленных проповедников «чистого ислама», а кто-то верит в западную демократию. В любом случае эти люди духовно выпали из чеченского общества, что превратило их в еще один инструмент в руках внешних сил, руководствующихся собственными интересами. Это те самые облеченные властью люди, которые по свидетельству

К 70-летию Победы

Никто не забыт…

Многие из нас, чья школьная пора пришлась на годы советской власти, еще хорошо помнят ежегодные задания своих классных руководителей – подготовить реферат о ветеранах Великой Отечественной войны, живущих рядом…

В те годы узнать о них, сходить в гости и поговорить лично, действительно, было несложно. До сих пор помню свою нянечку (и соседку по дому) Ирину Ивановну Кирсанову, прошедшую всю войну медсестрой и встретившую День Победы в освобожденной от гитлеровцев Чехословакии. Помню отца известной чеченской певицы Раисы Кагермановой, ветерана ВОВ, частого гостя в нашем доме, пока еще был жив мой дед. Директором родной Сш № 10 долгие годы работал бывший «сын полка» Илларион Федорович Дорофеев. Сама школа носила имя Героя Советского Союза Кузьмы Гуренко. Да что там школа, даже мой класс носил имя Героя – Николая Алексеева, летчика, уроженца Грозного. Его мать проживала буквально в «двух-трех шагах» от школы, а когда умерла, то на ее похороны ходили целыми классами…

Это было такое время, когда выполнить подобное задание для школьника было не в тягость, а в азарт. Кое-кто из учеников мог «похвастать» не только фотографиями ветеранов времен их боевой молодости, одолженными на время предстоящей выставки, но и медалями. Удивительно, однако ничего из одолженного не терялось, и в свое время мы возвращали эти памятные документы и награды их владельцам. Как жаль, что не было в те годы ни ксероксов, ни сканеров или видеокамер. Даже любительские фотоаппараты оставались в быту редкостью. Но вот теперь есть все из перечисленных технических изысков… да только ветеранов с нами – почти никого…

Кажется, время, пришедшееся на распад Советского Союза, две войны, смертоносным катком прокатившиеся по нашей республике, – не пощадили ничего и никого из той эпохи. Настолько жизнь наша изменилась – до неузнаваемости…

Тем сильнее чувство удивления и даже изумления, когда узнаешь о людях, чей энтузиазм и преданность делу даже не профессиональному, а общественному, просто «заточены» на абсолютное бескорыстие.

Одним из представителей этой редкой, но славной в любую эпоху генерации, является Тамила Зияудиновна Абдулаева, учительница русского языка и литературы Шатоевской средней школы, чьи стихи, посвященные чеченским ветеранам, опубликованы на страницах текущего номера.

Когда-то, еще в далеком детстве, интерес к теме участия чеченцев (в том числе детей) в Великой Отечественной войне, со временем вылившийся в систематическую поисковую работу на добровольных началах, у Тамилы Абдулаевой возник не случайно и не на пустом месте. В ее семье мать, Айна Хамидовна Окуева, и дядя, известный чеченский поэт и писатель Шима Хамидович Окуев, много лет собирали материалы о чеченцах и ингушах, участниках Великой Отечественной войны. А также подруга матери, Луиза Саккаевна Хункаева, дочь легендарного воина и героя той войны Сакки Висаитова, тоже педагог, часто дарила ей книги и журналы с рассказами о фронтовиках. По воспоминаниям Тамилы, последним подарком Луизы Хункаевой была папка с газетными вырезками, архивными справками, фотографиями и копиями писем ветеранов на Чечено-Ингушское радио. В своем комментарии к этим документам Луиза Саккаевна писала: «Я верю в то, что в

нашей стране будет издана книга, повествующая о всех детях-фронтовиках, совершавших подвиги в годы Великой Отечественной войны».

Тамила отмечает: «Если бы в наше время такой сборник вышел в свет, в нем было бы немало ярких и интересных страниц и о чеченских детях: Умаре Якубове, служившем в 3 батальоне 9-й гвардейской бригады и ставшем в 13 лет кавалером ордена Отечественной войны II степени; о Зелимхане Максутове из 299 гвардейского минометного полка, награжденном в ноябре 1943 года медалью «За отвагу» за героизм, проявленный при спасении командира; о десятилетнем Лече Гайтамирове, удостоенном за мужество и отвагу в боях с фашистами нескольких орденов и медалей… Разными путями оказались эти дети на войне. Так, Умар Якубов в холодную осеннюю ночь 1942 года незаметно для взрослых влез в машину своего отца-фронтовика Багата Чермоевича Якубова, приехавшего домой предупредить семью о приближении фронта к родной станице Вознесенской. Уезжая, Багат Чермоевич не заметил в сумерках сына. А обнаружил его лишь в части, где уже полыхали бои. С того дня и стал Умар Якубов «сыном полка».

Висаитова-Хункаева Луиза Саккаевна

Осиротевшего и находившегося на грани дистрофии Зелимхана Максутова подобрали у черноморского поселка Якорная Щель солдаты-добровольцы 299 гвардейского минометного полка. За мужество и героизм, проявленные в боях с фашистами под Харьковом в ноябре 1942 года, Зелимхан получил первую свою награду – медаль «За отвагу». Вместе с частями своего корпуса он принимал участие в боях за освобождение Польши, Чехословакии, Австрии и Венгрии от фашистов.

А десятилетнему Лече Гайтамирову каким-то чудом удалось бежать с поезда, в котором в феврале 1944 года чеченцев и ингушей увозили в ссылку в Среднюю Азию. Больной крупозным воспалением легких, он был подобран в прифронтовой зоне солдатами Красной Армии и усыновлен командиром батальона. В своем письме диктору Чечено-Ингушского радио Евгению Лазаревичу Катакову ветераны Великой Отечественной войны, освобождавшие Берлин от фашистов, в 1980 году писали: «В мае 1945 года на ступеньках рейхстага мы увидели смуглого, кучерявого мальчика лет 10-12, которого боевые товарищи называли Цыганенком. Из рассказа одного из солдат мы узнали, что юный воин является чеченцем по национальности. Тяжело больной крупозным воспалением легких, он был подобран в прифронтовом лесу, выхожен и усыновлен командиром батальона. И хотя приемный отец мечтал, чтобы Цыганенок стал суворовцем, мальчик заявлял всем, что, как только окончится война, он уедет к матери в Казахстан, что он – чеченец, что его малая родина – Чечено-Ингушетия и что его настоящее имя – Леча Гайтамиров. Хотелось бы узнать, как сложилась дальнейшая жизнь Вашего славного земляка Гайтамирова, никогда не забывавшего на войне свою родину и родных»…

В надежде найти больше сведений об этих и других чеченских детях-фронтовиках, несколько лет назад Тамила Абдулаева написала статью под названием «Все тленно, кроме добрых дел», которая была опубликована в газете «Вести республики». И хотя верилось в удачу мало («старики-фронтовики из

Чеченской Республики – люди скромные и не любят рассказывать о своих подвигах»), тем не менее первые отклики, по прошествии некоторого времени, стали поступать: «Первой на просьбу редакции отозвалась главный специалист общего отдела администрации Шатойского района Субар Муцаевна Шамсадова. Она принесла II том книги «Память. 1941 – 1945 гг.», недавно выпущенный Архивным управлением Правительства ЧР. Читая его, – делится Тамила, – я испытывала чувство искренней гордости и радостное волнение каждый раз, когда среди персональных данных на девять тысяч фронтовиков находила сведения не только о своих родственниках, но и о «сынах полков» Умаре Якубове и Зелимхане Максутове, из которых и стало известно о дальнейшей судьбе этих юных героев ВОВ.

Якубов Умар Багаевич

Кавалер ордена Отечественной войны II степени Умар Багаевич Якубов, 1929 года рождения, уроженец села Знаменское Надтеречное ЧИАССР, в 13 лет оказавшийся на фронте, в 9-й гвардейской батарее 3-го батальона и проявлявший мужество и отвагу на полях сражений, демобилизован в 1944 году. Умер в 2003 году. От жителя Малгобека Б. Чербижева, лично знавшего У.Б. Якубова, также известно, что Умар Багаевич после возвращения на свою историческую родину, многие годы работал таксистом.

А Зелимхан Максутов из 299-го гвардейского минометного полка, награжденный в свои неполные 13 лет в ноябре 1943 года за героизм, проявленный в боях с фашистами под Харьковом, медалью «За отвагу», находился на фронте до самого Дня Победы. Вместе со своими однополчанами воевал в Польше, Чехословакии, Австрии, Венгрии. Погиб в мае 1945 года.

Вторая «Книга памяти», изданная Архивным управлением Правительства нашей республики – это неопровержимое свидетельство того, что в Великой Отечественной войне участвовали и чеченские дети, разными путями оказавшиеся на фронтах Красной Армии». Тамила Абдулаева выражает надежду, что, «возможно, в третьем томе книги «Память. 1941 – 1945 гг.» будут опубликованы сведения еще об одном отважном чеченском мальчике, участвовавшем в войне с гитлеровцами, так как несколько дней назад мои бывшие ученики принесли мне пожелтевшую от времени вырезку из газеты, в которой рассказывается о подвигах пионера-разведчика Зелимхана Тазбаева в военных сороковых годах, и попросили передать ее сотрудникам Архивного управления Правительства ЧР». Можно сказать, что мечта чеченского педагога и дочери фронтовика Луизы Саккаевны Хункаевой, выраженная в приведенном выше комментарии, отчасти сбылась, и «Книга памяти» – тому яркое подтверждение. Даст Бог это начало большой исследовательской работы. Тамила Абдулаева выражает признательность всем, кто способствовал выходу этой книги, а также известному чеченскому писателю Хож-Ахмеду Берсанову – «воскресившим из забвения имена и подвиги юных героев нашего народа»…

Воскресить имена героев из Забвения... Для нашего народа это слово – забвение – наполнено такой печальной значимостью, что «достойно» написания с большой буквы.

Читатель, возможно, обратил внимание, с какой тщательностью в начале повествования мною были выписаны полные имена героев и просто героических участников Второй мировой. В общем-то, не знать о них ничего, считалось в то время постыдным. Многие ветераны бывали частыми гостями в школах, на телевидении, радио т.д. Это были люди разных национальностей – и для своих народов, в первую очередь, они заслуженно являлись их цветом и гордостью.

Совсем по-другому сложилась судьба у ветеранов из народов, подвергшихся тотальным репрессиям со стороны сталинского режима. Несмотря на формальную реабилитацию и восстановление автономных государственных образований, ликвидированных в период депортации, эти народы (чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки и т.д.) продолжали в глазах действующего коммунистического режима оставаться не столько реабилитированными, сколько, как бы «попавшими под амнистию». То есть, нас как бы «извинили», но не извинились. И вот это болезненное ощущение «заклейменности» жило, практически, в каждом «нацмене» (так для «удобства» иногда мы и сами себя называли). И если вот такое чувство отверженности могло посетить даже самого заурядного обывателя – ничем не навредившего «оплоту развитого социализма» и никак не проявившего себя хотя бы «по-стахановски» или «павликоморозовски» – то что же должен был чувствовать воин, рисковавший и жертвовавший для защиты этой страны и режима самым ценным – собственной жизнью? А ведь многие из них продолжали сражаться на фронтах, даже когда трагические события на малой родине уже не были для них новостью. Продолжали сражаться и поражать беспримерной отвагой и своих однополчан, и даже врагов…

Только вот после окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков им не пришлось разделить общее ликование советских людей – все они по приказу этой же власти обязаны были отправиться по этапу в Сибирь и Среднюю Азию, к месту ссылки своих народов и сполна разделить лишь одну долю – долю «предателей и изменников Родины». У многих фронтовиков изымались заслуженные боевые награды… И вот эти участники войны, наши земляки, ходили среди нас, жили, работали… И разве День Победы 9 мая не был для них таким же – «пропахшим порохом» и «со слезами на глазах»? Что они чувствовали, невольно став «незваными гостями» на празднике, который принадлежал им по праву? Они жили среди нас – но их, вроде как, и не было вовсе…

Много лет тому назад, в один из советских еще майских дней к моему деду пришел в гости отец Раисы Кагермановой – для меня он всегда был просто «другом моего дедушки». Когда он вошел, я вдруг заметила на груди его выходного костюма наградную планку. Он пришел в гости, но, из скромности, боевые награды оставил дома. Только потом от отца я узнала, что «друг моего дедушки», оказывается, был фронтовиком! Это открытие поразило меня и в то же время больно ранило. Ведь он тоже жил «буквально в двух-трех шагах» от моей школы… Что известно об этом человеке, в тех далеких 41 – 45 годах с оружием в руках защищавшего наше отечество – кроме того, что он дал жизнь замечательной чеченской артистке? Или – о сотнях и даже тысячах других воинов из Чечено-Ингушетии, чьи подвиги остались в безвестности? «Ничто не остается забытым, время все запоминает и все раскрывает» – повторяет вслед за великим древнегреческим поэтом Гомером Тамила Абдулаева. И хочется верить, что это время пришло и для наших героев Великой Отечественной войны.

Подготовила Роза Межиева

К 70-летию Победы

Тамила Абдулаева

Воспоминание фронтовика о Лече Гайтамирове

Кажется, вчера все это было:
Мимо стонущих, седых берез
Мальчика в бреду, без слез рыдавшего,
На руках заботливо он нес.

Видевшие смерть и кровь, и слезы,
Черные мальчишечьи глаза,
Мнилося, отчаянно кричали:
«Будь же проклята она, война!

И теперь, спустя десятилетья,
Переживший сам немало бед,
Вспоминает с горькой болью в сердце
Фронтовик детей военных лет.

И живет в его воспоминаньях,
Хоть война давно уже прошла,
Мальчик-воин Леча Гайтамиров,
Леча Гайтамиров – сын полка.

О юном герое 299-го гвардейского минометного полка Зелимхане Максутове

Был грозный бой, сама земля, казалось,
Стонала и дрожала сотни раз,
И в этом страшном, словно ад, сраженье
Чеченец-мальчик командира спас.

В тринадцать лет он получил награду
За мужество, за подвиги в бою,
Еще за то, что первым шел в атаку,
Нисколько не жалея жизнь свою.

И я хочу, чтобы герой тот юный
Жил в памяти народа своего,
Чтобы у нас, в Чечне, стихи звучали
О молчаливом подвиге его.

О мечте фронтовика Умара Якубова

В тринадцать лет он стал солдатом,
Сражался за свою страну.
Бомбежки, смерть друзей любимых
Не раз он видел в ту войну.

И потому желал так страстно
Солдат, прошедший ад войны,
Согласья, мира всем народам
Любой республики, страны.

К 70-летию Победы

Абдулла Гапаев

«Он вчера не вернулся из боя»

Маленькая Чечено-Ингушетия отправила на войну с фашизмом более 40 тысяч доблестных воинов. Маленький Чечено-Ингушский драматический театр проводил на эту войну более 20 лучших своих питомцев. Назовем имена некоторых из них: Атуев Айнди, Баркинхоев Хусайн, Батукаев Сайпи, Дакаев Солт-Ахмед, Зандукаев Р. (имя неизвестно), Исаев Тапа, Марзиев Хаджи-Мурад, Мациев Асланбек, Мимиев Эдилби, Сатабаев Ширвани, Ханиев Магомед, Цароев Абдулла, Шоипов Хасан. Когда началась Великая Отечественная война, эти тринадцать ребят были студентами Чечено-Ингушской актерской студии ГИТИС. Но цифры 20 и тем более 13 не окончательны, так как вопрос до конца не изучен, и мы не можем сказать достоверно, сколько ребят ушло на войну. Сказано только: «Почти вся мужская часть студии добровольцами ушла на фронт». В июне 1941 года вся студия еще была в Москве. Мы до сих пор не выполнили свой долг перед памятью героев, павших в бою за нашу жизнь и свободу.

Тапа Исаев

В минуту смертельной опасности, нависшей над страной, патриотический подъем был всеобщим. Эти молодые парни, которых ждали дома родители, братья, сестры, наконец, невесты, в понедельник 23 июня пошли в Краснопресненский военкомат и добровольцами вступили в Истребительный батальон Московского ополчения. Истребительный – значило, что они идут сражаться насмерть, отступать им было некуда, за ними стояла Москва и память о доблестных витязях Кавказа.

Они были разные: разного темперамента, разного жизненного опыта, с разным уровнем образования и грамотности, разные еще и по возрасту. При поступлении в ГИТИС им было от 18 до 24 лет. Эта разница потом станет не заметной, в их возрасте и месяц – большая разница, чтобы блюсти чеченский этикет и учиться на опыте старшего товарища. Родом они из Грозного и окрестных сел.

Да, они были разными, но у них было одно врожденное качество, одно на всех: готовность до конца стоять за свои убеждения, за честь, за совесть, за достоинство, отдать за это свою жизнь, если нужно. И они отдали ее, не задумываясь, за свободу и независимость Родины.

Сатабаев Ширвани родился в 1919 году, член КПСС, старший лейтенант запаса. В 1939 году ушел служить в армию. С июля 1941 года по март 1942 года принимал участие в обороне Москвы. Потом до конца войны воюет в составе Калининского, Центрального, Западного, 3-го Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «20 лет победы в Великой Отечественной войне» и «50 лет Советской Армии». С 1945 года работает на различных государственных постах.

Мациев Асланбек родился в 1921 году, член ВЛКСМ. В октябре 1939 года ушел в армию. Погиб в апреле 1942 года.

Думаю, что Мациев и Сатабаев ушли в армию добровольно. Я не могу утверждать с уверенностью, но у ребят, наверно, было освобождение от призыва в армию хотя бы до конца учебы. Сатабаеву повезло, он вернулся с войны живым.

Мимиев Эдилби в 1941 году добровольцем ушел на фронт, а в 1942 году по ранению был демобилизован и работал актером в Чечено-Ингушском драматическом театре.

Атуев Айнди. По сообщению семьи перед войной Айнди успел сняться в фильме Пырьева «Свинарка и пастух». Он пробовался на главную роль, но Пырьев остановился на Владимире Зельдине и Айнди играл одного из дружков Мусаиба Гатуева.

Атуев Айнди

На фронт ушел добровольцем. Оборонял Москву в составе Истребительного батальона Московского ополчения. Имел звание старшего лейтенанта. Был серьезно ранен, долго лечился. Требовалась длительная реабилитация и его отправили домой в село Новые Атаги. Отсюда его вместе со всем народом депортировали в Киргизию, в г. Токмак. Работал в колхозе «Путь к социализму». В 1957 году погиб в автокатастрофе.

Батукаев Сайпи. В июне 1941 года через Краснопресненский райвоенкомат добровольцем ушел на войну. Воевал на разных фронтах до конца войны. В 60-х годах прошлого века работал в одной из строительных организаций с. Шали.

Ханиев Магомед родился в 1920 году. На фронт ушел, как остальные его товарищи, добровольцем, воевал до конца Великой Отечественной войны в составе разных фронтов. Лейтенант запаса. Я помню, как наша газета «Ленинский путь» делала о нем материал.

Цароев Абдулла родился в 1920 году, член КПСС, лейтенант запаса. Добровольцем ушел на фронт, дрался с немецко-фашистскими оккупантами в составе Истребительного батальона, потом в составе особого партизанского отряда легендарного разведчика Героя Советского Союза Николая Медведева. За мужество и отвагу Цароев награжден орденом боевого Красного Знамени, 2-мя орденами Красной Звезды, медалями. В 1968 году еще жил в Средней Азии.

Баркинхоев Хусайн ушел на фронт добровольцем. Погиб или пропал вести.

Зандукаев Р. (имя неизвестно). В начале войны через Краснопресненский райвоенкомат добровольцем ушел на фронт. Погиб или пропал без вести.

Марзиев Хаджи-Мурад вместе с товарищами добровольцем ушел на фронт. Воевал в звании лейтенанта. Погиб или пропал без вести.

Дакаев Солт-Ахмед родился в 1919 году, член ВЛКСМ. В начале войны вступил добровольцем в Истребительный батальон Московского ополчения и принимал участие в обороне Москвы.

Исаев Тапа – студент Чечено-Ингушской актерской студии. Родился в 1916 г., член ВЛКСМ, Сталинский стипендиат. В 1941 году с товарищами добровольцем вступил в Истребительный батальон и в его составе принимал участие в обороне Москвы.

Исмаил Ибрагимов

Шоипов Хасан родился в 1918 году, член КПСС, капитан запаса. Как большинство своих товарищей, начинал войну добровольцем Истребительного батальона, оборонял Москву. Потом в одном полку и в одном батальоне с Дакаевым и Исаевым воевал в составе 156-ой дивизии 22-ой армии Калининского фронта. В 1942 году в боях за село Карпово (Тверская область) Дакаев и Исаев погибли.

Далее Шоипов Хасан сражался в составе 1-го Прибалтийского фронта. С 1942 года до конца войны – участник партизанского движения Беларуси. За

образцовое выполнения боевых заданий награжден орденом Красной Звезды, медалями «Партизану Отечественной войны» 1-ой степени, за «Боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией» и «20 лет победы в Великой Отечественной войне». С 1946 года занимал различные должности в системе искусства Беларуси и Чечено-Ингушетии.

Чечено-Ингушская актерская студия ГИТИС 1938 года.

Хасан вернулся живым. Это он рассказал, где погибли Дакаев и Исаев.

Хочу привести имена еще восьми человек. По моим предположениям **Алхазов Сайд-Ахмед, Гериханов Ахмед, Ибрагимов Исмаил, Магомадов Мовлди, Магомаев Магомед** (художник театра, сын композитора Муслима Магомаева), **Мамаев Магомед, Сапаров Магомед, Туликов Абу-Хаджи** были действующими актерами Чечено-Ингушского театра, и отсюда ушли на фронт. Некоторые из них уже имели почетные звания заслуженного артиста ЧИАССР (И.Ибрагимов).Их военная судьба, к сожалению, неизвестна.

Что мы можем сегодня сказать? Обещать им, что не забудем их подвиг, наша память сохранит их дорогие черты! Слава героям, отдавшим свои жизни за независимость и свободу Отечества!

В конце хочу привести строки из одного пронзительного стихотворения. Автора я не знаю.

Почему чеченцы умирают?

День в костре заката догорает,
Небо уступило вечерней тени…
Буднично и просто, как на сцене,
Почему чеченцы умирают?

Почему, когда оркестр играет
Гимн весне, чеченцы правят тризну?
Вопреки Святым Законам Жизни,
Почему чеченцы умирают?

Почему погибших не бросают,
И «Ясин» читая в гуще боя,
За умерших братьев всей душою,
Почему чеченцы умирают?

В этом мире те лишь понимают,
В чьей груди живое бьется сердце:
Потому в веках живут чеченцы,
Что за смысл жизни умирают!

Заслуженный артист ЧИАССР Исмаил Ибрагимов в роли Платона Кречета в спектакле по одноименной пьесе А. Корнейчука.

PS. В моей книге «Чеченский драматический театр» сказано, что в живых осталось лишь 5 человек: Атуев Айнди, Сатабаев Ширвани, Ханиев Магомед, Шоипов Хасан и Цароев Абдулла. Уже после сдачи книги в печать обнаружил в архиве еще двух выживших в той войне солдат. Это Батукаев Сайпи и Мимиев Эдилби. Я обрадовался этой ошибке: еще два солдата вернулось домой!

К 70-летию Победы

Владимир Коваленко

Коваленко Владимир Васильевич родился 18 октября 1950 года. В 1973 г. окончил ЧИГПИ (исторический факультет). Работал учителем в Старощедринской СШ, Щелковском РК ВЛКСМ, РК КПСС, редактором районной газеты «Терская новь». В 1992 г. переехал в Москву. В столице работал в сфере снабжения и науки, начальником Отдела по работе со СМИ и связям с общественностью, заместителем директора-главного редактора Информационного агентства Раменского района Московской области. Советник налоговой службы РФ 11 ранга. В настоящее время пенсионер.

Временно живой из погибшего поколения

Очерк

Есть данные, что мужчин 1920–1925 годов рождения после войны в живых осталось не более 3-4 процентов. Остальные сложили свои головы на той проклятой войне.

Наш с сестрой отец каким-то чудом попал в эти жалкие остатки погибшего поколения. И вот, когда ты достиг возраста, чтобы осознанно понимать, что каждый человек – это Вселенная в миниатюре, а после тебя идут Вселенные твоих детей, внуков, за ними правнуков, со страхом и тоской осознаешь: это сколько же людей не пришли в наш мир? Сколько не построено городов, не выращено хлеба, не проложено дорог, не написано стихов, не спето песен?

Я уже значительно старше своего сорокапятилетнего умершего отца-фронтовика, и единственное, что могу сделать для него, а также его погибших современников – этими строчками почтить их светлую память. Погибшего поколения двадцатилетних.

1

Василий уже знал, что смертельно болен. Последний рентгеновский снимок показал, что затемнение в желудке разрастается, и боль с каждым днем все усиливалась. Врачи, как обычно в таких случаях, отводя в сторону глаза, бодро строили утешительные прогнозы, обещали в скорости дать направление в одну из республиканских больниц, объясняя, что по такой болезни специалистов в районной больнице нет. Да их нет во всем свете, потому что рак не лечится, но, поддерживая игру врачей, он деланно бодрился. Больше всех со страхом ожидала будущего жена Мария. Сама медик, фельдшер по образованию, она по опыту знала, что самое трудное впереди, и потихоньку запасала обезболивающие.

А тут еще сын, Владимир, надумал жениться. И это на первом-то курсе института! О чем думают эти молодые, повременить что ли нельзя, пока выучатся, получат профессию, встанут на ноги? А оказывается, годить-то уже и нельзя, потому как дело сделано. «Яблоко от яблони далеко не падает», – злился Василий и тут же соображал, что яблоня – это он сам, и неча на зеркало пенять, коли рожа крива.

Поглаживая свои щегольские усики, он вспомнил, как в первый раз сошелся с женщиной еще на фронте во время короткой передышки между боями. А что надо парню-казачонку, когда у него за плечами несколько месяцев непрерывных боев? Чтобы не убили, не покалечили. Чтобы старшина вовремя кашу доставил, чтобы лошадь свою, по кличке Гюрза вовремя чем-нибудь подкормить.

В последних числах декабря, перед Новым годом, решили собраться в узком семейном кругу. Василий, после того как болезнь начала прогрессировать, замкнулся в себе, запретил жене пускать в дом даже близких приятелей и знакомых. Но, понимая, что дальше будет поздно, согласился на встречу со своими, тем более что впервые к ним, как сноха, должна была прийти жена сына, с которой он расписался месяц назад.

Пообедали быстро, и молодые засобирались в станицу, в дом к родителям Татьяны. Василию сноха понравилась. С пышным хвостом смоляно-черных волос, с живым блеском в карих глазах, застенчивой улыбкой - они с сыном представляли хорошую пару, и Василий с удовлетворением подумал: молодец девка, эта со своим характером сумеет за себя постоять, если что… Чуть заметная беременность снохи еще не портила ее девичью фигурку, и Василий втайне порадовался за сына.

Перспектива вскоре стать дедом, когда тебе только за сорок, даже забавляла, но новый приступ боли в желудке вернул к бренной жизни, и только кубик болеутоляющего, который ввела жена, отвлек от тоскливых мыслей о будущем.

Он прилег на диван и попытался вспомнить, где он был, когда ему исполнилось девятнадцать лет, как сегодня Татьяне и как полтора месяца назад сыну. И тут понял, что в день, когда ему стукнуло девятнадцать, он был… нигде. Его не было ни на этом свете, ни на том, потому что уже несколько дней без сознания, в бреду, он валялся в пропахшем карболкой немецком лазарете. Изредка, от нестерпимой боли, сознание на мгновения возвращалось к нему, но потом он снова погружался в темную трясину спасительного небытия.

На фронт семнадцатилетний Васька попал в сентябре 1942 года. Видно, совсем плохи были дела на войне, коли такой молодняк, как он, стали подгребать подчистую. А то, что дела и в самом деле были не шуточные, вот уже несколько недель напоминал гул далекой канонады, а по ночам – в ведрые летние ночи, - в направлении, где в ста с лишком верстах был Грозный, высоко в небе отсвечивали всполохи огня. По слухам, там горели огромные резервуары нефти, которые постоянно подвергались интенсивным бомбежкам, и никто всерьез их не тушил.

Сперва пацанву из окрестных станиц и хуторов собрали в районном военкомате. Долго распотякивать там не стали. Ночью погрузили в полуторку и через несколько часов по временному понтонному мосту через Терек перевезли в Гудермес. Этот небольшой городок был важным железнодорожным узлом, связывающий Центр страны с Закавказьем, откуда по железной дороге перебрасывали горючее, боеприпасы, живую силу и технику. Немцы хорошо понимали значение этого узла и бомбили его нещадно.

Несколько дней насмерть перепуганные, постоянно голодные, наскоро переодетые в какие-то лохмотья, издали напоминающие военную форму, новобранцы в короткие промежутки времени, между бомбежками, пытались лопатами и кирками разгребать завалы. Нередко их перебрасывали к жутко матерящимся рабочим восстанавливать железнодорожные пути. А еще даже не принявшие присягу бойцы стаскивали погибших от бомбежки людей в огромные братские могилы за вокзалом. В одной из таких могил похоронили земляка из соседней станицы, Володьку Подлесного.

По слухам, все решалось под Сталинградом, но и на южном направлении немец жал так, что ажник масло текло. Линия фронта подошла к Малгобеку,

откуда до Грозного оставалось километров восемьдесят-девяносто. На своем левом фланге фашисты вышли на правую сторону Терека. Вот туда таких бедолаг, как Васька, командование бросило затыкать дыру, выделив им по одной винтовке на двоих и по обойме патронов в одни руки.

2

Василий, следуя наставлениям врачей, бросил курить. Но каково не курить, если занимаешься этим с десятилетнего возраста? Чтобы не вызывать недовольство жены, он потихоньку вышел из дома и прошел в летнюю кухню. За день хорошо протопленное помещение еще не остыло, и он, разыскав заначку, закурил, выпуская дым в приоткрытую дверцу печки-голландки. Вид разгорающихся дров, которые он подбросил в печку, мерцающие искорки, отлетающие от потрескивающих полешек, привычный запах дыма снова вернули его в прошлое.

Ночью по большаку на четырех открытых полуторках ошалевших от страха, голода и твердой уверенности, что это их последняя в жизни поездка, новобранцев доставили в Алпатово. Здесь они впервые услышали, как ревут моторы немецких танков на другой стороне Терека. Васька обреченно понял, что следующих дней у него в жизни уже не будет. С соседом-другом Сенькой Терголовым они кое-как выкопали подобие окопчика, благо песок был мягким, и в изнеможении забылись в коротком тревожном сне.

Как там по-настоящему разворачивался бой, Василий толком не понял. Потом, когда разрозненные фрагменты дня сложились в более-менее понимаемые события, он понял, что с Сенькой их спасло какое-то чудо. В трех километрах выше по реке, в самом узком месте ее русла, немцы навели понтонную переправу. Они даже успели переправить на левый берег несколько легких танков и до роты пехоты. Фашисты настолько видно были уверены в своих действиях, что даже не обеспечили прикрытие переправы зенитками. Прилетевшие со стороны Моздока два наших самолета каким-то чудом эти понтоны разбомбили и переправившиеся немцы оказались в ловушке. Но паники в их порядках не было. Немецкие танкисты в скоротечном бою подбили несколько наших танков и неизвестно, чем бы эта война для мальчишек закончилась, если бы немцы не наткнулись на нашу хорошо замаскированную противотанковую батарею «сорокопяток». Артиллеристы не оплошали, и после того, как немецкая пехота потеряла броневое прикрытие, их наступательный пыл заметно поубавился. Фрицы отступили к берегу реки и попытались закрепиться на берегу, но их оттуда выбили. Часть из них погибла, часть утонула в быстрых водах Терека, некоторым все-таки удалось переплыть на другую сторону. Это была первая и последняя попытка немецких войск форсировать последнюю более или менее серьезную водную преграду на Кавказе. Добейся они тогда успеха – ничто бы не сумело удержать их стремительного движения на восток в сторону Астрахани, где на всем почти шестисоткилометровом пути не было ни одной путевой речушки, ни толковой высотки, за которую можно было бы зацепиться. Точно так же перед ними широко открывалась дорога на юг в сторону Махачкалы и Баку, куда Гитлер так активно стремился, подчинив южному направлению всю стратегию кампании 1942 года. Но, видно, и у фрицев резервы здесь подходили к концу, если им не хватило сил для последнего усилия: все перетянул на себя Сталинград.

Но об этих высокомудрых полководческих планах пацаны ничего не знали. Выпалив в белый свет, как в копеечку, обе свои обоймы, бойцы аккуратно прислонили к краю окопчика уже не нужную винтовку, молча переглянулись и сиганули в степь, держа курс на восток, по направлению к своей станице.

В тот вечер Ирина, привычно занимаясь домашними делами, в мыслях постоянно возвращалась к старшему сыну. В сумерках подоила корову, процедила через марлю молоко, занесла ведро во вторую нежилую часть хаты. Вернулась в горницу. Все ее семейство: пятнадцатилетний Миша, две дочки – восьмилетняя Шура и пятилетняя Надюшка – терпеливо сидели за столом и ждали к ужину мать. Годовалая Женечка тихо посапывала в подвешенной зыбке. Молча поужинали и стали готовиться ко сну. Керосин был на вес золота, и его следовало беречь. Пока старшие уталкивались, Ирина достала из зыбки грудничку, помыла ее, заменила ей пеленки и стала кормить.

Больше месяца прошло, как со двора ушел Вася. За все это время от него не было ни слуху ни духу. За это время страшная весть пришла в дом: в казенном коричнево-серого цвета конверте почтальонша принесла известие, что красноармеец Василий Григорьевич Коваленко пропал без вести при форсировании реки Маныч. Отплакавшись и помянув мужа, Ирина надела черный платок, враз превратившись из еще молодой, статной женщины в серую тень прежней Ирины. Теперь все ее мысли были направлены на думки о старшем сыне. Миша, хоть и был парнем хозяйственным и без него Ирина вообще не представляла своей жизни, полностью заменить старшего брата не мог. Домашнее хозяйство было хоть и небольшим, но требовало постоянного ухода. Много времени посвящать детям у Ирины не было возможности, потому что кроме младшей дочери, которая требовала к себе особого обращения, норму выработки по трудодням в колхозе с нее никто не снимал. Ирина не роптала: как всем, так и нам, но страшные мысли о старшем сыне не покидали ее постоянно.

Уже почти засыпая, Ирине вдруг почувствовалось, что за стеной хаты со стороны проулка кто-то прошел, потом вернулся обратно. Она накинула на плечи полушальничек и вышла в сенцы, откуда подслеповатое окошко выходило на улицу. Полная луна вышла из-за тучи и осветила темную фигурку человека, который прижался носом к стеклу и пытался что-то рассмотреть в темной хате. Ирина бросилась к окошку, присмотрелась, и ноги перестали ее держать: у окна стоял ее старшенький, Вася. Ирина стремительно отбросила крючок, которым на ночь запирали дверь, и выскочила на терраску. Вместе они вошли в хату и с первых минут мать почуяла неладное. Сын сдал, как сдают люди либо пережившие тяжелую болезнь, либо потерявшие во все веру и, прежде всего, в себя. Она это поняла, когда обнимала и целовала его, ощущая через порванную, в нескольких местах прожженную телогрейку вздрагивающую, худющую спину немало поголодавшего человека. За месяц из стройного, подтянутого парубка он превратился в какого-то старичка с бегающими туда-сюда глазами, которые он прятал от матери в первые минуты встречи.

Огромную чашку постного борща с большой краюхой хлеба он умял в считанные минуты и молча просительно посмотрел на мать. Ирина подала ему кринку еще чуть парного молока, и он выпил ее всю без остатка.

Утолив первый голод, Васька поднялся и полез за грубку. Оттуда он достал жестяную банку, в которой отец хранил покрошенный табак «дюбек», и свернул огромную самокрутку. Ирина знала, что старший давно и тайно покуривает, но так, в открытую перед ней, он курил в первый раз. Когда она выкрутила фитиль лампы, чтобы парню было легче прикурить, тот быстро выхватил лампу из ее рук, сделал несколько резких плямов и прикрутил фитилек, снова погрузив комнату в густой полумрак.

Минут двадцать Васька то ли рассказывал, то ли оправдывался перед матерью, почему он здесь. Он все никак не мог подобрать слов, чтобы перейти к своему дезертирству. Путаясь, начал придумывать, что его с Сенькой Терголовым отпустили на короткую побывку домой, для того, чтобы, как казачат, через неделю снова призвать в казачьи формирования.

– Буду проситься, чтобы меня направили на службу в одну часть с батей, – наконец, закончил он свое неловкое повествование и в первый раз поднял на мать виноватые, пожухлые глаза.

Ирина с первых минут встречи поняла, что парень сбежал из армии и что если сына поймают, жизнь его не будет стоить и понюшки табака. Однако она набралась терпения, чтобы выслушать все его вранье. Ее переполняла жгучая жалость к первенцу. Перед ней сидел ее сын, сломленный, раздавленный жизнью мальчишка, ждал от нее помощи и сочувствия, потому что со своей бедой ни к кому, кроме нее, он податься не мог. Потому что он еще ничего не знал об их отце. Женщина понимала, что поддайся она чувству жалости, схорони от властей сына, она будет первой, кто выкопает лопату земли на его могиле.

Все так же молча она подошла к божнице, достала из-за иконы извещение о судьбе мужа и положила его перед Васькой. Тот быстро пробежал глазами по бумаге, недоуменно уставился на мать, еще не осознавая смысла прочитанного, потом снова придвинул извещение к лампе. И только после этого понял, в какую беду они с Сенькой вляпались. Только теперь он начал понимать, что означает чуть теплившаяся перед иконой лампадка, которой сроду там никогда не было, потому что мать к религии относилась равнодушно, а также черный платок, который мать наспех набросила на голову .

Все, о чем они уговаривались в бурунах о причинах побега, успокаивали себя, уверяя друг друга, что как только маленько отдохнут и откормятся, с повинной пойдут в военкомат, – все это рухнуло в одно мгновение. Что такое «пропал без вести» Васька уже знал по жизни, когда вместе с другими стаскивал трупы убитых в братские могилы за гудермесским железнодорожным вокзалом. Многие были без документов, редко у кого из погибших военнослужащих они находили смертные медальоны, чтобы сдать их потом старшим похоронных команд.

Его подбородок задергался. Чтобы не завыть в голос, он крепко сжал кулаки и стал кусать их зубами, но слезы сами потекли из глаз, и Васька горько заплакал. Мать уткнулась лицом в его стриженную, пропахшую потом и дымом костров завшивевшую макушку, тоже дала волю своим слезам. На шум из другой комнаты в одних трусах выскочил Мишка, следом выглянула Шурочка.

Остаток ночи Ирина потратила на хождение по дворам Терголовых, председателя сельского совета, готовила узелок с бельем и едой для Васьки. Утром, как только подоила и отогнала корову в стадо, она разбудила сына, и они вместе пошли в сельсовет. Там уже собралось несколько человек. Ждали, когда из райцентра приедет милиционер. Сенькин дед Мертьян в узловатых руках крутил кизиловую палку, служившую ему клюшкой, и ни к кому конкретно не обращаясь, недоуменно спрашивал:

– И чего же ефто будет с бегунцами, невжель постреляют? Вить глупые же они ишшо!

– Трибунал им будить, а уж как ен решить – один только бог знаить.

Приехавший на линейке милиционер в кабинете председателя отвесил несостоявшимся воякам по увесистому подзатыльнику, на крыльце перед собравшимися в нескольких словах обрисовал тяжелое положение на фронте, выпил на дорогу чапурку чихиря и через несколько минут бестарка скрылась за поворотом, увозя малолетних арестантов в тревожную неизвестность.

3

Три месяца от Васьки не было никаких вестей. Ирина крепилась из последних сил, когда уже по первому снегу пришел солдатский треугольник, кое-где замазанный желтоватой глиной и густо почерканный военной цензурой. В

нескольких строках сын сообщал, что дело обошлось без трибунала, теперь он действительно воюет в рядах Красной Армии. Он жив и здоров, чего желает своим родным, и подробнее напишет в следующих письмах.

Ноющая боль в желудке снова напомнила Василию о себе. Он достал из нагрудного кармана гимнастерки, которую ему сшили в прошлом году на заказ в районном ателье, таблетку, выпил и снова прилег на диван.

Он-то знал, как на самом деле складывалась его жизнь после того, как во второй раз попал в армию. Таких, как он, набралось немало. В большинстве своем это был необстрелянный молодняк, не принимавший присяги, еще не знавший, что такое воинская дисциплина. Несколько дней дезертиров продержали в Чернокозово. В один из дней в качестве профилактической меры несколько сотен беглецов выстроили в каре. Батальонный комиссар прочитал уже ставший знаменитым приказ Верховного главнокомандующего товарища Сталина «Ни шагу назад». Отделение скуластых и кривоногих казаков-калмыков деловито подогнали двух бедолаг на подкашивающихся от страха ногах к краю могилы, так же деловито и, похоже, в охотку дали по ним залп. Больше о побегах из армии уже никто и никогда не помышлял.

Так, пройдя все ужасы первых месяцев службы, Васька стал рядовым казаком 4 гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, которым командовал боевой командир генерал-лейтенант Николай Яковлевич Кириченко. Домой он писал не часто, урывками на привалах, иногда кутаясь от холода в бурку или прячась со всеми в лесу и пережидая, пока над ними летает немецкая «рама», отыскивая кавалерийское подразделение в своем глубоком тылу. Особенно тяжело ему далась рейдовая операция в первые месяцы службы. Они совпали с разгромом немцев под Сталинградом. На Кавказе фрицы увязли на линии Эльхотово-Орджоникидзе-Малгобек, и корпус получил задачу: из района моздокских песков ударом по тылам противника сорвать его наступление на Орджоникидзе. За три с лишнем месяца непрерывных боев, маршей по тылам врагов Василий много чему научился. Бывалые казаки показывали «пшену», как можно шашкой разделать врага от плеча до пояса, как прятаться от пуль под брюхом скачущего коня, орать, свистеть и материться, чтобы посеять панику среди неприятеля, особенно когда это касалось румын.

Развивая успех, корпус, в котором служил Васька, в начале зимы 1943 года успешно вел преследование противника в направлении Ростова, и в районе станицы Егорлыкской парень впервые сошелся с врагом на расстояние вытянутой руки. Их полк скрытым маршем, днем скрываясь в логах и балках, а по ночам, обмотав тряпками копыта лошадей, на несколько десятков километров выдвинулся за линию фронта. По данным разведки, хутор, к которому они подтянулись к утру, занимал румынский гарнизон. Упустить такую возможность и не потрепать «мамалыжников» казакам не дозволяла совесть.

По сигналу в предутреннем тумане с двух сторон в хутор ворвались казачьи эскадроны. С гиканьем, свистом, криками «ура», на скаку швыряя по сторонам гранаты, они растеклись по кривым улочкам и переулкам. Неважно, что выстрелянная из карабина пуля ушла в небо, а далеко заброшенная граната разорвалась в огороде. Главное было ошеломить противника, вызвать у него панику, лишить воли к сопротивлению. Разгоряченный атакой, Васька краем глаза увидел, как небольшая группа солдат выскочила в одних подштанниках из хаты и огородами резво ударилась в бега в сторону оврага. Отделенный тоже их увидел, жестко между ушей хлестанул плеткой засбоившего коня, выровнял его и свирепо заорал:

– Васька, за мной, уйдут!

Следом за Васькой коней пришпорили и повернули еще несколько казаков. Спереди раздался нестройный залп, и один из конников вместе с лошадью ударился об мерзлую землю. Зато других уже было не удержать. Василий облюбовал себе невысокого, жилистого румына, который в панике только успел накинуть на себя солдатский френч и бежал босиком по промерзшей пашне, слегка припорошенной снегом. Как учили старослужащие, Васька направил свою Гюрзу так, чтобы румын оказался справа, и когда они поравнялись, рубанул беглеца шашкой, как ему показалось, «с потягом», целясь в голову. Но то ли Гюрза не вовремя отпрянула, то ли рука дрогнула у казака, но удар не получился. Шашка опустилась на плечо, скользнула по погону румына и отточенным концом клинка чиркнула его по шее. Потом, когда с остальными было покончено и казаки возвращались на исходные, Васька специально проехал так, чтобы увидеть поверженного врага. Ничего хорошего из этого не вышло. В мыслях несколько дней он с тоской проклинал этого проклятого румына, на душе скребли кошки, а еще саднила кисть правой руки, которую он потянул при ударе. Бывалые казаки посмеивались над его состоянием, но упорно вдалбливали прописную истину: если не ты его, то он тебя уж обязательно. Вот и выбирай, что тебе нравится…

В конце августа 1943 года Ваську ранило в первый раз. В разгаре были бои за Таганрог. Командир роты пригляделся к сметливому казачонку. Он нравился ему своей простотой, уважительным отношением к старшим, настоящей заботой о своей злой, похожей сухой головкой на змею кобылке, особенно когда на скаку она прижимала уши к голове. Васька прозвал ее Гюрзой. Старший лейтенант, который ненамного был старше Васьки, даже порой закрывал глаза на то, что парень не стеснялся своровать на стороне пару охапок сена или лишнюю торбу ячменя для своей любимицы. В роте был некомплект связистов, а у Васьки худо-бедно было семь классов образования. После того, как его маненько подучили, новоявленный связист мог уже обеспечивать связь с батальоном и даже с полком. В бою за село Григорьевка пропала связь с батальоном, и Васька добровольно вызвался ее наладить на линии. Вот там его и зацепил осколок мины, который на излете распорол левое предплечье. Рана оказалась обширной, но не тяжелой. Он даже уговорил начальство не отправлять его в тыловой госпиталь, а ограничиться медсанбатом. Парень еще не отошел от осознания собственной прошлой вины, хотя лишний раз голову под пули не подставлял. Домой написал о легком ранении, и на этом все закончилось.

Но больше всего Васька боялся не вернуться из тыла в свою часть, оказаться где-то в пехоте. Здесь ему нравилось, его уважали. Командиры и политработники среди казаков тонко проводили мысль об их особом положении в армии. В одной из дивизионных газеток были опубликованы отрывки из записной книжки немецкого офицера, который писал: «Все, что я слышал о казаках времен войны 1914 года бледнеет перед теми ужасами, которые мы испытываем при встрече с ними теперь. Одно воспоминание о казачьей атаке приводит меня в ужас, и я дрожу. Даже ночью во сне меня преследуют казаки. Это какой-то черный вихрь, сметающий все на своем пути. Мы боимся казаков, как возмездия Всевышнего. Вчера моя рота потеряла всех офицеров, 92 солдата, три танка и все пулеметы».

Терять все это Васька не хотел ни под каким видом. Так все и продолжалось до 10 апреля 1944 года, до того самого дня, который поделил его жизнь на «до» и «после».

Шла к завершению Одесская операция. Части корпуса рассекли надвое фронт противника, сметая на своем пути заслоны, нарушая управление и взаимодействие отдельных групп немцев. Освобождение Одессы позволяло командованию приступать к разработкам планов по форсированию Днестра, освобождению Молдавии и выхода на границу с Румынией.

С лету небольшой городок Овидиополь взять не удалось. Судя по тому, как цепко и умело противник наладил на этом участке фронта оборону, казакам противостояли немцы. Чтобы избежать ненужных потерь, конницу отвели в тыл, перегруппировали и после получасовой артиллерийской подготовки казачья лава с гиканьем и свистом растеклась в предместьях городка.

В какую-то долю секунды Васька даже успел подумать: ну надо же, на скаку напоролся на колючую проволоку. Острая боль раскаленной спицей пронизала икру его правой ноги, а неведомая сила вырвала из правой руки занесенную шашку. Больше он ничего не помнил. Ни себе, ни особистам в фильтрационном лагере, с которыми у него была потом не одна встреча, он не мог объяснить, почему его немцы не добили, ведь ненавидели они казаков лютой ненавистью. Он не помнил, как они перетащили его через Днестр и разместили в своем лазарете. По-настоящему Васька стал осознавать, почему он до сих пор жив тогда, когда ему сделали третью операцию.

Оказалось, что в то время в Аккерманском госпитале какой-то известнейший немецкий хирург с трудно запоминающейся фамилией, из которой Василий запомнил только слово «фон», на практике, близко приближающейся к полевой, вел практические занятия с группой будущих студентов-хирургов. На пари он кому-то взялся доказать, что руку Васьки он спасет. При скрупулезном выполнении разработанной им методики лечения и правильного ухода за раной такой, какую получил Васька, ее можно будет не только не ампутировать, но сохранить и даже сохранить ее работоспособность. Разрывная пуля вдребезги раздробила кость предплечья правой руки, и профессору буквально по кусочкам пришлось ее собирать и лечить. Так, в качестве подопытного кролика, сначала в госпитале для русских военнопленных при лагере 17-«А», потом во французском госпитале для тяжелобольных этот хирург и таскал Ваську, по мере того как наши войска теснили вермахт. Только в Австрии в конце осени 1944 года парню на руку наложили гипс.

Выход советских войск на границу с Германией, а потом и успешное продвижение по ее территории привел к тому, что значительная часть военнопленных из Австрии была переведена в Германию. Сперва Василий оказался в лагере для военнопленных недалеко от города Люкенвальд, что недалеко от Берлина, но успешные действия Красной Армии на Восточном фронте заставили неприятеля переместить узников по железной дороге в Рурскую область.

В Германии казачок хватил горюшка по ноздри и выше. Раз в сутки пленным давали баланду, которую и едой-то трудно было назвать. Поймать в бурде, которая называлась супом, пару картофельных очисток считалось большой удачей. А еще изводила рана. На ноге все зажило быстро, а вот рука постоянно давала о себе знать. Но как это ни странно, даже в германских лагерях Ваську вызывали на процедуры, и иначе, как распоряжениями того самого хирурга, такое отношение к себе парень объяснить не мог.

Однажды, возвращаясь с перевязки в барак, на подоконнике квартиры какого-то лагерного начальника Василь углядел машинку для стрижки волос. Быть владельцем такого добра – значит стать королем среди военнопленных. Блестящие никелированные детали так к себе притягивали, что парень не устоял и спер эту машинку. Ему хватило ума переждать несколько дней, пока шум не улегся. И уж потом, с соблюдением величайшей конспирации, кому за пару сигарет, кому за вареную картофелину, а кто-то мог расплатиться и галетой, Василий приступил к такой опасной, но выгодной должности парикмахера. Но, видно, не знал казачок, что у немцев есть хорошая поговорка: «Was weisen zwein – das weise Schwein» (Что знают двое – знает свинья). Что его натолкнуло, может он догадался, что кто-то стукнул, но в тот день он перепрятал машинку в другое место. Вечером в барак ворвались несколько охранников, перетрясли до

основания всю шконку, на которой обретался Васька, надавали ему пенделей, заодно проверили нары соседей, которых тоже изрядно побили. То, что искали эсэсовцы, обнаружить не удалось. В караульном помещении Васька, несмотря на побои, стоял как скала: не видел, не брал. Стоило бы ему сознаться, воренка могли тут же расстрелять, не задумываясь. Ночь провел в карцере, а наутро его отправили на кухню под охраной эсэсовца чистить картошку – с его-то больной рукой. Парень уже отсчитывал для себя последние минуты, когда вдруг прислушался и понял, что пожилой серб-повар не просто поет. Мурлыкая незамысловатую сербскую песенку, он говорит на своем языке, который Вася через пень-колоду понимал: русский, если не сбежишь, тебя расстреляют, окно на улицу только прикрыто, ударь по нему, прыгай в толпу пленных, растворись среди них, будешь жить. Так Васька и поступил.

Лагерь для военнопленных был интернациональным. Американцы, англичане, французы, югославы, бельгийцы, голландцы и другие несколько дней переводили его из барака в барак. На откровенные репрессии немцы уже не решались, потому что войска союзников были на подходе, а вскоре команду охранников вообще перевели в другое место. С приходом союзников ранней весной 1945 года война для Василия закончилась.

Последние ее месяцы для военнопленных проходили под присмотром англо-американских войск. Простому станичному пареньку в диковинку были порядки, какие завели союзники, их обычаи, манера поведения, открытое посещение борделей, безалаберное отношение к технике. Ваську изумляло, например, как это так: сдает шофер «Студебеккер» задним ходом в бокс, не рассчитал, со всего маху саданулся задним бортом так, что щепки полетели. Вылез на подножку, осклабился на все свои 32 негритянские зуба, крикнул «О-кей!», и поехал дальше по своим делам. Или рассядутся вокруг столиков, задерут на них ноги и потягивают пиво или газировку из маленьких бутылочек и ржут без меры, не пропуская ни одной проходящей юбки. Чудно было и то, что завалятся союзники в гасштет, те что белые, и гуляют там, а своим однополчанам-неграм, которые под тентами перед кабаком за столиками сидят, выносят закуску и выпивку. Так врозь и отмечают свои победы на фронте.

Но были в лагере и дела посерьезней. Нередко к военнопленным приезжали американские и английские офицеры. Особенно их интересовали русские. Со многими из них беседовали, и кое-кто исчезал из лагеря. Поговорили и с Васькой. Спросили откуда он родом, сколько ему лет, кто его родители, чем собирается заниматься после войны. Ненавязчиво так намекнули, что на Родине его могут ожидать серьезные неприятности как солдата, побывавшего в немецком плену, предлагали поехать посмотреть, как живут люди в Америке или даже в Австралии. Но Васька на посулы не пошел и твердо решил вернуться домой: вины перед Родиной за собой он не чувствовал.

В конце июня вместе с другими военнопленными Василия перевезли в Магдебург. По наведенному саперами понтонному мосту их переправили на другую сторону Эльбы и передали советскому командованию.

4

Справа по ходу движения поезда начали вырисовываться невысокие горы Терского хребта. В Гудермесе казаку нужно было отметиться в железнодорожной комендатуре и только потом цепляться на поезд, следующий на Астрахань. Уже стали забываться несколько томительных и наполненных сомнениями и тревожными ожиданиями дней проверки, проведенных в Ростовском фильтрационном лагере. Там несколько раз с ним побеседовали сотрудники Особого отдела. Васю снабдили проездными документами, в том числе

продовольственными, выдали еще несколько справок и отправили дальше, к месту жительства.

Поезд, тихим ходом постукивая сначала на стыках рельс моста через Терек, а потом на стрелках станции Червленная-Узловая, двинулся на восток. Притеречный лес вблизи, сперва большой и прохладный, а потом все более отдаляясь, превращался в тонкую темную полоску. Слева до горизонта расстилалась рыжая, выгоревшая до желтизны степь, с наметенными кое-где барханами. Все окна и двери в вагонах были открыты настежь, и в них свободно врывался жаркий степной воздух, но желаемого облегчения он не приносил. Иногда рев паровоза перекрывал неумолкаемый звон кузнечиков, который становился тем звонче, чем выше солнце поднималось в небо. На полустанке пропустили первый встречный поезд. Потом было еще несколько остановок, и поезд остановился напротив станицы Дубовской. Отсюда, напрямую через поле, поросшее зарослями лоховника, боярышника и густым седым ковылем до родного дома оставалось километра три.

…Ирина подняла голову от подушки. За окном только начинало сереть. По проулку от дома к дому шла бригадирша Анастасия Ивановна. Она слегка постукивала по окнам колхозников палочкой и загадывала наряд, кому куда сегодня на работу. Ирине выходила прополка виноградников.

Наскоро умывшись, она взяла подойник и вышла на терраску. Солнце только-только угадывалось на востоке. На траве, на кустах малины и помидоров лежала обильная роса. Огуречные плети уже почти высохли, но скрюченные пожелтевшие огурцы еще можно было отыскать, и Ирина сорвала несколько штук. Роса приятно холодила босые ноги, и с огорода не хотелось уходить. Но вдали уже послышались хлопки пастушеского кнута, и Ирина пошла к корове. Милка шумно завозилась и неохотно поднялась с подстилки. Женщина поставила перед ней ведро с болтушкой из отрубей, а сама быстро начала доить. Корова уходила в запуск, и молока день ото дня давала все меньше и меньше. За плетеной загородкой заблеяли овцы. Их было восемь штук, главное ее богатство. Было еще несколько ягнят, но польза от них могла быть только на следующий год. Уходя с база, Ирина открыла низенькую плетенную дверку курятника, и куры с заполошным квохтанием выбежали наружу. Петух, а только у него не были подрезаны крылья, громко захлопал ими, взлетел на плетень и на всю станицу заорал, что день начался.

Почти до полудня колхозницы махали тяпками в виноградных рядах, изредка останавливаясь на пару минут, чтобы передохнуть, терпугом поскрести по мотыге и попить водички. С каждым часом солнце припекало все сильнее и сильнее. Когда жара стала совсем нестерпимой, женщины одна за другой стали подходить к опушке леса, где был оборудован полевой стан. Стягивали ситцевые косынки, которыми они закутывали лица, спасаясь от пыли и палящих лучей солнца, без спешки умывались, готовясь к немудреной трапезе. Потом кто-то впадал в дрему, кто-то потихоньку переговаривался. Неожиданно Нюся Махрабелова вполголоса начала выводить:

Поехал казак на чужбину далеку
На добром коне, на своем вороном.
Он край свою Родину навеки спокинул,
Ему не вернуться в родительский дом.

Постепенно к ней стали присоединяться другие голоса, и песня полилась плавно и задушевно. Знакомые с детства слова глубоко проникали в душу, касались самых потаенных струн, будили воспоминания о любимых, родных и близких, которым тоже не суждено вернуться домой.

Из небольшой станицы Бороздиновской на фронт ушли восемнадцать человек. Домой вернулся только один. Загодя из госпиталя он отбил телеграмму, и на Дубовском полустанке его встречала толпа женщин из двух станиц. Попутчики бережно высадили бойца из вагона, где его на руки подхватили мать и сестры. Когда станичники увидели, что правая штанина у него подколота к поясу, несколько женщин закричали в голос. Старшей дочери Ирины Шуре по дороге домой пришлось нести на плече деревянный протез бойца.

А дома казачка, жена молодая,
Все утро и вечер на север глядит.
Все ждет-поджидает с далекого края,
Когда ее душа-казак прилетит.

Ирина очнулась от легкого толчка соседки.

– Иришь, глянь, никак твоя Шурка бегит? Да чего это она, оглашенная, в жару такую-то? Совсем запалилась девка! Не загорелось ли чего?

Мать с удивлением и с чувством внутреннего страха увидела, что Шура еще издали начала махать руками и что-то кричать. Все повставали, а Ирина, чтобы не упасть прислонилась к белолистке. А девочка все бежала и кричала, кричала:

– Мама, мамочка, наш Вася с войны вернулся! Ты только не плачь, мамочка, у него и ручки, и ножки целые! Только одна ручка сильно пораненная! Наш Вася с войны вернулся-я-я!

Василий отвлекся от воспоминаний, потому что ноющая боль в желудке вновь напомнила о себе. В доме дочка в одной комнате делала уроки, в другой жена Мария терпеливо ждала его, приготавливаясь сделать очередную инъекцию. Когда боль немного отпустила, они еще поговорили о молодоженах, о сыне со снохой, которым еще только предстоит встать самостоятельно на ноги, и даже невесело пошутили, что скоро станут дедушкой и бабушкой.

Пока человек жив, он живет надеждой. Василий тоже в глубине души таил ее, полагая, что страшный диагноз – это ошибка, что все еще может измениться в лучшую сторону. Ну не может не измениться, пока он не увидит внука или внучку!

Он не дождался рождения внучки. Она родилась через месяц после его смерти. Рак высушил его до костей. Василий уже не видел, что проводить его пришли многие десятки людей, в том числе и друзья-товарищи фронтовики.

Они хоронили его в день его рождения, в сорокапятилетие, на тризне вспоминая недобрым словом эту проклятую войну, которая тоже внесла свою злодейскую лепту в жизнь и смерть хорошего человека.

От автора. От всей души благодарю сотрудников Российского государственного военного архива Федеральной архивной службы России, Управления регистрации и архивных фондов ФСБ Российской Федерации и лично начальника Управления генерал-лейтенанта Якова Федоровича Погоний за оказанное содействие в установлении судьбы моего отца в годы Великой Отечественной войны.

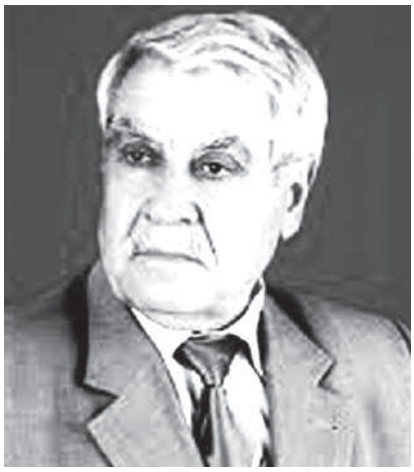
Поэзия

Салих Гуртуев

Первая Чеченская

Поэма

Алой кровью окрашен
Дымящийся снег…
Кайсын Кулиев



1. Цвет снега

Цвет снега изменился: он стал алым.
Тому виною кровь, а не закат.
Разрывы бомб грохочущим обвалом
Ревут и эхом множатся стократ.

Столбы огня от края и до края
Меняют первозданный мирный вид,
И пучится земля вокруг, страдая,
Буграми надмогильными пестрит.

Изрешетили воздух автоматы,
И в корни огрубелые как есть
Вжимаются леса – их все когда-то
Рубили,
чтоб не пряталась в них месть.

А между тем, когда от подлой пули
Пал Лермонтов, то пуще, чем друзья,
О нем скорбели здесь, в любом ауле, –
Земле забыть подобное нельзя.

Воспоминанья, в пропасти не сгинув,
Вновь воскресают, садня и боля.
Ермолов привстает и Вельяминов –
Не миловала эта их земля.

Растаял снег!
Земля сполна раскрылась.
Покой разрушен, воля – та вдали…
Неужто миновала мира милость?
Покрыл огонь суровый лик земли.

Мешаясь с кровью, месят тесто мести
Земля и ветер, спятивший с ума.
И шагу не ступить в коварном тесте –
Коль пламя пощадит, изгложет тьма.

Ни волка, ни собаку я от века
Судить не тщусь
(дурной советчик – злость),
Но снег – земли седины… человека,
Который их почтил бы, не нашлось.

И справедливость, и добро уснули,
Не их рукам вертеть сегодня руль.
Взамен переговоров – только пули,
И нет национальности у пуль.

2. Потоки лжи

Ложь никому на свете не поможет
И никого на свете не спасет.
Михаил Дудин

Суетятся вороны – от запаха крови
Возбуждаясь, взлетают,
снуют и кружат,
А в эфире сегодня ни слова
нет, кроме
Лжи бесстыжей, махровой:
рот правды зажат.

Где она в этом скомканном,
сгорбленном веке?
Лжи потоки скрывают ее в глубине,
А с экрана подробно
толкуют о Мекке
Те, кто Мекки не видывал
даже во сне.

Негодяи заходятся в лживом экстазе,
От добра заковав
свое сердце в броню.
Из Москвы тем, кто прожил
всю жизнь на Кавказе,
О кавказской войне
преподносят стряпню.

Наши башни старинные
в этаком хоре,
Им знакомом, готовы
сгореть от стыда.

Они видят: опять над чеченцами горе,
Навалилась опять на их землю беда.

Ветер, утра дождавшись,
не ластится к росам,
На цветы ему время терять не с руки –
Весть горячую нам
он приносит с вопросом:
«Почему управляют
страной дураки?»

Воет ветер,
безумным охвачен разбегом:
Вся Чечня превратилась
в одно Сауту[1],
И не надобен саван,
все скроется снегом,
А призывы о правде летят в пустоту.

Мы невежд проклинаем
надутую свору,
Что, не в силах распутать,
рвут, изверги, нить,
Но откуда пошло –
всех косить без разбору,
А потом уж прощенья за это просить?

2. Как жить?

Пока на земле существует
Насильственная смерть,
Поэт должен погибать первым.
Поль Элюар

Жаннетт[2] не открывает нам дверей,
Как будто недостаточно поэты
Об этом молят. Шепчет суховей:
У времени совсем не те приметы.

Насилье, угнетенье – не смогла
Их жизнь отринуть навсегда, навеки;
Они опять вскипают, как смола,
И выжигают сердце в человеке.

А мы свой добывали потом хлеб,
Всегда всем сердцем
человечность чтили…
Для сытых образ жизни наш нелеп,
Они одной лишь кланяются силе.

Переселенье – это не беда
В сравненье с тем, что делается ныне
В Чечне многострадальной, без стыда
Смертельной уподобленной пустыне.

Как вырваться из этого узла?
Ведя себя разнузданно и гнусно,
Никак мы не избавимся от зла –
На путь добра не так легко вернуться.

Куда сподручней устремиться вниз,
Чем истину сполна
прозреть простую.
«Любой ценою выжить!» – вот девиз,
Что жизнь цены лишает подчистую.

Когда страною правят дураки,
То девушки, уже не веря чуду,
Повязывают черные платки –
У нас, в Чечне, в России и повсюду.

Земли мне слышен
полный муки стон,
Поля кромсают танковые траки,
А кто-то потирает руки – он
Нагреть задумал их на этой драке.

Их наставлять – лить воду в решето.
Хоть путь мой испытаньями не беден,
Я жизнь свою не ставлю ни во что –
Из-за бессилья помощь дать соседям.

Скрывать лицо от мертвых и живых
Мне стыд велит. Зовут поэтов войны,
Но такова судьба, что этот стих
Я в Нальчике пишу, вдали от бойни.

В земле орбиту дьявольский изгиб
Прокрался, солнца ход
смутив при этом…
Я первым там не сгинул, не погиб –
Так как же называться мне поэтом?!

4. Стыд

Если увидишь совестливого,
Не спрашивай, где он живет.
Если увидишь типчак,
Не спрашивай, что это за земля.
Балкарская народная мудрость

Те, кто слова нам даровали эти,
Ценили жизнь, как нам не оценить.
Мы поняли,
как трудно жить на свете,
Коль порвана традиций давних нить.

Какой сегодня толк искать виновных?
В ночь поседела разом вся трава,
Дорог в Чечне
уже не сыщешь ровных,
И солнце в небе теплится едва.

Заледенели кущи водных веток –
Не рассыпаться водопадам всласть,
И музыка в «Балкарии рассветах»[3]
Замерзла тоже и оборвалась.

Не ведая, к кому идти с протестом,
Изгнание познавшие сполна,
Балкарцы обратились к Богу сердцем –
Ведь даже белизна и та мутна.

Как при чуме, лишь ветер да собаки
Вой поднимают на земле пустой,
Что истерзали танковые траки,
Людей лишая радости простой.

Озимые покрыла кровь густая –
Воронам даже страшен этот вид.
Не ждать на огородах урожая –
Земля такого зверства не простит.

Мы, мудрость унаследовав,
не скажем:
«Из-за бульона выпал этот зуб»[4], –
Но как теперь в единое мы свяжем
Мир, что так нежен, с миром,
что так груб?

Кто совестлив, тому безмерно стыдно
В такие сокрушительные дни,
Но разуму здесь выхода не видно,
И плещутся эмоции одни.

О человек! Щепа, несомая потоком!
Поддержкой для души –
лишь дочь твоя иль сын,
А те, кто убивал детей
в чаду жестоком,
В День Судный пред Творцом
ответят как один.

5. Светлана Сорокина[5]

Глаза твои сейчас
наполнены слезами…
Светлана, не стыдись,
вся выплачься, до дна!
Ты – будущая мать,
и слезы льются сами,
Когда такую весть
ты вымолвить должна.

Всем тем, кто зло творит,
придет пора ответа!
Тебя бросает в дрожь
казенное вранье?

…В изгнанье умерла
моя сестренка Света –
Хочу, чтоб ты в свой век
жила и за нее.

Твой подвиг – этот плач,
а негодяев горстка
Когда-нибудь уйдет
в творимый ею ад.
Оплачь мою сестру как женщина,
как тезка,
И тысячи других мальчишек и девчат.

Они ведь все свои
для матушки России!
Не нам с тобой судить,
кто прав, кто виноват,
Но дети никому на свете не чужие,
И да воздастся всем
за муки их стократ.

Плачь, Света, плачь!
И я с тобою горько плачу,
Хоть это, знаю сам,
мужчинам не к лицу,
Но, коль зима черна,
куда я слезы спрячу,
В какой пещере жить,
в каком сидеть лесу?!

Снаряды пристыдить,
увы, никто не может,
И в черном замерла пресветлая мечта –
Зачинщиков войны
ей в будущем поможет,
Как строгому судье, судить одежда та.

Светлана, горьких слез
не утирай поспешно…
Взгляни: и снег идет,
как слезы из-под век.
Он по прямой летит,
безмолвно и безбрежно,
Он словно бы решил
не перестать вовек.

Он словно хочет кровь
укрыть под пеленою,
Но это и ему, поверь мне, не дано.
Лишь кровью тех сердец,
что скованы бронею,
Возможно кровь омыть –
уж так заведено.

Плачь, Света! Тает снег
от пламени и крови,
И над моей землей опять вскипает мгла.

Кавказу ни огонь,
ни произвол не внове…
Спасибо, что хоть ты
слезами помогла!

6. Зимняя мелодия

Белое, отбеливание,
белизна – жизнь
Создана для таких вещей,
но никак не
Может с ними соприкоснуться.
Балкарская народная мудрость

С мелодией светлой лететь
снег на землю задумал,
Мелодия медлит –
ей страшно пускаться в полет,
Ведь здесь, на земле,
разевается дуло за дуло –
И рвутся снаряды –
и пламя пожарищ ревет.

И лишь заунывным мотивом,
тягучим и долгим,
Окрашена страшная,
грешная зимняя ночь,
И я, стихотворец,
к столу пригибаемый долгом,
Не в силах и строчкой
беспомощным жертвам помочь.

И падают вновь под обстрелом
нещадным с разбегу
Безвинные дети,
хлебнувшие горя сполна…
Балкария лик подставляет
безмолвному снегу,
Корит себя так,
будто в этом виновна она.

7. Новый год с запахом беды

Дай Бог, чтобы наступающий год
Не был похож на уходящий.
Пожелание друга

Мой друг меня поздравил
с Новым годом,
А мир так хмур,
что даже снег померк.
Неужто в мире жить нельзя народам?
Пальба – не новогодний фейерверк!

Живем теперь мы,
как мишени в тире…
Снег белизну от горя потерял.
Я понял, что творится в нашем мире:
В теснине задыхается Дарьял[6].

«Дарьял» по-тюркски –
«узкая дорога»,
Дорога судеб сузится ужель?
Да, беженцам уже тесна дорога.
И жесткой моя сделалась постель.

Я спину под виной своей сутулю –
Ведь я не пал там первым, как поэт…
Вся жизнь моя
в одну вместилась пулю,
Вонзившуюся в жизнь в расцвете лет.

Какой же Новый с таким раскладом?
Что, друг мой, нам грядущее сулит?
Мы на земле опять
столкнулись с адом…
Кому, за что и кто, скажите, мстит?
Год девяносто – чтоб его! –
четвертый
Уходит прочь, пролив обильно кровь.

Наш мир – больной,
израненный, истертый;
Ему цвести дано ли будет вновь?
Неужто жить,
опять друг в друга целясь?
Еще не отошли мы от беды
И помним слово «спецпереселенец»,
А мир вновь жаждет крови, как воды.

8. Кавказ

Синие горы Кавказа,
приветствую вас!
Вы взлелеяли детство мое;
вы носили
Меня на своих одичалых
хребтах, облаками
Меня одевали, вы к небу
меня приучили, и я
С той поры все мечтаю
об вас да об небе.
Михаил Лермонтов

Твердим: Кавказ – Жаннетт,
Кавказ – Женева –
Но в ночь одну весь этот гомон стих.
Храни, Кавказ, сынов своих от гнева,
А худших сам наказывай своих!

«Узнай, – велит мне кровь, –
дела соседа.
Коль надо, соболезнуй от души!»

Что за картины рядом! Хуже бреда:
Снаряды, мины – вот «карандаши»…

Застыла паста в шариковой ручке –
Кровь в наших жилах
тоже стынет так.
Мы сами довели себя до ручки:
Что жизнь и смерть?
Безделица, пустяк!

За то, что не погиб, прошу прощенья,
Хотя какой в прощенье этом толк?
Кровь пролитая требует отмщенья,
И в человеке вновь проснулся волк!

«Чечен придет», –
детей пугают ныне.
Подобное как мог я допустить?
Черствеет воздух от душевной стыни,
Без воздуха – тончает жизни нить.

Позорнее всего – в цепях бессилья
Мне доживать отпущенный мне век.
Того ли ты ждала, моя Россия?
У власти вставший – что за человек?

Холст белый измарали черной краской –
Такой урок навряд ли будет впрок.
Укрыться ли от совести под каской?
Бронежилет спасет ли от тревог?

Смотрю вокруг –
никто ответ не держит,
Лишь мы с тобой сгораем от стыда.
Экран ТВ догадкой
страшной брезжит:
Виной не ты, не я – так кто ж тогда?!

9. Цветок с опавшими лепестками

К кинотеатру парень шел с цветами –
Он пригласил любимую в кино.
Но лепестки с цветов слетали сами,
А им обоим было все равно…

Казалось, что сметал их
снежный ветер,
Хотя ни снега не было уже,
Ни ветра; по-весеннему был светел
Тот день… но холод
властвовал в душе!

К Чечне (я знал) был обращен
взгляд парня,
И девушки глаза витали там.
Когда не видят лиц, сойдясь попарно,
То радоваться можно ли цветам?!

А жизнь, казалось, и не замечала
Того, что всей природе не под стать…
Когда любовь, что жизни есть начало,
Безмолвствует, чего от жизни ждать?

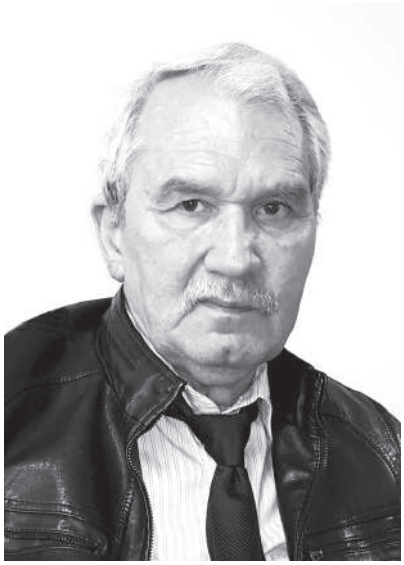
Агония и кома – вот приметы
Весеннего безветренного дня:
Безвременного, в сущности…
О, где ты,
Любовь, что в сердце
плещется, пьяня?!

О тех цветах, что с горя облетели,
Никто уже не вспомнит, не вздохнет.
Теперь не дни, но души охладели:
Хоть солнце светит,
в мире правит лед.

---

[1] Сауту – поселение в Верхней Балкарии, сожженное во время Великой Отечественной войны своими же советскими войсками.
[2] Жаннетт – рай.
[3] «Рассветы Балкарии» – ежеутренняя радиопередача на балкарском языке.
[4] «Из-за бульона выпал этот зуб» – так говорят о бессмысленном скандале.
[5] Светлана Сорокина – О вводе войск в Чечню первой сообщила диктор ЦТ Светлана Сорокина со слезами на глазах.
[6] Дарьял – река на Северном Кавказе и одноименное ущелье

Юбилей



Известному чеченскому писателю, журналисту, литературному критику и главному редактору литературно-художественного журнала «Орга» Эльбрусу Салаудыевичу Минкаилову в мае исполняется 60 лет. Как и большинство чеченцев из поколения 50-х, родился в Казахстане. В 1979 году окончил с отличием отделение русско-вайнахской филологии филологического факультета ЧИГУ. Работал учителем в родной школе, преподавал в университете. Журналистикой и литературно-исследовательской деятельностью занимается более 30 лет. Первые стихи были написаны им еще в школьные годы, а прозаические вещи – с 1980-х годов. С 2003 года Эльбрус Минкаилов является главным редактором журнала «Орга». Занимается переводческой деятельностью: им переведены на русский язык произведения таких известных чеченских писателей, как А. Айдамиров, А. Мамакаев, М. Ахмадов, М. Бексултанов, М. Мутаев, а на чеченский – повесть Льва Толстого «Хаджи-Мурат», рассказы Важи Пшавелы и др.

Редакция журнала «Вайнах» поздравляет юбиляра со знаменательной датой, желает творческого долголетия и успехов.

Эльбрус Минкаилов – половодье филологического таланта

Человек, обладающий врожденным талантом, испытывает величайшее счастье тогда, когда использует этот талант.

И. Гете

Он из притеречных чеченцев. Может быть, поэтому так много в его творчестве значит одна из главных рек Чечни и всего Кавказа – Терек. Она и символ родной земли, ее обычаев и нравов, и особого духа обитателей Даймохка: буйных голов в годины лихие, как гулкие удары волн о валуны в стремительном горном потоке, и сдержанных, полных чувства собственного достоинства, как широко и вальяжно разлившаяся на чеченской равнине вода этой суровой кормилицы. И главная книга его рассказов и повестей носит символичное название «На Тереке было половодье» (2011).

…На дворе сырой, разлагающийся запах предвоенной осенней листвы, но тревожные думы куда-то исчезли, и ощущение того, что вот-вот грянет гром новой национальной трагедии первой чеченской «кампании», осталось за старыми массивными дверями центрального корпуса Чеченского государственного университета – сегодня у нас лекции по литературе народов стран СНГ, читает их Эльбрус Салаудыевич Минкаилов, и мы путешествуем вместе с героями таджикского, армянского, грузинского эпосов… Преподаватель самозабвенно достает из кладези своих знаний все новые и новые литературные самоцветы: таджикский богатырь Рустам из поэмы «Шахнаме» Фирдоуси и грузинский витязь в тигровой шкуре Шота Руставели, Лейли и Меджнун азербайджанского поэта Физули… Думая, что весь мир соткан из благородства, мужества и любви, мечтательно смотришь в окно – в небе над Грозным сгустились предгрозовые облака...

Увлеченность педагога, его глубокие знания и твое неприятие молодостью всего, что разрушает гармонию мира, опять уносит в мир вымышленных героев и возвышенных чувств.

Эльбрус Минкаилов был нашим любимым университетским преподавателем, притом, что лекции нам читали асы филологии: архиинтеллигентный профессор

И.А. Ширшов – по фонетике; талантливейший синтаксист и добрейший человек Нонна Маликова; артистичный А.В. Очман, у которого студенты на лекциях по древнегреческой литературе стояли в дверях, как на премьере спектакля, был полный «аншлаг» – приходили даже «блатные» экономисты; «божий одуванчик» Архангельская; Литвиненко, читавшая нам европейский постмодернизм в то время, когда не во всех столичных вузах еще звучали эти «интертексты», «аллюзии» и «реминисценции»; Юрий Верольский – глыба в познании русской литературы; наистрожайшая, но и справедливая Панта Бекова (мы боялись шелохнуться на практикуме по русскому языку); молодой полиглот, латинист Овхад, рано ушедший из жизни (первое потрясение в моей жизни); въедливые толстоведы, достоевсковеды и просто знатоки русской классики В.Сдобнов и Х.Ш. Точиева; такой «свой» для студентов Леча Шахгиреев… «О сколько их упало в эту бездну, разверстую вдали» нашей памяти… С благодарностью и щемящей ностальгией перебираю, как четки, эти имена. Они навсегда останутся для нас, выпускников тех лет, образцами вузовских преподавателей и лицами истинной интеллигенции.

Но Эльбрус был все же одним из самых-самых… Почему? Глубокие знания, отсутствие пафоса, скромность, вместе с тем – увлеченность и умение увлечь, какая-то основательность и цельность. Родному университету Минкаилов посвятил тридцать лет своей филологической стези – с 1980 по 2010 гг. Мог бы защитить десять диссертаций, стать и кандидатом, и доктором, и академиком – но как-то не гнался за чинами и званиями, был весьма самодостаточным и без всех этих «ученых регалий», которыми в наше время никого не удивишь. Энциклопедическая эрудированность и высокий профессионализм, вероятно, давали ему эту уверенность.

Жадный до знаний, он щедро вознаграждает ими всех, кто к нему обращается. Мы должны были сдать экзамен, и он перетащил, как нам казалось, всю свою библиотеку и раздал студентам. Естественно, почти все книги пропали: началась война, которая разбросала нас всех по разным мирам в прямом и переносном смысле.

Из-под развалин нашего дома на берегу Сунжи, напротив парка Кирова (терпкий аромат акации и звонкие перепевы весенних птах навсегда останутся в памяти запахами и звуками безмятежного детства) в числе другого полуобгоревшего хлама родители собрали и жалкие остатки своей роскошной библиотеки – книги, чудом сохранившиеся под бомбами «наводителей» конституционного порядка, не попавшие в растопку боевиков и двух-трех отчаянных соседей, не покинувших город, они разбухли от дождя, снега, покрылись плесенью и пятнами копоти. Бумажных членов нашей семьи мы бережно лечили от ран: нежно протирали, сушили, проглаживали утюгом, пытались вернуть форму под гнетом. Среди них и две книги Эльбруса Минкаилова – по кабардино-балкарской литературе, выжившие в декабрьском огне 94-го. Рукописи не горят.

По сюрреалистическим декорациям грозненского послевоенного пейзажа с черными глазницами бесформенных многоэтажек, из которых торчат раскуроченные арматурные внутренности, как ни звучит абсурдно и даже гротескно, запустили трамвайную ветку (а может быть, «трамвай желаний» – это только плод моей фантазии как знак пульсирующих вен Старого города, ведь рельсы «новые власти» разобрали и, поговаривали, куда-то продали). В одном из таких «трамваев» (автобусов) знакомое лицо, но такое уставшее, осунувшееся и серое, что едва узнаю в нем любимого преподавателя. Эльбрус Минкаилов всю войну провел в Грозном, все ее тяготы пережил в своем доме на одной из центральных улиц – Первомайской. Почему не уехал к родственникам в Надтеречный район, где было относительно спокойно? Такой характер. Упертый. Протестующий таким образом против вопиющей несправедливости уничтожения двуногими тварями себе подобных Божьих созданий. Потом пойму, спустя десять лет, когда прочту его повесть на чеченском языке «В тумане» и почувствую в герое, запечатлевшем этот апокалипсис в своей душе и памяти, рефлексирующее сознание автора. А пока задаю глупый вопрос: «А когда у нас

будет экзамен?» – Грустная улыбка: «Считайте, что все, кто вернулся в город живым и невредимым, сдали его автоматом». Резко осенило: «У меня осталось две ваших книги». В потухших глазах мелькнул огонек: «???» – «Вы когда будете в университете? Я верну…» – «Целых две книги – это большое богатство…»

Его воспринимают как человека угрюмого, чрезмерно погруженного в себя. Сам он как-то назвал себя «бармалеем». Это тоже следы испещрившей сердце народной трагедии, своеобразная психологическая самозащита, как у Высоцкого: «И душу нежную под грубой робой пряча…» Не всем удается переступить через боль. Вижу это в его военных зарисовках. Война как злая разлучница, как новый критерий ценностей, казавшихся до нее незыблемыми, звучит, например, в рассказах Э. Минкаилова «Встреча с прошлым» и «Солнечный дождь».

Встретившись в послевоенном Грозном со своей первой любовью, герой рассказа «Встреча с прошлым» вдруг осознает, как мелки были чувства, казавшиеся великими до войны, как незначительны переживания из-за предательства в любви по сравнению с тем безмерным горем, которое вместила в себя душа в последнее время. Война выступает в роли оценочного водораздела. Урбанистические пейзажные зарисовки послевоенной разрухи исполнены психологизма, так как передают разрушающую силу войны, которая не щадит ни мир материальный, ни мир духовный. Внешние детали портрета также призваны подчеркнуть тяжесть того груза, который лег на плечи героя в военные годы. Не покинувший города во время войны, он выглядит, как старик, по сравнению с девушкой, которая жила все это время за пределами республики: «Я не удивился бы, если бы посторонние приняли ее за мою дочь».

«Солнечный дождь» – рассказ о войне и любви. Герою не удается найти любимую. Она пропала без вести в новогоднюю ночь, пытаясь выйти из объятого огнем Грозного (штурм 31 декабря 1994 г. вошел в новейшую историю как одно из самых трагических событий 1-го этапа войны). Э. Минкаилов с помощью символики радуги демонстрирует, как война убивает в душе человека все позитивные чувства. До войны жизнь является в своем многоцветии красок и чувств: от печали (черный цвет) до любви (красный). После войны остается лишь один цвет – черный. Война предстает перед читателем как разрушительница судеб, душ, памяти… Негативная энергия уничтожения столь сильна, что не оставляет надежды на психологическое восстановление: «И будут ли еще когда-нибудь в моей жизни те чувства, которые ассоциируются со всеми цветами радуги?.. Кроме одного – черного – цвета скорби…»

Минкаилов, прежде всего, трудоголик, он та самая пчела, которая кропотливо, день ото дня трудится, трудится, трудится, и никто этого особо не замечает, потому что в этом предназначение пчелы, в этом ее естество, ее сущность.

Он универсальный филолог: во всех ипостасях этой сложной и многогранной науки Эльбрус Салаудыевич реализовал и реализует свои творческие способности: как педагог, воспитавший плеяды учителей родного и русского языков и литературы, известных писателей и журналистов; как переводчик – им переведены на русский язык повести АбузараАйдамирова «Один день судьбы», Арби Мамакаева «В родной аул», трагикомедия Мусы Ахмадова «Башня, построенная на льду», рассказы Мусы Бексултанова, Мусы Мутаева, на чеченский – повесть Льва Толстого «Хаджи-Мурат», рассказы Важи Пшавелы, Эффенди Капиева и других писателей; как литературовед он уникален – опубликовал более шестидесяти исследований по вопросам истории и теории литературы, литературной критики, художественного перевода и фольклора. Некоторые из них вошли в книгу «О чеченской литературе и фольклоре» (2007).

«Уникален» здесь употреблено не для красного словца: действительно, в чеченском литературоведении на современном этапе нет специалиста, который мог бы свободно на родном языке писать в жанрах аналитической статьи, эссе, очерка и исследовать не только историю литературного процесса, что тоже очень важно, но и работать с тонкой материей художественной поэтики, рассуждая о специфике чеченского сонета, особенностях мамакаевской строфики,

своеобразии и значении творческого наследия Абузара Айдамирова, военной литературы З. Муталибова, Х. Ошаева… Ау! Кандидаты, которые растут как грибы после дождя! Где же ваши статьи и исследования? Почему они пылятся в недрах научных архивов? Не написаны ли они исключительно потому, что время требует «остепениться», а вот трудиться по призванию способны лишь единицы – и Эльбрус Минкаилов из этого редкого числа Первых. «Талант развивается из чувства любви к делу, возможно даже, что талант – в сущности его – и есть любовь к делу, к процессу работы», – судьба Эльбруса Минкаилова вполне подтверждает это определение Максима Горького.

С 2003 года Э. Минкаилов является главным редактором литературно-художественного журнала «Орга», под его редактурой также выходят многие книги на чеченском языке современных авторов. И, наконец, еще одна грань филологического склада его мышления – сочинительство. Конечно, не устраивающий помпезных презентаций и не мелькающий на экране телевизора автор в наш век рекламы, менеджмента, промоутерства и шоубизнеса рискует не найти дорогу к широкому читателю, к славе, в конце концов. Но он не из числа «героев нашего времени»: пишет не романы, а новеллы, не с математической точностью и продуманной плановой регулярностью, а по велению души, да и Нобелевская премия ему тоже, видимо, не снится. Он, скорее, из тех, кто творит, как затворник, в келье и вовсе не рассчитывает на признание. Да, на нынешней «ярмарке тщеславия» ему явно некомфортно, неуютно.

Конечно, есть в современной чеченской литературе два-три имени, которые удерживают накренившуюся конструкцию национальной башни, как титаны на своих плечах небо.

Минкаилов не титан, на звание «живого классика» не претендует, но именно ему удалось в простой, щемящей художественной форме выразить доминантную черту чеченской ментальности – неиссякаемую энергию жизни, устремленность кверху, вопреки влекущим вниз обстоятельствам (рассказ «Тяга к жизни»). Этой витальной энергией движим и герой его притчи «Цель». Это «притча о человеке, который решил во что бы то ни стало возвести свой дом. Просторный, светлый, с видом на горы. Он отказывал себе во всем ради своей мечты. Собственными руками бетонировал фундамент, возводил стены. И когда до заветной цели осталось совсем чуть-чуть, вспыхнула война и шальная бомба обратила его труды в ничто. Однако минуло несколько лет, и герой снова принялся за свое, выгребая из пепелища любую малость, которая могла «понадобиться при строительстве нового дома». Сизифов труд? А может, полемика с мифом о Сизифе?» – пишет известный литературовед Леонид Теракопян. На самом деле, герой этой аллегорической новеллы – типичный чеченец. Ведь чеченец по своей сути не воин, как заблуждаются многие иноплеменцы, а строитель. Точнее, он воин, но по принуждению, так уж складываются исторические обстоятельства, а по своей ментальной природе он – созидатель, зодчий. Дом – центральный концепт чеченского мировидения. Что бы ни случилось, во что бы то ни стало чеченец продолжает строить.

И Эльбрус Минкаилов, которому в этом году исполняется шестьдесят лет, тоже продолжает трудиться над возведением дома – чеченского Дома, очагом которого является чеченское Слово – Дош – как педагог, как редактор, как прозаик, как переводчик, как литературовед, как Филолог с большой буквы.

Дежавю. 4 декабря 2014 в результате террористической атаки на Дом печати сгорела и обширная библиотека главного редактора литературно-художественного журнала «Орга», которой он безотказно делился чуть ли не со всей пишущей братией республики. В ней и зарубежные авторы, и труды по философии, и самое главное – раритетные издания чеченских писателей, вышедшие в советское время, и книги собственного авторства, сгорели также все рабочие материалы Минкаилова, весь его личный архив – результат многолетних трудов.Перед отпуском взяла у него томик латиноамериканских прозаиков – надо будет вернуть…

Лидия Довлеткиреева

Эльбрус Минкаилов

Сожаление

Рассказ

Погибшим в Великой Отечественной войне
дяде по отцу Алаудину и дяде по матери Рамзану…

Харон, двоюродный брат моего отца, 80-летний старик, расслабившись, сидел на мягком диване. После смерти отца в нашей семье он был главным и в радости, и в горе. Хотя он и не был самым старшим, все же взвалил на себя это бремя – ношу на свои плечи всегда водружает тот, кто в силах ее нести…

Седая голова, лицо в морщинах…

Голос его был тихим, словно утомленным жизнью, но я все же слышал каждое его слово.

Я зашел к ним, узнав, что он вернулся из Москвы. В последние годы он стал частенько болеть. Разговор его все время прерывался глухим кашлем… Это раны войны давали о себе знать. Чтобы извлечь осколки, прооперировали его тогда быстро: что смогли, удалили, оставив кое-что внутри, зашили, словно латая… Больше всего его беспокоили осколки, оставшиеся в легких: стоило чуть простыть, как они валили его в постель… С тех пор, как его ранило, прошло больше 60 лет. Тогда, едва встал на ноги, выписали из госпиталя, сначала на несколько дней отпустили домой, затем, не задерживая, опять отправили на фронт. Он был молод, а потому мог вынести все…

Спустя годы раны не позволяли забыть о себе…

…Харон всю свою жизнь был уважаемым человеком, на хорошей работе. Даже выйдя на пенсию, вплоть до этих войн, он не переставал трудиться. Свое здоровье всегда старательно оберегал, не жалея средств и времени: почти ежегодно ездил в санаторий, лечился в лучших клиниках и больницах.

Вот и сейчас, в год 60-летия Победы, на выделенные государством деньги был в ЦКБ и в санатории «Барвиха»…

– Кажется, я простыл в поезде, – сказал Харон, когда очередной приступ кашля его отпустил, – как будто назло, в вагонах было то жарко, то холодно…

…Я и раньше подолгу беседовал с ним. Обладая хорошей памятью, он был интересным рассказчиком. В свое время я не записал то, что рассказали дед, его двоюродные братья, даже отец. Пока я бегал туда-сюда, думая, что еще успею, они ушли из жизни один за другим…

Я всегда просил Харона рассказать о войне, – он прошел Финскую и Великую Отечественную. Не знаю почему, но как-то, прервав плавно текущий разговор, я спросил его:

– Дядя, ты многое видел, многое пережил… О чем же ты более всего сожалеешь? Что более всего печалит тебя из всего, что ты испытал?

Слегка откинувшись, он задумался. Было заметно, что эти размышления давили на него, воспоминания стали для него тяжелым грузом…

Словно собравшись с силами, он, глубоко вздохнув, заговорил…

…Это было в самом начале войны, точного дня я уже не помню… Наш полк стоял в Прибалтике… Со мной был односельчанин Ахмед… Других чеченцев, насколько я знаю, не было. В нашем распоряжении были 45-милиметровые пушки. В первые же дни войны стало понятно, что полк находится в крайне

бедственном положении: не хватало снарядов, еды… Немецким танкам не было счета… Многие из них мы уничтожили, но им все еще не было конца и края…Нас поставили, чтобы оказать им сопротивление… Снаряды в расчетах заканчивались… Танки на ходу переезжали через пушки, давя их и не успевших убежать солдат…

На третий день войны спустившаяся мгла скрыла оставшихся в живых, мы отступили в сторону леса… Немцы бесперебойно вели минометный и пушечный обстрел… Когда мы пробирались сквозь лес, рядом раздался ужасный взрыв… Два следующих снаряда упали чуть в стороне от нас…

Я был цел, серьезных ранений не получил… Поднявшись, отряхнул с себя землю и стал осматриваться, чтобы узнать, что с товарищами…

Несколько неподвижно лежали неподалеку… В первую очередь я позвал Ахмеда, но, видимо, он меня не услышал… Через некоторое время по одному или двое подошли оставшиеся в живых сорок шесть человек. Ахмеда среди них не было.

…Я нашел его лежащим под большим деревом. Он был тяжело ранен.

– Харон, я… не смогу идти дальше… Дома расскажешь… как это произошло… – с трудом произнес он, чуть придя в себя.

– Ахмед, мы будем держаться вместе… Немного отдохнем и двинемся к нашим. Я понесу тебя на спине!

Он через силу улыбнулся.

– Все кончено… Позвоночник сломан… Даже шевельнуться не могу, не то чтобы встать на ноги… Не трать свои силы, уходи… Оставь меня здесь, дав одну гранату…

– Перестань… Я тебя не брошу. Мы пойдем вместе…

Ахмед попробовал привстать, но с леденящим душу криком упал лицом к земле.

– Ахмед! Ахмед! – позвал я, бросившись к нему, но он не откликнулся.

В предрассветный час он пришел в сознание. Когда я взваливал Ахмеда на себя, он опять попросил оставить его. Мы довольно долго шли по лесу… Мне было тяжело тащить Ахмеда и наше оружие, но оставить его я не мог. Я боялся, что, остановившись, не буду в состоянии снова встать...

Мы дошли до какой-то дороги. Лес закончился. За дорогой было нескошенное поле. От легкого дуновения ветра высокий золотистый ячмень колыхало, словно морские волны… Я вспомнил наше село… До армии часто, когда не мог заснуть, бродил с приятелями вдоль Терека; затем, расположившись на хлебном поле, начинавшемся недалеко от берега, мы вели до рассвета неспешные разговоры, глядя на падающие, сгорая, звезды… Ахмед тоже бывал с нами…

…Мы остановились, оглядываясь кругом… Вскоре послышался шум… Он стал усиливаться… Потом показалась длинная танковая колонна… Она напомнила мне ужасного огромного дракона, железного дракона, он приближался, кривляясь и покачиваясь из стороны в сторону, вселяя в сердце страх…

– Быстрее! Перебегайте дорогу! – прозвенел голос командира.

С Ахмедом на спине, собрав последние силы, побежал и я. Мы скрылись в ячменном поле.

– Не останавливайтесь! На дороге немцы заметят наши следы. Нужно, как можно дальше отойти от дороги! – простирая вперед руку, прокричал командир.

У нас не было оружия, чтобы принять бой, патроны закончились, только пустые стволы винтовок…

Товарищи ушли, оставив нас с Ахмедом. Он был в сознании, но очень устал. Каждое слово он с трудом выталкивал из себя:

– Уходи, Харон… Ты можешь спастись…

…Мы лежали, глядя на небо… Светило солнце, летнее солнце… Оно не грело так же сильно, как у нас дома, но все же… Легкие, словно вата, белые облака висели на небе, как снежные островки на горном хребте, когда по весне тает снег… Положение было очень тяжелым… Сорвав свисающий ячменный колос, касающийся лица, я растер его обеими руками… Дунул на отделившуюся от колоса труху и съел зернышки ячменя…

…Остановившись, немцы стали искать нас и подожгли хлебное поле. Несколько танков из этой огромной стаи остановилось, направив свои длинные стволы в нашу сторону…

Вокруг них кружились немцы, ведя какие-то разговоры и посмеиваясь… Мне казалось, что ветер, дувший с той стороны, доносил до нас их разговоры… Потом они, вроде бы, затихли, приняв какое-то решение, сели в танки, и те тяжелой поступью ринулись в нашу сторону…

– Уходи… – не говоря больше ни слова, Ахмед из последних сил толкнул меня…

Я побежал по следам, оставленным товарищами, за ними… Подсушенное солнцем поле горело… Огонь распространялся быстро, ветер раздувал его… Казалось, пламя гонится за мной…

Танк остановился на том месте, где мы лежали с Ахмедом…С него выскочили вооруженные солдаты… Раздался взрыв гранаты… Затем танк, чуть шевельнувшись, подался вперед, остановился и стал кружиться на месте…

Я все понял…

…В живых нас осталось с десяток…. Опять встали в строй… Война затянулась… Случались ранения, ежедневно теряли друзей… Но на этой войне мне не выпал смертельный жребий, я выжил…

Сожаления… Сожалений осталось много, но большего, чем о том, что я оставил Ахмеда на ячменном поле, у меня нет… Я и родственникам его не рассказал… И тебя прошу, пока я жив, никому не говори об этом… Мне и так тяжело… Если его близкие узнают, что я спасся, бросив его на поле битвы, я буду опозорен… Но то, что тогда у меня не было другого выбора, известно Всевышнему, представшему пред Ним Ахмеду и мне, чей час уже совсем близок…

Долго сидел он, словно листая картины прошлого, глядя на стену напротив, не произнеся больше ни слова, погруженный в свои мысли. Тогда я не понял: рассказав мне это, он облегчил свою сердечную ношу или, напротив, груз стал еще тяжелее? Я и сейчас этого не знаю…

… Спустя несколько дней после этого разговора болезнь свалила Харона… Тело, искромсанное войной, сердце, разрываемое противоречиями жизни, не выдержали…

2006 г.

Праздник, испорченный воспоминаниями

Рассказ

Всеобщее веселье продолжалось вот уже несколько дней, конец года совпал с завершением рабочей недели. В последний вечер уходящего года все свидетельствовало о скором приближении праздника: освещенный разноцветными огнями иллюминации центр города; нарядные высокие, в игрушках, ели на главных улицах и площадях; шустрые фотографы вокруг них; одинокий Дед Мороз без своей постоянной спутницы; вспышки и треск петард и хлопушек; люди, спешащие с базара домой с сумками, полными продуктов и напитков для новогоднего пиршества, на остановках бросающиеся, словно в атаке, навстречу каждому автобусу или такси.

Для Эмина же этот день не был праздничным, особенно с 1994 года.

……..

В его жизни и раньше случалось так, что праздники оказывались безнадежно испорченными. Так, в шестом классе он наотрез отказался выучить стихотворение к 23 февраля, ко Дню Красной Армии и ВМФ.

– Не буду учить! Это не праздник!

– Эмин, дорогой, что ты говоришь? – поглаживая его по головке, сказала Вера Алексеевна. – Мы должны подготовить вечер. Лучше тебя в классе никто не декламирует! Я даже хотела, чтобы ты прочитал стихи собственного сочинения…

– Это не праздник!.. – крикнув, как можно громче, он стремглав покинул класс.

– Эмин!

Выйдя следом за ним и остановив в коридоре, учительница стала задавать вопросы.

– В этот день выселили чеченцев!.. – вырвавшись из ее рук, Эмин убежал.

…Вера Алексеевна была молодым педагогом, направленным в их село по распределению после окончания Краснодарского пединститута. Она жила у старшей сестры Эмина. Вернувшись после работы домой, учительница долго беседовала с ней. После об этом инциденте она никогда не напоминала мальчику, однако стала уделять ему больше внимания, помогала готовиться к урокам, давая разные книги…

……..

У него были свои праздники, которые он выбрал сам…

…….

12 лет назад, 31 декабря 1994 года, новогоднее празднество навсегда утратило для него свое очарование. Пережитое им в тот день не забудется так легко. Истинный лик войны с ее жестокой неразборчивостью, безжалостностью, бесчеловечностью впервые открылся ему тогда… В тот день, в ту ночь, в последующую неделю, проведенную в городе, он бесконечно жаждал тишины… Ему казалось, что этим состоянием охвачен каждый… Его единственная дочь, ей было 5 лет, заткнув пальчиками уши, чтобы не слышать выстрелов и разрывов снарядов, падала на пол…

Она до сих пор не оставила этой привычки…

Долго стоял Эмин, погруженный в свои раздумья, хотя и понимал прекрасно, что места в автобусе или маршрутке ему не получить в порядке очереди, тем более никто не пропустит его вперед, оставалось только настойчиво протискиваться сквозь толпу. Впрочем, он никуда не торопился, но становилось все холоднее, было ветрено, слегка падал снег… До его жилища отсюда было всего минут двадцать пути. Решив, что лучше пойти пешком, чем стоять здесь, он направился в сторону дома.

…На улицах было многолюдно: подобные ему, решившие, что своим ходом доберутся быстрей; молодежь, как обычно, слонявшаяся без дела; милиционеры, несущие свою службу… Эмин никого из них не знал в городе, как всегда, каждый был сам по себе, не обращая внимания на других… Он уже почти дошел до своего дома, как встретил знакомого:

– Ассалам алейкум! Поздравляю тебя с Новым годом! Пусть все плохое унесет уходящий, а все самое лучшее случится в наступающем!.. Желаю этого тебе и твоей семье! – пожал Эмину руку и, видимо, посчитав, что этого недостаточно, крепко его обнял. Было заметно, что, не дожидаясь, когда стрелки достигнут двенадцати, сосед заранее стал отмечать.

– Ва алейкум ассалам! Тебе я тоже желаю добра!.. – отпустив руку, Эмин высвободился из его объятий.

– Ты еще не приступил к празднованию?

– Нет, я только что освободился с работы…

– Пойдем ко мне! Все, что нужно, у меня есть!

– Спасибо, надо зайти домой…

– Ладно, тогда чуть позже!

– Хорошо.

Сосед увлекся разговором с кем-то еще, а Эмин, отойдя чуть в сторону, остановился. Перед ним предстала иная картина, страшная картина, виденная 12 лет назад…

…….

За тем поворотом горел подорванный танк, порой слышались разрывы снарядов, оставшихся в нем; чуть поодаль стояли уже сгоревшие автобус и машина, словно присевшая на корточки…

Из окон квартир, расположенных вдоль дороги, на улицу вырывался огонь, валил дым… С центра города доносился шум войны; указывая дорогу, ведущую к смерти, рассекая ночное небо светящимися пунктирными линиями, летали во всех направлениях трассирующие пули. Людей не было видно, лишь изредка, дойдя до отчаяния, не понимая происходящего, как и Эмин в то время, прятавшиеся от всесторонних массированных обстрелов, некоторые выходили на улицу, чтобы взглянуть, что же творится вокруг, что же будет…

……

…Его размышления прервала пулей проскочившая рядом с ним машина…

«Как не похож он на мужчину, которого он видел тем вечером… Кажется, ему могло быть лет 50-55…

Толкая небольшую алюминиевую тачку на надувных колесах, он вез труп, лицо которого, как и тело, было скрыто белой простыней; мужчина шел по центру дороги один, ни на что не обращая внимания… Казалось, мир его рухнул, большего горя для него уже быть не могло…

Неужели это был его сын?..
Или брат?..
Может, друг?..
……

Эмин, наконец, дошел до дома, было уже достаточно темно, но свет, льющийся из окон и уличных фонарей, ярко освещал двор.

Подходя к своему подъезду, он внезапно остановился. Ему показалось, что на земле, припорошенной снегом, он видит алое пятно.

Двенадцать лет назад здесь раздался такой мощный взрыв, словно весь мир взлетел на воздух; спустя некоторое время после того, как шум стих, Эмин вышел на улицу и увидел на этом самом месте своего соседа… Видимо, осколок мины настиг его в тот момент, когда он бежал к дому: мужчина лежал, простерев руки к дверному порогу, до которого оставалось всего два-три метра… А вокруг него от расплывшейся крови таял слегка припорошивший землю снег…

На следующий день, дождавшись, когда обстрел стихнет, жильцы похоронили соседа, а место его гибели Эмин засыпал песком, полностью покрыв лужу крови. Спустя несколько часов он увидел, что кровь, впитав в себя песок, проступила на поверхность. Эмин снова еще более тщательно засыпал ее песком…

Тогда и после, в любое время года, днем или ночью, проходя мимо, ему казалось, что он видит это пятно крови. Чтобы случайно не наступить на него, Эмин обходил этот участок… Эту кровь было невозможно забыть, ведь она пролита здесь, ее не смыть…

…….

…А на улице раздавался веселый шум, слышались взрывы петард и хлопушек, разноцветные вспышки праздничного фейерверка освещали окрестность…

«Хорошо, что люди так скоро забыли эти тяжелые дни, хорошо, что они так искренне радуются мирной жизни… однако… Разве не те люди живут здесь, что и тогда?.. Или из тех, кто двенадцать лет назад, испытал этот кошмар, никого уже не осталось? Вроде бы прошло не так много времени, чтобы выросло следующее поколение…» сомнения кружили в его голове, когда он входил в дом…

…Эмин включил телевизор. На всех каналах шли концерты: певцы, юмористы, танцоры, политики… Среди них были и те, что тогда, двенадцать лет назад… В то время им было безразлично происходившее в Чечне… Они выполняли свою работу. Тогда, сейчас… Погружали в сладкие сны тех, кто готов был обмануться…

г. Грозный
31 декабря 2006 – 1 января 2007 г.
Перевод с чеч. Л. Довлеткиреевой.

Дебют

Луиза Абалаева

Родилась в 1962 году в селе Ачхой-Мартан, ЧИАССР; там же окончила сш. № 1, работала в местном Производственном объединении художественных промыслов (полностью разрушено во время военных действий в 1994 – 2000 годы). Стихотворчеством занимается с 2008 года. Публикуется впервые.

Пожелание

В мир знаний вместе мы вошли,
Дорогу в жизнь нам проложили,
И с первых дней старались мы
Шагать по ней, как Вы учили.

Заботой всех нас окружали,
Ценить нас научили труд,
Достичь вершин, стремиться к цели,
Не предавать друзей, подруг.

Успехов Вам в нелегком деле,
Терпенья Вам и много сил –
За все года, что пролетели,
«Спасибо» всем, кто нас учил!

Год очень быстро пролетел,
Мы стали чуточку взрослее,
Звонок последний прозвенел,
Час расставания больнее.

Пусть все слова, что от души,
Для вас звучат, за труд ваш скромный.
Любимые учителя мои,
Вы в жизни всех наград достойны!

***

Мой край прекрасен, что ни говори:
Ты оглянись! Вокруг ты посмотри!
Поля и реки, горы до небес…
О, мой Аллах! Вся кладовая здесь.

Кавказ седой, приветствую тебя!
Земля отцов моих, я дочь твоя!
Очаг родной, пристанище мое,
Причал ты мой, души моей тепло…

Я воспеваю край, где я живу,
Аллаха каждый день благодарю –
Что дал мне жизнь и этот рай земной,
Что родилась я на земле такой.

Сказать тебе хочу от сердца я:
Мир дому твоему, моя Чечня!
Земля отцов и дедов, процветай –
Воспетый славой предков, милый край!

***

Была война и все вокруг пылало –
Казалось, не подняться из руин,
И сердце словно биться перестало –
Мой Грозный будто выбился из сил.

Как я хочу, чтоб город милый ожил!
Где силы взять,
чтобы он вновь расцвел?
Чтобы народ мой снова мирно зажил,
Исчезли войны – худшее из зол?

Чтоб матери не плакали ночами
И радовал нас детский смех всегда…
Кто защитит тебя? Залечит раны?
Кому нужна была эта война?..

***

Любви прощальные
слова я вспоминаю:
«Забудь, забудь меня, я умоляю!
Не надо говорить: «Любовь остыла»,
Ведь ты любил меня, и я ценила –
Один твой взгляд,
один твой вздох недавно.
Жить не давал мне…
Знаешь, как ни странно,
Тобою восхищалась, и не знала –
Что завладела твоим сердцем
та, другая.
Нет, не ищи красивых слов, не надо!
Смирилась, кажется, и буду рада
Я счастью твоему и с той, другою…
Отныне ничего знать не хочу –
с меня довольно!
Живи, как знаешь,
ты теперь чужой мне.

Драматурги

Ахмадов Муса

Ненаца къамел

Цхьана суртехъ драма

Дакъалоцурш:

Нана
К1ант – суьрташдахкархо.

К1АНТ. Нана, тховса а еа-кх хьо. Суна тахана цхьа де дагадеънера, нана. Казахстанехь дара иза. Цхьана малх кхеттачу дийнахь хьо балхара ц1аеара, к1адъелла, халла са а доь1уш. Хьо бос баьхьна яра, х1етте а ирсе елакъежара. Ахь дуьххьара хьайна деллачу алапех суна мачаш а, кампеташ а еънера. Сан х1етахь ялх шо бен дацара. Суна ца хаьара, ахьа оцу алапех хьайн могашалла луш юйла. Шахтехь болх беш хиллера хьо... Божаршна а хала болх айхьа беш, со меца ца вита г1ерташ, къахьоьгуш, г1елъелла, цамгаро лецира хьо.

Хьо кхелхинчу дийнахь суна чубуьзна малх х1инца а кхетаза бу.

Дуьненчу кхета-м кхета малх, амма суна ца го иза. Х1етахь дуьйна суна ца деза малх кхетта денош.

Цундела сайн суьрташ кхоьлинчу дийнахь, я буса дохку аса.

Нана, дийцахьа, муха хилира иза: сан да кхузахь каш доцуш вайна, ткъа хьо генарчу махкахь 1уьллу, со кхузахула волавелла лела, эсарчу мохо лоьхку комала колл санна.

Буьйса. Суьрташдахкархочун пхьалг1а.
Гучудолу ненан г1аларт.

НАНА. Сан к1ант, дера дара иза доккха де, доьхна де. Боккха бала боьссинера вайн махка.

Оцу 1уьйранна хьой, хьоьца дуьненчу яьлла хьан йиша Маримий юза а йина, йина сискал кхе йиллина со йоллушехь, вайн не1 бух а йоккхуш, чу лилхира адам-йилбазаш. Цаьрца цхьаьна чу хьаькхира и шийла, къиза йилбазмох. Цо д1аяйира вайн кхерчара ц1е. Ткъа сийдоцчу мостаг1ашна, ши салти а вуьйш, дуьхьал ваьлла хьан да, оцу йилбазмахо, ваьхьна, т1епаза вайъира.

Ткъа хьоьца шала йина хьан йиша Марима цара 1адийначуьра метта ца йог1уш, сих а хаьдда, г1орийна шагат1улг а хилла, д1аелира.

Иза кешнашка-м мича йохьуьйтура соьга, маьждиган кергахь д1айолла г1ерташ, т1ехь лаьтташ салтий а болуш: «Яла сихха!» – бохуш, г1орийначу лаьттах туьйсуш, ц1ийш а оьхуьйтуш йохийна м1араш со коша йиллалц лезира сан.

Илли хеза:

И чуьйна болат ма ч1ог1а ду,
И сенчу ц1аро лаладо –
Хьо стенах дина, кийрара дог,
Ма ч1ог1а дина хиллера хьо.
И шийла шовданаш г1орийна,
Цу диттийн баххьаш т1е к1ац йиллина.
Х1окху нохчийн, г1алг1айн махка
Шийла кхаъ кхаьчча,
Ца дешир, ца дегира кийрара дог.
Хьо стенах дина хиллера-те,
Ма ч1ог1а дина хиллера хьо.

Болатан цу багахь сийна ц1е летош,
Гомачу новкъа дуткъа дег1 сеттош.
И ц1еран машенаш юьйлаелча,
Ца дегир, ца дешир кийрара дог.
Хьо стенах дина хиллера-те,
Ма ч1ог1а дина хиллера хьо.

К1АНТ. Нана, нана... Сайн пхийтта шо кхаьчча, со х1окху юьрта веара. Ас лийхира сайн йишин Маримин даь1ахкаш маьждиган кертахь, уьш кешнашка яьхьна, бусалба динехь д1айохкийта дагахь. Х1умма а ца карийра суна. Маьждигах, цхьа т1улгийн пенаш бен, х1умма а ца йисинера. Вай юьртах даьхна д1адуьгуш, юхахьаьжначарна гина хиллера маьждигах хьерча сийна ц1е...

Ц1а дирзича, вайн юьрта баха хьала ца бахийтира нах. Теркал дехьа совцийра, кара1амош, къарбан атта хир ду аьлла.

Нана, нана... И соьца цхьаьна исс баттахь хьан кийра бекъна сан йиша Марима гуттар а эшна суна. И д1акъаьстичхьана сайн аьтту аг1о боцуш санна веха со. Сан кхин цхьа а ваша а, йиша а хилла ма дац, и йоцург.

Х1ан-х1а, нана, б1аьрхиш дац хьуна сан б1аьргех оьхуш. Уьш кхачаделла. Хьо цигахь, хийрачу мехкан лаьттахь а йитина, тхо ц1а дог1уш, ц1а кхаччалц а, цул т1аьхьа шо шаре даллалц а воьлхуш, кхачийна сан б1аьрхиш... Ас х1инца ц1е марсайоккху, нана, ахьа дийцахьа... Бийцахьа и вайн декъаза кхоллам.

НАНА. Кира кхоьхьучу вагонашна, бежнаш санна, чу а лаьхкина, оцу вагонаш чохь д1абоьлхуш, цхьаберш г1айг1анах хорам хилла, вуьйш цамгаршна леш, уьш ц1ерпошта сецча лайла а 1уьттуш, д1абохкаран метта. Шен хьаштана юьстахвала меттиг йоцуш, иэхь-бехк, оьздангалла ларъян йиш йоцуш (бакъду, вайн эвлара Пайзуллин йо1 Хазбика – б1аьрго йоххол оьзда йо1 – шен иэхьах ца юхуш кхелхира цу чохь), дуьхьал шаршош а оьхкина, керла адамаш дуьненчу дохуш, ванах, хlара сел ирча г1ан ма дахделла бохуш, хиллачух теша ца лууш д1аихира берх1ийтта дийнахь-бусий. Т1аккха шийлачу мохо лоькхучу аренашка, акхарой дог1у шуна, сема хилалаш, бохучу хабаро дарбинчу нахана т1ебиссийра. Цигахь мацаллина, шелонна, дужу г1а санна, д1абохка а ца кхиош, хьарчо марчо а доцуш – луо а, дарц а хилир-кха царна марчо, – х1аллакъхилира вайнах...

К1АНТ. Ткъа къонахий бацара цигахь?..

НАНА. Къонахий а бара, къонахий боцурш а бара дуккха а... Сулайми Бауддис илли аьлча, вилхина Ч1ебарлара Бетар, цхьамма мотт а тоьхна, 25 шо хан а тоьхна, чувоьллира.

Йиш хеза:

Тхов т1ера котаман бен бохий ахь,
Цу т1е боьду берийн некъ бохий ахь,
Сталин, тхан дахар дохий ахь,
Ва-а, Дала вилла хьо яьшки чу.

Х1аъ, и йиш лекхна аьлла, Шарара Себила, 16 шо кхаьчна кхиъна йог1у йо1, 15 шо а тоьхна, шийлачу махка хьажийра. Дера яра, к1ант, декъаза зама, цхьа Дела воцург, орцахвала стаг а воцуш.

Назма хеза:

Нохчийн, г1алг1айн и г1ийла къам
Х1аллакъхилла долуш лаьтта,
Дохкодевлла тхо хьоь кхойкху,
Ахь гечдехьа, везин Дела.
И Дег1аста юхалохьа,
Тхан Даймохк ахь б1аьрга гайта,
Оха дош ло, везин Дела,

Хьо виц ца веш, Хьуна даха.
Хьог1ах, гамох дегнаш ц1андеш,
Тхаьш санна, тхайн накъост везаш,
Даим маттахь Хьо хьехавеш,
Оха дош ло хьуна даха.
Тхан къинош сов алсамдевлла,
Хьоьга деха юьхь йоцуш ду,
Тхоь ца хьоьжуш, Хьайга хьажий,
Къинхетам бе, везин Дела.
Тхаьш лелийна хьарам дериш,
Дохкодовлуш, кхин ца лело
Оха Хьоьца тоба ма до,
Къобал делахь, везин Дела.
Тхайн Дег1аста ахь схьаяллалц,
1аьржа лелаш, таь1на лелаш,
Синкъерамех, цу ловзарех
Тхо ларлур ду, везин Дела.
Шен дег1ана темаш лоьхуш,
Хьо реза веш, вовза йиш яц,
Шайт1ан дуьней, дегг1ий эшо
Хьуьнар лохьа, везин Дела.
И хьаг1, гамо дагчохь йолуш,
Хьо реза ван йиш йоцуш ду,
Хьог1ах, гамох, хьегарх ц1андеш,
Безам лохьа, везин Дела.
Хьо воцчуьнга толур доцуш,
Доьхна г1уллакх Ахь тодехьа,
Тилла тоба кхетаехьа,
Тхан Дег1аста юхалохьа.

К1АНТ. Иштта Дег1астане сатуьйсуш, боьлхуш, кхойтта шо д1аделира. Делира Дала мискачеран до1ина жоп. Ц1а дерза бакъо а елира. Амма суна ца лаьара, нана, хьо цигахь а йитина, ц1а ваха, Даймахке сатийсам мел боккха хиллехь а. Суна цигахь, кест-кеста хьан коша т1е а вог1уш, сайн бала а ловш, ваха лаьара. Делахь а девашас хийцира сан ойла.

«Хьан ненан даь1ахкаш кху лаьттахь яхкахь а, цуьнан са тоххарехь ц1а а дахана, вайн юьртарчу кешнийн ох1ланехь ду хьуна», – элира цо.

Со ц1а веара. Оцу бехачу новкъахь б1аьрхиш а 1енош.

Илли хеза:

Стигланаш, шу марша 1ойла,
Латтанаш, шу марша 1ойла,
Марша 1ойла, кешнийн ох1ла,
Тхо-м д1адоьлху Дег1астана.
1уьйренаш, шу оха йити,
Суьйренаш, шу оха йити,
Оха йити сийна Сибрех,
Кхин ца лела ч1аг1о йина.
Терзанца оьзна бен рицкъа доцчу,
Эзар волчух б1е ца вог1учу,
Ва дийца каш доцчу
Цу сенчу Сибарех,
Дай-нанойх къаьстина,
Дег1астане сатуьйсуш,
Жам1ате сатуьйсуш,
Молланаш боьлхуш,
Вешеха ва яьлла

Йиша йоьлхуш,
Доьзалах ва яьлла
Нана йоьлхуш,
Тхан рицкъа яздина
Хилла-кха цу сенчу Сибарех.
Йорабби, шаьш байлахь
Бисина доьзалаш бог1у,
Йорабби, вешеха яьлла,
Де доьхна хийла йиша йог1у.
Йолалохьа, нана-Дег1астана,
Елалой, хьасталой, дуьхьал ялахьа,
Хьайн уммат дог1уш.

К1АНТ. Ц1а кхаьчча, ма хетта дахар ца нислуш, дийнахь тем а, буьйсанна наб а йоцуш, б1аьрзе хьийзара нах. Церан кхетамо лоьхура хьалхалера дахар. Амма иза гуттаренна а д1адахнера вайн къоман х1аллакъхиллачу баккхийчеран чкъураца цхьаьна.

Амма дукханна а баха ца лаьара керлачу дахарца. Уьш бехара сатийсамашца а, дагалецамашца а.

Цхьанххьа а синтем ца карош, Россин г1аланашкахула волавелла лийлира со а.

Х1инца шовзткъа шо кхаьчча, кху вайн яссаеллачу юьрта веъна, х1ара суьрташ а дохкуш, хан токху ас. Сан белхийн гуттар а цхьа тема ю: вайн хедийна орамаш, вай ц1ийнах, ц1арах дахар... (Суьрташна хьалха а сецна, дуьйцу царах лаьцна). Делахь а цхьаъ ца тоьаш санна хета суна гуттар а сайн суьрташкахь. Нана, тхан дахарехь ца тоьарг ца тоьа сан суьрташна а – шун дахарехь хилла бакъйолу нохчолла...

Хиллачу оьздаллин дисна цхьа 1индаг1,
Хиллачу кураллин дисна цхьа 1индаг1,
Дерриге дахана к1оргачу 1инах,
Цхьа синош схьах1уьтту, цкъа кхузахь 1ийнарш.

Хиллачу адамийн 1индаг1аш ду вай,
Еса ю вайн б1аьвнаш, стаг воцуш чу ван,
Ваг1ахь а шарахь цкъа генара хьаша,
1индаг1а ду иза – д1авоьду маса.

Х1уъу деш вай хьовзарх: охуш, дуьйш ялта,
Сакъера ховшахь а, эт1абеш пондар, –
Д1адийнарг ца кхуьу цхьа сискал ял а,
Сакъерар хуьлу вайн шайт1анийн ловзар.

Вайн мехкан са даьхьна цу 1аьнан буса,
Ц1ерпошто даькккхина турпалчу дег1ах,
Цундела вайн ялтийн буьртиг ца бузу,
Цунах ду шовданаш т1етесна 1еха.

Ц1ен коьрте довлийша доггах дан зикарш,
Даккхийша ц1ийн carla, д1атоттуш бала,
Цу Деле до1ица дехийша дикка,
Вайн мехкан даьхьна са духа ло алий.

Дебют

Райхан Эллаева

Родилась в 1991 году в Ростовской области. Среднюю школу № 1 окончила в г. Котельниково. На родину вернулась в 2010 году, тогда же поступила в ГГНТУ (факультет автоматизации и прикладной информатики), который окончила с отличием. Стихи пишет со школьных лет. Любимые имена в русской поэзии: В. Маяковский, А. Блок, И. Бродский. Публикуется впервые.

Улыбнусь всем пророчествам...

***

Ты слышишь ветра порывы,
Что таят в себе боль или страх?
О вечном мы вновь позабыли,
Как листья дрожим… за свой прах.

Под ветра тот шум почувствуй,
Как просыпается бренный мир,
В жизни своей на благо усердствуй,
Пусть и будешь в пути ты один…

Вновь ветер врывается с пылью
В судьбы мелких, несчастных рабов,
Значенье свое что забыли,
Привыкнув лишь к лязгу оков.

Воздух гудит: «Просыпайся!
Довольно вязнуть в грехах!»
Вопросом хоть раз задайся:
Живешь для чего ты – в тисках?

***

Тихо. Летят снежинки…
Ночь уступает заре…
Мысли, будто пылинки,
Мельтешат и сгорают в душе.

Снег заметает унынье,
От раздумий влечет за собой…
Слышишь? Это забвенье,
Им дышит гонимый мечтой…

***

Погружаюсь в сон… Медленно,
Подобно снегу, что тает в ладони.
Забываюсь в нем... Торжественно,
Будто вслед, жизнь: «Запомни»…

Вслушиваюсь в чей-то
стон. Ветрено…
Шепот гнетущий опять в явь уносит –
Что сном нам доверчиво вверено,
Душу сомненьем неистово гложет...

***

Прислушиваюсь к тревожному стуку,
Напрягаю нервно придирчивый слух:
Что мешает утихнуть этому гулу,
Потрясая даже мой непокорный дух?

Может, страх перед новой печалью?
Или трепет перед
неизбежным концом?
Может, к смерти меня
неизбежной звали,
Разрезая со свистом воздух мечом?..

Ответ на вопросы, что заданы выше,
Может показаться бредом глупца –
Но, сердце желаньем
справедливости дышит,
Молит о ней бесконечно Творца…

***

В поисках справедливости,
я всматриваюсь в эти души, –
В жизнь окуная потерянный час.
Донести пытаюсь правду идущим –
Она же, ввергает в одиночество нас.
Течение времени неумолимо –
Словно в реке вода…
Отсчитываю песчинки,
прощаюсь с отрочеством.
Печать душевного одиночества
Пронесу, может быть, сквозь года, и…
Молча, улыбнусь
всем пророчествам…
Жизненный путь измеряя ступенями,
Поднимаясь вверх или падая вниз,
Покорна ли буду судьбы изменениям,
Исполняя каждый ее каприз?..
Ослушание карается жестким отбором –
Разрывом и без того уж
непрочных уз…
Судьба подмигивает с задором:
Прими-ка еще и вот этот груз!..

***

Приминая траву босыми ногами,
Сливаюсь с природой
таинственных гор.
Тропинка ведет к роднику, петляя,
И с нею петляет по склонам мой взор.

Шум вековой, неумолчный в округе –
То грозно рокочет в ущелье река,
Изнывая в скальных
теснинах от скуки,
Сердито грызет свои берега…

Древний валун, словно
стражник у леса,
Охраняет усердно чудную песнь.
Дышит влагой болотной и,
будто завесой,
Мхом изумрудным покрылся весь…

И мир этот дивный оставить нет сил –
К удобствам вернувшись
в бездушных домах.
Тот, кто тебя, милый край мой, забыл –
Душой безнадежно, я знаю, зачах…

Мысли по ту сторону…

Слышу шелест листвы над головою,
Звонкие трели невиданных птиц.
Недавно покрыли меня землею –
Я простилась с чертами
знакомых лиц.

Тело, что тленно,
нашло вечный отдых,
В одиночество ввергласъ моя душа.
Ожидание бродит
средь ночей холодных,
Мысли проходят
сквозь мглу не спеша.

Цветы распускаются каждой весною
Благоуханным ковром на могиле.
Укрытые матерью нашей землею,
Беды той жизни давно мы забыли…

***

Медленно, вкрадчиво ночь поглощает
Черную землю прошлых времен.
Мир безвозвратно все забывает –
Кто, как и Кем был сотворен…

Великие войны прошедших веков
Легли на бумагу, как тень бытия.
Могучие воины мудрых отцов
Погибли в схватках, себя не щадя.

Мы же, забывшись
в заботах извечных,
Полны то радостей, то нытья…
Даже уколы несчастной колючки
Терпим, жалкие слезы давя.

Тот, кто к добру жадно руки не тянет,
В народе слывет порою глупцом.
Печально! К душе своей
счет не предъявят –
Бесценно ведь то,
что дано нам Творцом.

Проза

Адиз Кусаев

Из рассказов Адаша

Находчивость

Не знаю, кому и как, а мне нравится острый ум и рассудительность наших чеченских девушек. Не знаю, кого и как, а меня восхищает их находчивость и продуманность действий. Не знаю, кто и как, но я завидую белой завистью девушкам-чеченкам за свойственную только им смекалку и умение найти мудрый выход из любого, даже безвыходного, на первый взгляд, положения. Тонкий, убедительный, простой ум. Упорство, решимость, настойчивость их в достижении цели безграничны, фантазия – неиссякаема. Они непревзойденные мастерицы на всякие выдумки. Их действия вызывают восторг, особенно, если чеченские девушки влюблены по уши. Доказано же, что мужчины любят глазами, а женщины – ушами. В истории мы находим тьму примеров находчивости, сообразительности и мудрости чеченской девушки.

I

Юноша Ваха и девушка Яха давно любили друг друга так сильно, что каждая встреча у родника становилась для них незабываемым праздником. Да и как забудешь их, если они встречались каждый день? Дело дошло до такого предела, когда Яха отдала Вахе традиционный платочек в знак верности только ему одному и назначила день, когда она войдет в его дом невестой в белоснежном габали – свадебном платье.

Ваха-то с Яхой только и мечтали об этом, но отец и, особенно, братья Яхи, которых, как и положено в легенде, было ни много ни мало, а ровно семеро, не хотели иметь родства с Вахой: и беден он, мол, и род его незнатен, и гар – слабый, что девушку, не в пример им, мало заботило. Сказано ведь, что любовь слепа.

В назначенный день Яха с утра занималась разными домашними делами. Братья все разошлись по своим делам, а отец в прохладной комнате возлежал на паднаре – деревянном топчане, – неизменном атрибуте каждого чеченского дома в давние годы, в думах о разном. Он то забывался коротким сном, то просыпался от жужжания надоедливых бесстрашно-наглых мух. И матери не было – гостила у сестры в дальнем конце села. Одним словом, условия сложились идеальные для осуществления задуманного – побега из отчего дома.

«Хорошая у меня растет дочь, – размышлял отец, сквозь дремоту слыша шум, производимый ею, подметающей двор. – Умная, тихая, работящая, послушная. Ни шагу не сделает, не спросив решения у матери или у меня».

В ожидании назначенного времени Яха с особым усердием подметала и чистила двор, чтоб не вызвать никаких подозрений отца. И делала все, часто поглядывая на улицу, чтобы не упустить момента появления друзей любимого.

И они показались точно в условленное время, и один из них сделал знак – куда идти. При этом он не сказал ни слова, а только махнул рукой, убедившись, что улица пуста и что его никто не видит.

Девушка зашла к отцу и спросила с равнодушным видом и спокойным голосом:

– Дада, а что, если я самое неотложное дело сделаю в первую очередь?

– Будет очень даже хорошо. Делай, как считаешь нужным, – ответил отец, ничего не подозревая. – Только не очень шуми…

– Постараюсь совсем не шуметь, – заверила дочь отца, который тут же снова спокойно задремал в прохладе комнаты.

Проснувшись в очередной раз и удивившись странному затишью во дворе, отец вышел из комнаты и увидел, что двор пуст – ни души. Осмотрел все – дочери и след простыл. Отец понял, что дочь провела его вокруг пальца.

Вечером все братья собрались дома и, не увидев нигде сестру, спросили у отца:

– Что-то Яхи не видно. Где она?

– Замуж вышла, – спокойно сказал отец.

– Как, без нашего согласия? Как она посмела? – начали бесноваться братья. – Да мы немедленно разберемся с этим бедным, безродным Вахой! Он пожалеет о том, что вообще появился на свет Божий! И ее накажем за глупое своеволие!

– Остыньте и не шумите понапрасну, – остудил их горячие головы отец. – Никому ничего вы не сделаете. Во всем виноват я – ваш отец. Она ушла, испросив у меня разрешение, с моего согласия и одобрения. Ваша сестра оказалась умнее и хитрее нас всех, несмотря на свою молодость. Вот уж поистине правы мудрые люди, сказавшие когда-то: «Не всякий старец – мудр, не каждый юноша – глуп».

– Как же она перехитрила тебя?

– Очень просто. Убираясь во дворе, она вошла в комнату, где я подремывал, и спросила с невинным видом: «Дада, дада, а можно я самое неотложное дело сделаю в первую очередь?» Я же, не чувствуя никакого подвоха, ответил просто, что она умница и что она поступит правильно, сделав самое спешное первым. А что для девушки самое неотложное? Правильно, вовремя выйти замуж за любимого. Не будем теперь омрачать ее счастье, а лучше подождем сватов. Мое слово – твердое, мужское. И я только рад уму и находчивости своей дочери и верю, что они помогут ей в жизни…

– Так что же, выходит, неправы были наши предки, которые утверждали, что женский ум короче хвоста лягушки? – спросил старший сын.

– Выходит, что ошибались они, – ответил отец. – И наша дочь доказала это.

И были сваты. И была свадьба. И жили Ваха с Яхой долго в мире и согласии, воспитывая детей и внуков, доказывая, что счастье не в богатстве и не в знатности рода или гара человека, а в любви. Недаром же они носили такие жизнеутверждающие имена, которые есть только у чеченцев – Ваха и Яха…

II

Жили-были в одном горном селе Нохчиймохка, окруженном невысокими горами, парень с чудным именем База (Ель) и девушка с прелестным именем Петамат (Мак). Назвали их так за красоту и стать: Базу – по имени дерева, которое чеченцы извека почитают, как самое ценное и красивое среди всех других, Петамат – по имени цветка, который горцы издавна считают самым ярким украшением лугов и склонов гор. Были они молодыми, стройными, видными. И были они, как все молодые люди во все времена, влюбленым друг в друга так, что даже минутная разлука казалась им вечностью. Они любили друг друга так сильно, что не мыслили жизни врозь. Они так мечтали создать семью, что однажды при встрече у родника Петамат положила в дрожащую от радости и волнения руку Базы золотое колечко – подарок матери. В знак верности ему и согласия стать его женой.

После этого База не решался какое-то время подойти к отцу Петамат просить ее руки. Но раз зимним холодным вечером он преодолел-таки свое стеснение, пришел, для уверенности взяв с собой товарища, к отцу любимой и сказал робко:

– Отдайте за меня замуж свою дочь. Я ее люблю больше своей души, а она – меня.

– Хорошо, – согласился отец. – Так и быть, отдам за тебя дочь, обещаю при этом свидетеле, если ты выдержишь одно испытание – хочу проверить,

как сильно ты любишь мою дочь и насколько ты будешь верен ей после женитьбы.

– Что за испытание, которое я должен выдержать? – спросил База.

– Очень простое, – ответил отец девушки. – Ты должен сегодня провести эту холодную ночь в горах. Если ты утром вернешься живым, будет Петамат твоей.

– Хорошо, – сказал парень и, попрощавшись с товарищем, шагнул в наступившую рано холодную, темную ночь. Что не сделаешь ради любви и любимой? На конец света пойдешь, ярчайшую звезду с неба принесешь, огонь и воду пройдешь.

Утром замерзший и дрожащий от холода, но живой База предстал перед отцом любимой. Отец удивился его живучести и стал искать причину для отказа влюбленному – уж очень не хотелось ему отдавать за него дочь.

– Вот хорошо, что ты вернулся, – притворно радуясь, сказал отец девушки и на ходу придумал причину для отказа:

– А не видел ли ты какого-нибудь света?

– Видел я свет лампы, тускло горящей в окне одного из домов нашего села, – честно признался простодушный молодой человек.

– Этот свет согревал тебя всю ночь, потому ты и не замерз, – злорадно сказал отец его любимой. – Не выдержал ты испытания. Не видать тебе моей дочери. Прочь с глаз моих! – изгнал он со двора молодого человека.

И побрел База уныло домой, безжалостно обманутый в своих светлых чувствах и в вере в людей. Ушел, убитый несправедливым отказом отца любимой. Но не впал в отчаяние, а решил искать другие пути к счастью своему.

Узнав об отказе отца любимому стала искать свои пути и Петамат. И заработал ее острый женский ум. А наши горянки не только красивые, но и очень умные, смекалистые и изобретательные.

Вскоре к отцу девушки пришли гости из соседнего села. Отец дал распоряжение дочери быстро приготовить еду, и разлеглись они на паднарах, подоткнув под бока мягкие подушки, и затянули они тягучие, неторопливые чеченские разговоры, внимательно слушая друг друга. Они не виделись почти полгода – один был на заработках в городе на Сунже, другой – на отгонных пастбищах далеко в горах, третий – на пасеке в степях Притеречья. Впечатлений и новостей у каждого было много и приятелям было о чем говорить.

Так, в спокойных разговорах, проходит час, второй, третий… Гости уже выговорились, переговорили обо всем, а еды все нет и нет. Былая беседа по инерции продолжилась еще немного, гости уже стали поглядывать на часы, когда оскорбленный и разгневанный отец выскочил, извинившись перед гостями, вон из комнаты и набросился на дочь:

– Да заберет тебя Бог! Где твоя еда?

– Скоро будет, – невозмутимо ответила дочь. – Сейчас котел закипит…

– А где ты готовишь-то ее? Покажи-ка мне…

– Как мама готовит иногда, в нашей летней кухне за домом, – сказала Петамат.

Шагнул отец за дом, и увиденная картина бросила его в шок – он впервые видел такое: на ветке высокого дерева висела кастрюля с водой, а под ней на земле едва тлел огонь. Печь же была пуста и холодна. Изумленный и еще больше разгневанный отец снова набросился на дочь:

– Ты что, свихнулась совсем? Как может от этого огня согреться и вскипеть вода в кастрюле, подвешенной так высоко? Ты же опозоришь меня перед гостями, если они уйдут без угощения. А пересудов сколько будет о нашем негостеприимстве…

– Ва, дада, – сказала спокойно дочь. – Почему этот огонь не согреет и не вскипятит воду в этой кастрюле, если человека далеко в горах в зимнюю ночь согрел тусклый свет в окне одного из домов нашего села?

Отец был поражен и сражен умом, смекалкой и логикой дочери. Он понял свою неправоту и заверил дочь:

– Я плохо поступил с этим парнем. Обещаю отдать тебя замуж за избранника. Только не позорь меня перед гостями. Не могу же я отправить их голодными. Что они будут думать обо мне?..

– И не надо делать этого. Еда у меня давно готова – любимые тобой жижиг-галнаш с сушеным мясом и копчеными колбасками. Она стоит теплая на печке, и я ее мигом поставлю перед вами, – сказала Петамат и, светясь от радости и счастья, быстро и ловко накрыла обильный стол.

Отец и гости остались довольными едой.

Чего не сделаешь ради любви и любимого! И братьев ослушаешься. И отца перехитришь. И на край света пойдешь. И рай устроишь даже в шалаше. Главное – быть с любимым человеком…

2014г., 27-29 октября
Перевод с чеченского автора

Смерть на чужбине

Они, мои младшие братишки Султан и Эдди, умирали мучительно и долго. Они умирали вдали от родной земли, любви к которой не успели еще ни прочувствовать, ни узнать. Они умирали на чужбине, в далекой Киргизии, на самой окраине ее, маленькие «враги народа», сосланные туда на вечные времена, без права возвращения на родную землю. Наказанные двух и четырех лет от роду за преступления, о которых ни сном ни духом не ведали, и отлученные от родины, как тысячи и тысячи их сверстников разных национальностей.

Они умирали от голода, хотя на шестом году депортации и на пятом году после окончания войны недостаток в еде спецпереселенцы ощущали не так уж и остро. Правда, разнообразием она не отличалась в далеком киргизском селе в предгорьях Тань-Шаня. Основными продуктами выживания оставались черный хлеб и чай. О таких деликатесах, как масло, сыр, молоко, сметана, колбаса в те послевоенные трудные годы и представления не имели, потому что попросту не знали об их существовании.

Подтачивала моих младших братишек неизвестная нам болезнь, лечением которой не занимался никто – ни отец, который почти никогда не ласкал нас и мало интересовался нами, ни мать, тихая, неграмотная и безропотная женщина. Их так и не отвели в большую по тем послевоенным временам больницу, которая была в селе – в районном центре – и не показали врачам. Сделай родители это, может быть, мои братья, в восемь-десять лет покинувшие этот ложный иллюзорный мир, продолжали бы жить и сейчас на радость мне: была бы опора в жизни мне, оставшемуся на старости лет без дядей, родителей, братьев.

Они умирали от истощения – видимо, не могли кушать. Отчего? Почему? Никто не знал, и они сами не понимали. Когда их начинали кормить, они крепко сжимали зубы и губы и отворачивали голову. Когда им давали хлеб, сахар или яблоко, они держали их в руке, жалобно смотрели на них и беззвучно плакали – только слезы стекали на жесткую подушку. И слюни текли по уголкам рта, смешиваясь со слезами. Лежа на полу на жестких соломенных матрацах под одним ватным одеялом, они исхудали до того, что не могли уже ни двигаться, ни говорить, ни стонать.

Их мучительная смерть малюсенькая песчинка в барханах и дюнах смертей, множившихся в те страшные годы в подвалах и на секретных полигонах НКВД, спровоцированных голодом, холодом, болезнями в гулаговских лагерях и местах поселения раскулаченных и безвинно депортированных в необжитые края. Малюсенькая капля в тех бескрайних и бездонных морях преступлений «отца народов и великого вождя мирового пролетариата», который «в час лихой, закон презрев, мог на целые народы обрушить свой державный гнев». Незаметная пылинка в громадных и жутких холмах горя, сотворенного страной, о которой мы всегда гордо и заученно, но убежденно пели в детстве: «Мы

– держава мировая, всей земли одна шестая!» Страной, оказавшейся в конце концов жестокой мачехой для многих своих народов.

Только много лет спустя после похорон братьев на чужбине я, благодаря случаю, узнал примерно, что за болезнь свела их в праведный мир – в истинный мир. Я завел семью поздно; еще в детстве я был предоставлен самому – ни в школе, ни после никто мне не помогал, никто не наставлял, не подсказывал – до всего я старался дойти сам. И семью я решил заводить только после того, как встану на ноги и смогу обеспечить ее, не ожидая помощи ни от кого и ниоткуда. Да и не спешил никто мне оказывать ее. Поэтому я женился довольно поздно по чеченским меркам.

Первой у нас родилась дочь. Мы были на седьмом небе от радости и счастья и души не чаяли в ней. А друзья наши подшучивали над нами: «Ну, нянька у вас уже есть, теперь нужны ляльки».

Мы заботились о ней, как умели – молодые были, неопытные. Мы совершенно, как оказалось, не знали, как обращаться с малышами. Дышать на доченьку боялись – как бы чего не вышло. Даже в жаркий летний день, укладывая малышку спать в детской ванночке пластмассовой – коляска и кроватка были в те годы редкостью, тем более мы со своими зарплатами не могли себе позволить купить их. Закутывали ее в теплые вещи – боялись, что замерзнет. Тело бедняжки покрывалось от жары пупырышками. Мы поняли, что так делать нельзя. Это был первый урок для нас.

Боясь, как бы она не проголодалась, каждые пятнадцать-двадцать минут мать кормила ее грудью, едва она пискнет, хотя не всегда это происходило от голода. И малышка снова засыпала. Или инстинктивно отворачивала головку. И мать понимала, что она сыта, что так делать нельзя. Это был второй урок нашей родительской учебы.

Но ничему почти они, эти уроки, нас не научили. Это проявилось и тогда, когда мать, отнимая дочечку от груди, на нашу беду приучила ее пить сок из бутылочки с соской, как только она заплачет, даже ночью. Это изводило нас, но приходилось мириться – сами были виноваты. Тогда я понял впервые, как права пословица: маленькие дети спать не дают, большие дети жить не дают.

Так, совершая одну ошибку за другой, мы и растили свою ненаглядную «няньку».

О детских же болезнях мы не знали вообще ничего. После каждого ее чиха мы в панике просто спешили в поликлинику. Она была недалеко, в трех-четырех кварталах от нас, в десяти минутах пешего хода. Трамвая, чтобы проехать две остановки, приходилось ждать намного дольше. И благо, что были там очень умные, опытные, чуткие и терпеливые педиатры, хорошие знатоки детской психологии. Ведь это были годы, когда люди жили по принципу: все лучшее – детям. В то чудное время этот лозунг наполнялся делами…

Из-за своей неопытности в воспитании детей и абсолютного незнания болезней мы однажды едва не свели в могилу свою дочь. Было это на втором году жизни ее. Говорить она еще не умела, а первые шажки уже делала. Однажды ни с того ни с сего она вдруг перестала есть. Когда ее начинали кормить, она отворачивала головку. Когда ей в руки давали конфету, яблоко или еще что, она молча глядела на него, но не ела. И слюни текли. И тихо плакала. А мы никак не могли понять, в чем дело. И были в этот раз на удивление спокойными – не паниковали, как обычно, хотя малышка наша худела с каждым днем. Надеялись, что все пройдет само собой.

Продолжалось ее голодание около недели, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы мы однажды не поехали в далекое горное село на свадьбу – женился сын моей сестры, матери-героини.. Она, жительница небольшого села, почти хутора в несколько домов, оказалась намного опытнее нас в деле воспитания детей.

Вечером, когда веселая свадьба закончилась, когда люди разошлись, мы наконец-то остались в своем узком родственном кругу и сели, усталые, ужинать.

Сестра моя увидела, что наша доченька не притрагивается к еде, заметила слюни ее, голодный взгляд и грустные глаза в слезах и спросила:

– Что это с ней?

– Не знаю, – простодушно ответил я. – Она уже почти неделю ничего не ест.

– А вы рот ее осмотрели?

– Нет. А зачем?

– Да ведь она больна! Уже язык и небо разбиты. Ей больно. Поэтому она и не ест. Завтра – домой и сразу же к врачу. Или вы хотите убить ее?..

Я, запаниковав, всю ночь молил Всевышнего, чтобы с дочерью ничего худого не случилось ночью. Я еле дождался утра и первым же рейсом автобуса тронулся со своей маленькой семейкой в путь. Мне казалось, что с дочерью, спокойно спавшей на руках матери, вот-вот что-нибудь случится. Мне казалось, что автобус плетется медленнее черепахи по разбитым горным дорогам, то петляя по серпантину дороги вверх в гору, то шустро катя вниз по очередному склону. Мне казалось, что дорога никогда не кончится, что мы приедем в город слишком поздно…

Сразу же с дороги мы поспешили в поликлинику. Осмотрев малышку, педиатр сказала просто:

– У вашей дочери стоматит. Вы едва не запустили болезнь.

– А что это такое? – спросил я в тревоге. – Это не смертельно?

– Это воспаление полости рта, – сказала врач. – Что-нибудь грязное взяла в рот и вот – страшный результат. Взгляните сами. Видите – язык и небо кроваво-красные и покрылись маленькими волдырями. Еда вызывает боль, поэтому дети не едят и у них текут слюни.

– Она будет жить?

– Еще как! Болезнь легко излечима. Сейчас же купите мед и зеленку. И три раза в день давайте малышке по чайной ложке меду и смазывайте всю полость рта зеленкой. Так, сегодня – понедельник, ко мне придете в среду. И не переживайте так сильно – все будет хорошо…

И действительно, дочь выздоровела. В свое время пошла в детский сад. Окончила школу. Отучилась в университете. Жива она, на наше счастье, и сегодня и воспитывает уже своих детей. Но таких ошибок, какие делали мы, не совершает, потому что умнее нас.

При болезни дочери я неожиданно вспомнил своих братьев и, сопоставив их поведение и симптомы, с болью в сердце понял, от чего они умерли. Голод, сведший их в могилу, был, видимо, вызван стоматитом. Знай мы в те годы об этом, отведи мы их в поликлинику, может быть они бы жили до сих пор на зло власти, невинно осудившей их, как сотни тысяч других детей многих народов. Но я понял это слишком поздно, когда ничего уже нельзя было изменить и оставалось только верить мудрым людям, говорившим всегда в таких случаях: «На все воля Всемилостивого. На свете ни один волос не упадет без Его ведома. Значит, твоим братьям уже при рождении было определено умереть в раннем детстве – ангельском безгрешном возрасте».

…Мои младшие братья умерли в один день и в один час. И похоронены на чужбине в одной могиле, от которой не осталось, наверно, уже давно и следа. Прошло ведь уже более шестидесяти пяти лет со дня их смерти…

Я очень верю, что Всеслышащий поселит их в раю за страдания и муки, перенесенные ими в этом иллюзорном, несправедливом мире, и они забудут о пережитом в сказочных райских кущах. Они заслужили это.

2014 г., 1-13 октября
Перевод с чеченского автора

Дебют

Солтаматова Иман

Солматова Иман йина Соьлжа-г1алахь. 2011 шарахь чекхъяьккхина Соьлжа-Г1алин Мехкадаьттан институт. Кара рчу хенахь 1аш-ехаш ю Йоккхачу Атаг1ахь.

Нанна лерина

Нана, сан хьомсара Нана,
Хьо йоцург цхьа а дощ дац.
Хьан еха и дашо ч1аба –
Цул хаза х1умма хир дац?
Делахь а къежделла гиччош хьан,
Замано етта шен ног.
Сел каде хиллачу боларех,
Тера бац ахь луьйзу ког.
Ца моьттура суна бераллехь,
Г1еллур ду хьан цкъа а дог.
Сагатдеш, хийла ахь къийли и,
Баланаш лечкъабеш тхох.
Къинт1ера ялалахь, Нана
Дилха дог ас 1овжийнехь!
Йоллахьа, хьомсаре Нана,
Хьайн йо1,со, къовллий мара.

Б1аьстенан хьоза

1.

Юха а сан корехь дека и аз,
Б1аьстенан 1уьйренца
дог ловзадохуш.
Дека и д1аоьцуш г1айг1анийн барз,
Дуткъачу озаца 1ехаеш, хьоьстуш.

2.

Хьан озе ладоьг1ча, сан деган мерз
Ша сетташ, ийзало,
хуьлий тулг1енаш.
Цу хазчу хьан басе тоьхча ас б1аьрг,
Лепа хьо малха к1ел, серла а дуьйлуш.

3.

Х1инца-м хьо к1адъелла,
г1елделла аз а,
Б1аьргаш хьан т1еоьху,
набаран тар туьйсуш.
Кхана а ас лардийр ду бешара заз а,
Корах хьо къайлаха
гойла а хьоьжуш.

Жималла д1айоьду…

Жималла д1айоьду,
к1ес етташ, шийла,
Оьг1азе бер санна, дегабаам беш.
Йоьрзур яц юха и ас мара къийларх,
Йоьду и, сан шераш
х1иттадеш теш…..

Гочдар

Чехов Антон

Унтер Пришибеев

Дийцар

– Лахара эпсар Пришибеев! ХIокху сентябр беттан кхоалгIачу дийнахь ахь хьайн дашца а, леларца а сийсазбина: участкови инспектор Жигин а, юьртда Аляпов а, сержант Ефимов а, тешаш Иванов а, Гаврилова а, ткъа иштта кхин а ялх ахархо а. Лакхахь билгал бинчарах кхоъ, цара шайн гIуллакхаллин декхарш кхочушдечу хенахь, сийсазвина ахь. Хьуо бехке хиларна даре дой ахь?

Ши куьг дегIаца охьа а дохуьйтуш, хIора дош къастош, омра деш санна йишхаьллачу озаца вистхуьлу хебна, ира юьхь йолу, Пришибеев:

– Хьан сийлалла, господин маслаIатан кхиэлахо! Бакъдерг аьлча, законан массо а статьяца нийса а догIуш, муьлххачу а хиламан мах хадош, ерриге агIонаш тидаме иэца еза. Со вац бехкен, вуьйш берриш а бу бехкен.

Дерриге а, и декъала хиларг, дакъа бахьана долуш хилира. СхьавогIуш ву со сайн хIусамненаца Анфисица меллаша, оьзда. ДIахьаьжча, хийистехь гулделла адамаш ду-кх. ХIун бакъо йолуш гулбелла хIара нах? – хоьтту ас. – Стенна? Законехь аьлла ма дац, адамаш рема санна гулло, аьлла. Мохь туьйхи ас:

– ДIасадовла! И адамаш дIасатитта волавели со, шайн-шайн цIа гIо, бохуш. ХIокху сержанте а омра ди ас, лахка уьш йоIзара тIера лоьцуш, аьлла.

– Собар де. Хьо участкови инспектор а вац, юьртан тхьамда а вац. Хьан гIуллакх дуй, ткъа нах дIасалехка?

– Цуьнан гIуллакх дац! Дац! – камерин маьI-маьIIера аьзнаш схьахеза.

– Iойла яц тхан и бахьана долуш. Пхийтта шо ду цо тхо хьийзош долу.

– Эскарера и цIа веъчахьана. Кху юьртара довдучу хьолтIе даьхна. Массарна а бале ваьлла.

– Хьан сийлалла, цIена бакълоь хIорш. – тоьшалладо юьтдас. – Массеран а цIарах доьху оха. Цуьнца Iойла яц! Марха досту де хуьлда и, зуда ялийна меттиг я кхин хилам хилахь, массанхьа а мохь бетташ, шен къепе хIиттош лела. Берийн лергаш ийзадо. Марда ша волуш санна, къона зударий ларбеш лела. Дукха хан йоцуш нехан хIусамашка чу а оьхуш эшарш ма лекха, эрна цIераш ма летае, стогарш а ма дагаде бохуш. Эшарш лекха, аьлла, закон дац, боху.

– Собардел. ТIаьхьо кхин а тоьшалла дер ахь, – боху маслаIатан кхиэлахочо. – Пришибеевга ладугIур ду вай. Дийцал, Пришибеев.

– ЛадугIуш ву! – виехьаш санна доладо лахарчу эпсара. – Хьан сийлаллла, нах дIасалехкар сан гIуллакх дац боху ахь. Дика ду. Ткъа нагахь санна гIиттарш долалахь? Адамаш харцахьа лелийта мегар дуй? Муьлхачу законехь яздина ду, нахе шайна луъург леладайта аьлла? Сан бакъо яц и леладайта! Нагахь санна ас уьш совца ца бахь, царна гIуда ца тохахь, хьан дийр ду и? Кху юьртан бакъйолу

къепе муха хила еза хууш со цхьаъ бен адам дац. Оцу муьжгашца муха хила веза суна дика хаьа, хьан сийлалла. Со деригенах кхета. Со муьжги вац, со лахара эпсар, мукъаваьлла волу каптенармус ву.

Варшавехь гIуллакх дина а, штабехь хилла. Ткъа пенси ваханчул тIаьхьа цIе яйъархо вара, могашалла ледаруо хилар бахьанехь и болх битча, цул тIаьхьа шина шара буожарийн гимназехь, швейцаран декхарш кхочушдеш, неI ларъеш лаьттина со..... Массо а къепе евзаш ву. Ткъа муьжгичунна хIуммаъ ца хаьа. Цо соьга ладогIа деза, шена пайденна.. Схьалоцур, масала, хIара гIуллакх. Нах дIасалоьхкуш ву со. Ткъа гIамарлахь Iуьллуш и хи чуьра хьаладаькхина дакъа ду. Ас хоьтту: хIун бакъо йолуш Iуьллу кхузахь и. Къепе ю иза? Участкови мича хьоьжуш ву? Лакхарчу хьаькмашка дIа хIунда ца хаийтина ахь боху ас цуьнга. ХIара хичу ваханарг ша велла хила а мега. Ткъа цхьаммо дина зулам делахь, Сибреха ма яц генахь. Зулам дуй-техь хIара? Ткъа участкови Жигин шек а воцуш сигаьрка узуш ву.

«ХIара мичара ваьлла шуна? Кхо ца аьлча, хIун дан деза ца хууш ду вай?» – боху-кх.

Ца хуучух тера ду, Iовдал, хьуо ма-варре. Хаахьара иштта лаьттар варий хьо? Ша селханехь пурстоьпе хаам бина, боху. Пурстоьпе хIунда аьлла? Муьлхачу законаца догIу иза? Хичу бахнарш а, ирхъоллабелларш а нисбелча пустоьпо хIун дийр ду? Кхузахь суьдхошка а, талламхошка а хаийта деза. ХIара зуламе гIуллакх ду. Ткъа уггаре а хьалха ахь акт а хIоттийна маслаIатан кхиэлахочуьнга хаам бан беза, боху ас. Ткъа участкови воьлу-кх сох. Муьжгий а бу сох боьлуш. Берриш а боьлура сох, хьан сийлалла! Стенна гиежа хьо боху ас, Жигине. Цо боху: ХIара тайпа гIуллакхаш маслаIатан кхиэлахочо къастош дац. Оцу дешнаша сан дегIе дагар хьадий... Жигин, ахь иштта элирий?

– Элира.

– Шуна хезарий? Муха ахь? ХIокху муьжгашна хьалхахь? МаслаIатан кхиэлахочо кху тайпана гIуллакхаш къастош дац. Шуна хезарий? Муха, ахь, иштта? Сан дегIехь дагар хьаьдира. Со-м жимма вуьйхира. Юха алал, боху ас, хьо ишта-вуьштаниг. Цо юха а изза дешнаш эли. Со юха а тIевирзи цунна. Муха, боху ас, ала дели хьоьга маслаIатан кхиэлахочух ишттаниг? Хьо, полицин белхахо, Iедална дуьхьал ву? ХIан? Нагахь санна цуьнан сийлаллин маслаIатан кхиэлахочуна лаахь, цо хьан Iедална тешаме цахилар тидаме а эцна, хьо балхара вохаве аьлла дехар дийр ду. Я кхин а гена даьлча, хьан аполитичность бахьана долуш, кхин а гена хьо дIахьажо а тарло. Хаьий хьуна?

Ткъа юртдас боху-кх: «МаслаIатан кхиэлахочо шен дозанех дерг бен ца къастадо. Цо къастошдерш кIезг-мезга гIуллакхаш ду.»

Иштта эли-кх, массарна а хезаш. Муха, боху ас, мега хьуна Iедал сийсаздан? Соьца бегаш ма белахь, боху ас, дохковер ву хьо! Тохара, со Варшавехь волуш я божарийн гимназехь а сайна иштта хабар хезча, урамехь жандарм вуйла а хьожий, цуьнга ма-дарра дIадуьйцура ас. Ткъа кху юьртахь хьаьнга дуьйцур ду? Дог детIи сан хIара адамаш кхетамчуьра а девлла, шен лааме дирзина гича. ЧIогIа-м ца туьйхира ас, делахь а ласттийна муьшка туьйхи юьртдена. Цунна тIехIоьттинчу Жигинна а жимма кхийти. дIадоладели-кх Жимма ца тоьхча кхетащ бац, ца тоьхча ца йолу. Iовдалчунна ца тохар а къилахь ма ду къаьсттина юкъара низам а, къепе а талхош хилча муххалле а.

– Собар дел! Юкъара низам лардан нах болуш бу: участкови а, юьртан тхьамда а, сержант а.

– Участкови инспектор массанхьа а ца лараво. Я цунна дан дезарг хаа а ца хаьа!

– Кхиетахь! Хьан гІуллакх ма дац иза!

– Ха-а-н? Муха дац и сан гІуллакх? И ду хаза! Адамаш вуолелаш ду, сан гІуллакх дац тов! Ас хиесто-м ца беза уьш? Шайга эшарш ас ца лоькхуьйту бохуш хьоьга арздеш бу уьш. Оцу эшаршкахь диканиг хІун ду? Цхьа пайдехь болх барна меттанна цара йир етта. Ткъа хІинца долийна суьйренашкахь массо а охьабийшина набъян езачу хенахь, уьш хабарш дуьйцуш, буьйлуш Іаш бу. Сан дІаяздина ду ша дерриг а.

– ХІун ду хьан дІаяздина?

– ЦІераш ягош серлонгахь Іаш берш.

Пришибеевс шен киснара кехат схьадоккхий доьшу: « ЦІераш ягош Іаш болу ахархой: Прохоров Иван, Минифоров Савва, Петров Петр, Салчитух йисна йолу жеро Шустрова Кислов Семенца, къайлах мах а бина, Іаш ю, Сверчок Игнат бозбуунчаллаш лелош ву, цуьнан зуда Мавра гІам ду, хІора буса нехан хьелий узуш лелаш»...

– Тоьур ду! – кхечу тешашка хаттамашбан волало кхиэлахо.

Лахара эпсар Пришибеев куьзганаш хаьжтІе хьала а тоттий, цецволий хьоьжу маслаІатан кхиэлахочуьнга.Хиетарехь иза кхуьнан агІо лоцуш вац. Цуьнан къаьрзина бІаьргаш лиепаш ду, мара цІийбелла. МаслаІатхо стенна карзахваьлла а, маьІ-маьІера резабацарш а, белабаларш а хІунда хеза ца хууш, хоьжу и маслаІатан кхиэлахоьчуьнга а, тешашка а.

Цхьана баттана ша набахти чуволла, аьлла бинчу сацамах а ца кхиета иза. – ХІунда? – цецволий, куйгаш дІасадохуьйту цуо, – Муьлхачу законаца?

ТІаккха хаьа цунна, дуьне хийцаделлийла а, кху дуьненчохь ваха хала дуйла а. Сингаттаме, гІийла ойланаш хаьвза цуьнан коьртехь. Амма камери чуьра ша араваьлча, гулбелла. цхьацца дуьйцуш лаьтташ муьжгий гича, шена марзделла ма-хиллара,Іа ца луш,ши куьг дегІаца охьаа дохуьйтуш мохь туху цо:

– Ха-л-л къ дІасадовла! Ма гулло! ЦІа гІо! Шен-шен цІа гІо!

Гочдинарг Исмаилов Абу

Поэзия

Зелимхан Мусаев

Дух зажигает огонь изнутри…

***

Как глупо ждать чьего-то дозволения,
Когда на горизонте пляшет смерть,
Пренебрегать
возможностью мгновенья,
Надеясь на сансары круговерть.

***

Я соберу осознание листьями,
что выпали, выцвели на миражах –
легкой рукою намереньем выстрелив,
стану рекой в заколдованных снах.

Буду растить оперенье на скалах,
чтобы бесследно упасть с высоты –
там, где в конце ожидает начало,
пересекаются наши миры.

Желтыми красками станут ненужные
порции света небесных светил;
если стираются краски наружные –
Дух зажигает огонь изнутри.

Высшие почести важность утратили,
больше не будут преградой в пути.
Все, что в свободной
останется памяти –
жизни аккорды и смерти мотив.

***

Нас ждет впереди пропасть,
И страхом полны сердца.
Чтобы прервать монотонность,
Должны мы достичь конца.

За коим еще пара жизней –
За теми свободный полет,
Впитай осознания брызги,
Достигнув предела высот.

В пустом становись пустотою,
Наполнив тем самым себя,
Размой суету водою –
В зачатке нового дня…

***

В черной матерчатой комнате
спрятаны страхи мои –
в ней пребываю, как в омуте –
следы чтоб найти твои.
Видно, Крестовый поход
здесь результатов не дал –
тебя и Господень гроб
внутри этой тьмы не сыскал…

***

Чувствую присутствие сил
не враждебно, не мирно настроенных,
неизвестной природы-материи –
наблюдателями всюду –
подтверждают, что
и счастлив буду,
и наоборот…
В суетливой жизни
незаметно настигает
смерть.

***

Перекрестки крутых дорог,
Изменяясь, лежат у ног.
Как же был я вчера убог –
Полагая, что мир убог…

***

Искривляю себя изнутри –
все кругом изменяется тоже.
Поглощаю энергий шары,
или даже их тени, быть может…

Забываю ненужные сны,
открываю миров параллели,
вспоминаю враждебные рты,
что мое осознание ели.

Закрываюсь для прежних забот,
ускользая, смеюсь над собою.
Мне извне проектировал плот –
Тот, Кто видит, зачем я здесь вою.

Растекаются реки в руке,
ум за разум не нужен и вовсе –
я уже на другой стороне
откликаюсь на эхо, что после…

***

Когда приходит тишина,
я чувствую твое присутствие.
Светимость в сумраке видна
сквозь мироздания щели узкие.
С тобой приходит тишина…

***

Я для тебя – птица,
свободная от предрассудков.
Ты для меня – птица,
свободная от суеты.
Нам не дано разбиться
странным осенним утром,
нам не могло присниться
рождение красоты.

***

Ночь прокралась в дом, в суть вещей.
Я вижу сон –
в нем сильней играет страх перед пропастью.

Поворачиваю ключ, наблюдаю стаи туч
и смотрю в глаза своей монотонности.

Лай собаки вдалеке, дым костра доносит мне:
оставаться больше здесь нет возможности.

Собираю все, что есть. Завораживает песнь,
замедляющая пульс – жизни скорости.

Поворачиваю ключ, поворачиваюсь сам –
в бесконечность путь лежит мне предписанный.

Созерцаю глубину, выдвигаясь поутру –
и прощаюсь с бесполезными мыслями.

Проза

Вахид Итаев

Пелагея

Рассказ

Родственники – молодые люди – пригласили его в Москву в качестве третейского судьи. С кем-то там они столкнулись по бизнесу. В аэропорту «Внуково» Хасбулата встретил невзрачного вида молодой человек и привез на своем «Мерседесе» на Ленинский проспект и поселил в хорошо обставленной двухкомнатной квартире.

– Ваши (дядя), в холодильнике есть все. Я буду звонить. Бати приедет к Вам завтра или послезавтра, он еще в Пензе, – дал короткую информацию молодой человек, положил на стол пачку денег и ушел.

Он походил по квартире, постоял у окна, наблюдая поток машин, потом лег на кожаный диван и долго лежал, перелистывая то прошедшее, что было связано с Москвой. Когда-то учился в МГУ на философском, были друзья, и время было дружеское. И Москва была дружеская, всем мать. Потом, после распада СССР, многим стала «перемат», особенно чеченцам. Соткала для них две войны – конечно, с помощью самих некоторых архаровцев-чеченцев. Да, пятнадцать лет не был в Москве. Вспомнил Льва Назарова, однокурсника, с которым был очень дружен еще и потому, что дед его был из терских казаков, который обосновался в Москве со времен революции. Часто бывал на Тверской у них. И после окончания университета созванивались. Даже приезжал на свадьбу, когда Лева женился. И Лева приезжал в Грозный на его свадьбу. Но вот в Чечне началась черная буза – войны и прочее, и связь прервалась. Ему захотелось увидеть старого друга не откладывая. Он посмотрел на часы, было начало пятого. Он взял из холодильника гранатовый сок, выпил полстакана и вышел. Над Москвой плыли лохматые тучи, но в воздухе от дыхания машин дождя не чувствовалось.

Он поймал такси и поехал на Тверскую. Когда поднялся на лифте на четвертый этаж и позвонил, ему открыл парень в прическе индейца времен Колумба. Он поздоровался и спросил:

– Лев Степаныч дома?

Вместо ответа парень улыбнулся и сказал:

– А я Вас помню: я еще пацаном был, Вы к дяде Леве часто приходили. Мы тогда жили вот в соседней квартире, потом папа купил у дяди Левы эту квартиру, теперь мы в этой.

– Что, Лев Степаныч переехал? И куда, не знаешь? – спросил Хасбулат, не скрывая досады.

– Подождите, я позову папу.

Через минуту явился отец парня.

– А, Хасбулат, здравствуй, – приветливо улыбнулся мужчина. Хасбулат мало знал отца парня, только видел иногда, когда приходил сюда. Но в ответ улыбнулся, ответил на приветствие и спросил:

– У Вас нет, случаем, адреса или телефона Левы?

– Адреса нет, но телефон имеется, недавно созванивались. Ну что стоять за порогом, заходи.

Хасбулат вошел в прихожую. Подождал, пока не вернулся хозяин с номером телефона, аккуратно крупно записанном на листочке.

– Вот его телефон. Если зайдешь, будет чай и к чаю какой-нибудь зверь, – улыбнулся хозяин.

– Благодарю, – Хасбулат сделал паузу, глядя на хозяина.

– Михаил Алексеевич или просто Михаил, – пришел на помощь тот.

– Да-да, Михаил Алексеевич, благодарю Вас.

Он вышел, перешел на другую сторону улицы к потоку машин и, стоя на тротуаре, позвонил. Голос ответил не сразу, голос был далекий и силы воробья.

– Слушаю.

– Лева?

– Ну, Лева.

– Степаныч?

– Ну, Степаныч. А ты кто?

– Тот, кто может за одну ночь спилить главный Кавказский хребет.

– Хас, ты? – вскричал Назаров. – Ты где?

– Стою на Тверской, против театра требуховцев.

– Что? Какой театр требуховцев?

– Ну как его – МакдонАльдс или МакдОнальдс.

– Ха-ха-ха! Театр требуховцев! Ха-ха-ха!

Узнаю коней ретивых
По глубоким их таврам.
Узнаю парфян кичливых
По высоким клобуком.

– Говори адрес, – прокричал Хасбулат через шум машин.

– Стой на месте. Ни шагу с Тверской. Я сам еду, – прокричал в ответ Лева.

– Да над головой лохматые тучи – чингисхановская орда, дождь с минуты на минуту может хлынуть.

– Да зайди куда-нибудь, хоть в этот театр требуховцев, но ни шагу с Тверской.

Он прошел к Тверскому бульвару. И, пока тучи думали – лить или не лить воду, позвонил Лева.

– Ты где?

– Хожу по бульвару.

– Я тут, на углу, скорей поднимайся.

Хасбулат быстро пошел на зов. Перешел переход.

– А, молодец! – вскричал Лева, завидев Хасбулата. – И после двух холопских войн цел и невредим! И смотришься ядрено! Нет, нас, казаков, так просто не возьмешь, подавай нам хоть третью холопскую войну! – и Лева крепко обнял Хасбулата.

Своими словами и, главное, тоном Лева брал вину и на себя за все происходящее на Кавказе и сладко бальзамировал сердце Хасбулата.

– Подожди, доедем, разговор особый будет с тобой. Был жив и столько лет молчал. Я искал тебя. Искал.

– Не там искал, где я был.

– А где ты был?

– Сидел на дне Марианской впадины, спасаясь от двуногих пауков.

– Ха-ха-ха! Садись, садись.

– А твоя чухонка не развалится, когда я сяду? – оглядел маленькую иномарку Хасбулат.

– Садись смело, выдержит, самураи делали.

Назаров привез Хасбулата на Юго-Запад Москвы, подвез к высотке. Поднялись на двадцатый этаж.

Хасбулат долго ходил по просторной квартире, потом стоял у окна, пока Лева возился на кухне.

– Но почему ты так высоко поднялся, мог же купить и на нижних этажах? – вопросил громко Хасбулат.

Лева вышел к нему.

– Мог, конечно. Но, когда я осматривал этот район, там, между высотками, садилось пунцовое солнце. Меня эта картина очаровала. Я люблю солнце и люблю смотреть, когда оно уходит. Есть в этой картине что-то очень печальное и опасное. Ведь точно не знаешь, вернется светило или нет. Я подумал: с высоты эта загадочная картина будет смотреться очаровательней, и вот, купил повыше.

– А Ольга, видно, на работе. Виноват, что так поздно спросил про нее.

– Лучше б ты спросил про нее через неделю, – сказал Лева.

Хасбулат вопросительно поглядел на Леву.

– Ольга ушла от меня и замуж уже успела выйти за космонавта, – холодно пояснил Лева.

Хасбулат долго смотрел в глаза Левы.

– А как там Малика?

– И Малика ушла от меня. И, представь себе, тоже вышла… замуж за космонавта, – засмеялся Хасбулат.

– Да брось ты, какие космонавты в Грозном?

– Да сколько хочешь. Подожди, где у тебя ручка и бумага?

Хасбулат присел к журнальному столику, взял ручку и, что-то бубня себе под нос, сделал какие-то расчеты .

– Вот, – поднял он бумажку. – Шар земной – наш общий корабль – бежит по вселенной со скоростью тридцать километров в секунду и за сутки пробегает два миллиона пятьсот восемьдесят шесть тысяч километров. Пожалуйста, мы все космонавты, летаем по небу. А ты говоришь, что в Грозном нет космонавтов. Много космонавтов в Грозном. Ха-ха-ха! Свободны. Женихи России, – засмеялся Хасбулат и крепко обнял Леву. И уже вместе заразительно смеялись.

– Нет, прав был пророк Мухаммад, который говорил: “Если мне скажут, что человек изменился характером – не поверю. А если скажут, что одна гора ходила в гости к другой – поверю!” Каким ты был, таким и остался, и это хорошо, – говорил Лева. – Ха-ха-ха! Женихи. Вот мы за холостяков и выпьем. У меня шотландское виски. Ты ведь не бросил пить? А то, я слышал, в Чечне строго насчет Бахуса.

– Чечня там, мы здесь. Поговорим с Бахусом, чтобы не обидеть шотландцев.

– Ха-ха-ха! Отлично.

Само собой, ужин затянулся, всплывали воспоминания за воспоминаниями из протекших молодых лет. Да и Бахус шотландским виски бодрил беседу. Когда опомнились, уже была половина четвертого.

– Ого-го, мы объехали весь свет за одну ночь, пора почивать, – сказал Лева, взглянув на часы.

– Да, пора, – согласился Хасбулат.

Утром после кофе Лева предложил:

– Пойдем, посмотрим пространство, в котором обитает твой друг. Есть тут и небольшой парк.

Прогулке отдали полтора часа и на обратном пути сели на скамью у детской площадки.

От подъезда по прямой дорожке, бегущей к тротуару, шла высокая статная женщина. Хасбулат невольно залюбовался ею.

– Какая женщина! – кивнул он в ее сторону.

– Это соседка по площадке, – сказал Лева.

– Замужем?

– Нет, вдова. Муж погиб в Чечне.

– Вдова, вдова. Ты богат, имеешь такую соседку.

– Эта женщина сумасшедшая.

– Сумасшедшая? Как жаль.

– Но, может, и не сумасшедшая. Тетя Вера, это дежурная наша, говорит: «После гибели мужа ее словно подменили, она как будто возненавидела всех людей и весь белый свет. Раньше, до гибели мужа, была такая ласковая, интеллигентная. Теперь даже не здоровается. А посмотрит, у меня аж мурашки бегут по спине». Она немножко дружила с Ольгой. Но продолжалось это недолго, муж ее вскоре погиб, и она… ну, словом так, как говорит тетя Вера. Случайно встретишь, не говори ей ничего. От нее можно ждать любой бури.

Хасбулат слушал Леву и наблюдал за женщиной, которая, пройдя прямой дорожкой, повернула налево и шла вдоль улицы по тротуару.

– Видно, эта женщина не сумасшедшая, но просто, как сильная натура, очень обиделась на судьбу, – сказал Хасбулат.

– Может быть, – отозвался Лева.

– Но какая женщина, среди прочих прохожих смотрится, как «Мерседес» среди «Жигулей», если говорить рыночным языком,– вздохнул Хасбулат. – И как идет, точно затаптывает всех своих соперниц в пыль! Олень шагает по холмам. Так говоришь, при случайной встрече не говорить ей комплименты?

– Ни в коем случае. Встретишь, нагни голову и – мимо.

– Голову-то зачем втягивать в плечи?

– Ну, чтобы никак не заметила.

– Видно, эта львица напугала тебя, – и Хасбулат засмеялся.

Женщина скрылась за углом дома. Лева перевел разговор на другую тему. Но через пять минут шепотом сказал:

– Она возвращается, пойдем, пересядем на другую скамью.

Хасбулат удивился предложению, но ничего не сказал и поднялся. Они прошли к дальней скамье, стоящей спиной к тротуару, и сели и продолжили начатый разговор. Но минуты через две над ними раздался голос:

– О чем шепчетесь, кролики?

Оба вздрогнули, встали и обернулись. Над ними, грозно глядя на них черными очами, стояла роскошная Пелагея, рыжий сноп волос вился над головой и прикрывал плечи, руки были в карманах темного плаща.

– И кто дал тебе это имя – Лев? Ты же кролик, – бросила она Леве. – А это кто? – небрежно кивнула на Хасбулата.

– Это мой друг Джованни, он итальянец, – пролепетал Лева.

– А-а, Рим, Колизей. Глупый музей.

И, ничего больше не говоря, повернулась и пошла прочь.

А друзья, забыв себя и глядя ей вслед, простояли, пока Пелагея не скрылась в подъезде.

– Видишь, какой бурелом в ее голове, – сказал, выдохнув, Лева.

– Вижу, вижу, – отозвался Хасбулат.

– Но ты-то почему меня выдал за какого-то итальянца Джованни? – спросил Хасбулат.

– Да-да, я должен был сказать: знакомьтесь, Хасбулат, он чеченец. А у нее муж в Чечне убит. И от нее всего можно ожидать. Она после гибели мужа в какой-то, как тебе сказать, в ярости, что ли, на весь мир. Она переживает вдохновение ненависти, если можно так выразиться. Вот тебе случай. Однажды сижу у дежурной, тети Веры, лифт не работал, жду, не починят ли. Вдруг входит Пелагея с большой сумкой. «Не работает лифт?» – строго спрашивает. Поставила сумку. Постояла, походила. И обращается ко мне: «Сосед!» Я отозвался. «Идите сюда». Я вышел к ней. А она: «Берите сумку. Мне некогда тут стоять». Я хотел возразить, начал: «Но ведь подниматься на двадцатый этаж…» А она: «Какие «но», Вы мужчина или… – не договорила. – Вас женщина просит».

Что было делать, я поднял сумку, а она тяжеленная, будто кирпичами набита, аж позвоночник у меня захрустел. Эти женщины, если есть деньги, полмагазина в сумку пихают. И пошли – то есть, она пошла, а я волочился. Она впереди, со ступеньки на ступеньку легко и небрежно, точно молодой олень, а я тащусь. На каждой площадке остановится, обернется, смотрит на меня, грозно и презрительно спрашивает: «Тяжело, может, помочь?» Я отвечаю, что ничего, справлюсь, а самого уже пот прошиб, сердце неизвестно где, то ли ниже колен, то ли выше головы. Но где-то на седьмом этаже не выдержала моего пыхтенья. Дождалась, пока поднимусь на площадку, вырвала сумку и, презрительно кривя губы: «И кто тебе дал это имя – Лев? Ты же кролик». Я оскорбился и говорю: «Не тычьте мне!» А она: «Ха-ха-ха! Ты что, табор или ты один? Если ты табор, я буду говорить «Вы», а если ты один, то «ты»! Ты кролик!» – и пошла, размахивая сумкой, точно она была набита ватой. Я посидел на лестнице, отдохнул, дождался лифта, поднялся. И тут новый сюрприз от сумасшедшей Пелагеи.

Из лифта вошел в коридор, а Пелагея стоит у дверей своей квартиры, одна рука за спиной, второй опирается о косяк. Я достал ключи, открыл дверь, а она молчит, наблюдая за мной. Я хотел шмыгнуть в дверь, а она: «Стой! – задержала. – Ольга вернулась?» – спрашивает. Знает же, что не вернулась, но спрашивает. И, не дожидаясь ответа: «И не вернется». Я с дурна ума, как выражаются казаки, пошел на продолжение разговора, говорю: «У женщин свои истины, а у нас, у мужчин, свои». А она: «Ха-ха-ха! Знай, кролик, моя истина – широкий диван с могучим бронтозавром. А на истины, добытые плешивыми интеллигентами, которых бросают жены, я плевала со всех холмов и пригорков». И вдруг приставляет к моему виску пистолет (она, оказывается, держала его в руке, закинутой за спину) и густо шипит, точно десять кобр вместе: «Кролик, если хочешь жить, не пяль свои буркалы на меня, когда я иду, упирайся ими в землю. И вообще, отселяйся с этажа». Вот тебе и Пелагея.

– Ха-ха-ха! Молодец женщина! Ха-ха-ха!

– Смешно?

– Ха-ха-ха! Конечно, смешно. Ну, пойдем до хаты, спину уже ломит.

Они зашли в магазин за углом, кое-что купили и отправились домой. Поднимались на лифте молча.

Но наверху их ждал сюрприз. Когда они вошли в коридор, Пелагея стояла у открытой двери своей квартиры. Одна рука у нее была за спиной. Холодок пробежал по спине Левы. Он почувствовал, что предстоят неприятности. Быстро достал ключи, но не успел и подойти к двери своей квартиры.

– Этот кролик правду не скажет, ты говори – ты итальянец? Разве у итальянцев есть имя Хасбулат? – обратилась она к Хасбулату. Видимо, тетя Вера подсказала ей: с ней Лева знакомил Хасбулата.

– Я чеченец, сударыня.

– Ах, ты чеченец, убийца мужа моего, моего Ванюши, моего красавца, моего богатыря!

Все это Пелагея выговорила не криком, а сжатым голосом и величайшей ненавистью в глазах.

– Я Вашего мужа не убивал, – сказал Хасбулат.

– Какая разница, ты или вы, – и Пелагея мгновенно приставила пистолет к виску Хасбулата, – но ты умрешь, бандит.

– Смерть от руки такой богини, как Вы, счастливая и желанная смерть. Стреляйте! – сказал Хасбулат, и сказал это почти спокойным голосом, которому и сам удивился.

Глаза Пелагеи после слов Хасбулата вспыхнули новым блеском.

– Что ты сказал? Повтори свои слова, – приказала она.

– Смерть от руки такой богини, как Вы, счастливая и желанная смерть. Стреляйте! – повторил Хасбулат.

– Повтори! – снова приказала Пелагея, Хасбулат повторил. Пелагея резко отвела руку с пистолетом, быстро прошла в свою квартиру и захлопнула дверь.

– О боже! – прошептал Лева и сел на корточки, – сумасшедшая, – добавил он, сидя на корточках. А Хасбулат ходил по коридору и тихо смеялся.

Когда, наконец, вошли в квартиру, Лева бросился к холодильнику, достал бутылку минеральной и с горла выпил всю воду, потом сел за стол и сжал голову:

– Я же говорил тебе, сумасшедшая! Боже, что могла натворить.

Хасбулат тоже жадно выпил целую кружку воды из-под крана, постоял, улыбаясь, прошел в зал, сел в кресло, что-то долго думал, а потом сказал:

– Эта женщина, Лев Степаныч, любит тебя.

– Что?

– Говорю, эта женщина, буйная, фантастическая Пелагея, любит тебя.

– Ха-ха-ха! Глаза мои называет буркалами, меня кличет кроликом. Чуть не застрелила. Тебя, моего друга, тоже чуть не застрелила. Любит. Что-то я не слышал про такую любовь.

– Эх ты, философ, разве ты не знаешь, что у любви миллион ипостасей. Сумасшедшая, как ты выражаешься, Пелагея любит тебя. И вот диво: любит по-настоящему, как любили в прошедшие века. И это в наше время, о Боже, в наше время, в самом бесстыжем двадцать первом веке, когда любовь ничего не стоит. Фантастика. Но это одна сторона медали, а вот и вторая. И ты любишь Пелагею.

– Да ты что?! – почти вскричал Лева.

– Ой, не надо. Не бегай по сухому кустарнику абстракций. Пусть сердце говорит. А что говорит сердце, сам знаешь.

Лева махнул рукой, налил в рюмку, выпил и перевел разговор.

– А ты молодец. У виска пистолет, а ты: «Смерть от руки такой богини, как Вы, счастливая и желанная смерть. Стреляйте!» Какая выдержка! Какая находчивость!

– Клянусь, я не говорил этих слов, – сказал Хасбулат.

– Как не говорил? Мои же уши слышали.

– Я не говорил этих слов, клянусь тебе. Мне они в такой ситуации и в голову не пришли бы, – отрекся второй раз Хасбулат.

– Но кто тогда их говорил, если не ты?

– Не знаю, может, мой ангел-хранитель.

И, действительно, Хасбулат был убежден, что не говорил этих слов.

– Если слова эти говорил не ты, а твой ангел-хранитель, то он прекрасно разбирается в женском сердце. Какая женщина убьет мужчину, когда он называет ее богиней. Молодец твой ангел-хранитель.

– Но ты ушел в другую степь. Вернись. Итак, Пелагея любит тебя. И ты любишь Пелагею.

– Да с тобой невозможно говорить, – вскочил Лева, а потом застыл, оперся руками о край стола и заговорил. – Ну люблю, люблю, люблю. Да, фанатична, фантастична, но я люблю эту ее фанатичность и фантастичность.

– И плюс инфернальные изгибы, – съязвил Хасбулат.

– Хорошо. И инфернальные изгибы люблю, что дальше?

– Совет хочу дать.

– Дай. Кто же мне его даст, если не ты?

Лева сел и смотрел на Хасбулата, как пациент на врача.

– Пожалуйста. Если ты первым сдашься буре любви, приползешь к дверям Пелагеи и заплачешь: «Пелагеюшка, пусти, приласкай и обогрей. Чирик-чирик». Ну и прочие трали-вали. О, Пелагея пустит тебя. Ведь она ждет тебя. Ты заползешь к ней, но зато потом, всю оставшуюся жизнь, ты, как она говорит, будешь кроликом и подкаблучником. Никогда не будешь надкаблучником. А если ты выдержишь бурю любви и при ваших случайных встречах она будет

чувствовать, что сердце твое мушкетер, и что мысли твои, шагающие в твоем сердце, тоже мушкетеры, и что Пелагея для тебя бледная тень, проплывающая мимо, тогда – вот я уеду и эдак через две-три недели или месяц – поздно ночью раздастся в твою дверь звонок. Ты откроешь дверь и глазам своим не поверишь: на пороге будет стоять Пелагея – роскошная русская баба с распущенными волосами, прекрасная своей простотой и покорностью, и со слезами на глазах прошепчет: «Левушка, пойдем, перенесем мой диван к тебе».

Минуту смотрел Лева на Хасбулата, а потом:

– Зачем диван? Причем тут диван?

– Чудак, ведь Пелагея же будет сдаваться в плен. Значит, со своим барахлом.

Лева упал головой на стол и трясся в смехе:

– Ну дьявол, ну дьявол, – повторял он.

Уже поздно вечером шел между старинными друзьями спокойный разговор.

– Я, понятно, сидел там под бомбами двух войн, а ты что делал в эти годы?

– Жил, работал, писал. Между прочим, выпустил три книги. Пишу четвертую.

– И про что они?

– Последняя против самого дьявола.

– Как-как? О, это достойный противник. Настоящий мушкетер. Д`Артаньян.

– Шутишь?

– Не шучу, клянусь. Если хочешь получить от неба большую помощь, ставь большую цель. Давно сказано.

Лева поднялся, прошел в угол, где стоял телевизор и прочая техника века, повозился там. И скоро на экране появились картины.

– Вот против этой пошлости пишу. Опаснейшей пошлости. Человек, как это сказано, как это написано, как оно есть, начался со стыда. Со стыда! – повторил Лева. – Кто был человек до вспышки в нем стыда? Просто душа живая. Как лошадь, как корова, как овца. А когда в нем вспыхнул стыд, он оторвался от природы, совершил прыжок в небо навстречу Богу. В природе, как известно, нет нравственных категорий – стыда, совести и так далее. Но в человеке же они есть. Тогда откуда человек взял их? Ответ прост: от Бога. Нравственные категории – атрибуты Бога. Тот дух, который вдохнул Бог в Адама, и есть нравственные категории. И из всех нравственных категорий, как семя всех последующих категорий, в человеке вспыхнул стыд. Стыд родил человека, стыд – начало человека. А вот они хотят убить стыд в человеке, то есть, хотят превратить его снова в душу живую, то есть, опять в скотину, каким он был до вспышки в нем стыда. Я против этой бесовской компании и пишу. Если так продолжится – цивилизации капут.

– Да выключи, – сказал Хасбулат. – Давно известно, стыдно – человек, не стыдно – бес. А за цивилизацию не переживай. Этих цивилизаций во Вселенной тьма. Что Богу от жизни во Вселенной, от миллиардов живых планет? Да ничего! Не велика потеря. Просидев под бомбами двух войн в Чечне, я рассмотрел и древо жизни, и древо смерти. И понял Бога. Кстати, понял и дьявола. И успокоился. Да еще, когда я однажды лежал во дворе разбитого дома на койке и, закинув руки за голову, смотрел на луну, пришла и стала надо мной огромная, аж до луны, мысль и поведала великую тайну. Тут я вообще успокоился.

– Что это за мысль? – с любопытством спросил Лева.

– О, ее лучше держать на толстой цепи в сердце и не пущать никуда. Мысль эта, впрочем, старинная, держалась в тени или ее держали в тени. Дьявол и бесы не бросили ее еще на знамя толпы. Или берегут до времени большого зла. Но только воздвигнут ее на знамя толпы – о, вот тогда и потекут реки крови.

– Но что это за мысль?

– Подойди, скажу на ухо.

– Но никого же нет, кроме нас с тобой.

– Ты ошибаешься, вся Вселенная – ухо бесов и дьявола, – засмеялся Хасбулат.

Лева, улыбаясь, поднялся, подошел и наклонился к Хасбулату. Тот нашептал что-то.

– Да-да, мысль опасная. Если бесы и дьявол воздвигнут ее на знамя толпы, как ты говоришь, пойдет плясать губерния, то есть планета Земля.

– Не переживай. Мир таков, каким его хочет видеть Бог.

– Так что же, по-твоему, не биться за человека, за истину?

– Я этого не говорил. Бейся! Смело бейся. Надо же за что-то биться, пока в груди бьется сердце. Бейся, но не пытайся быть святее папы, как говорится. И помни слова: и волос не упадет с головы человека без воли Бога. Я понял Бога и понял дьявола.

– А человека понял? – задал вопрос Лева, как-то странно глядя на Хасбулата.

Хасбулат подумал, отпил из стакана и ответил:

– Человека не понял.

– Послушай, эта твоя банда… виноват, виноват, эти твои родственники, чьи разборки ты приехал разбирать, не могли бы тебе купить квартиру в Москве? Какую книгу мы написали бы! И навечно закрыли бы всю эту книжную шарашку. Никому в голову после нашей книги не пришло бы что-то еще писать.

Хасбулат долго смеялся. Он не раз думал эту мысль. Думал, мечтал, как ребенок, написать великую, величайшую книгу. А все книги, писанные до сей поры, чтобы само человечество повезло на Тихий океан и утопило в Марианской впадине. Но сказал он совсем другое:

– Я уже написал такую книгу и послал ее Архангелу Гавриилу. И отзыв его уже получил. Архангел Гавриил в восторге. И, если Творец миров одобрит, заверил, что напечатает ее золотыми буквами от востока до заката над планетой Земля. Скоро твоя мечта сбудется: повезет человечество свой хлам на Тихий океан и утопит в Марианской впадине. И начнем с чистого листа, то есть с моей книги.

Посмеялись. Посмеялись. Посмеялись.

– А банда квартиру мне не купит. А Архангел Гавриил может – в дальней галактике.

В это время зазвонил телефон Хасбулата. Он поговорил с кем-то.

– Завтра наша банда встречается с другой бандой, – сказал он, окончив разговор.

– Но ведь… – подыскивал слова Лева. – Все-таки и опасны же эти разборки, ведь бывают случаи, примеров тьма.

– В Будду не стреляют.

– Что? – не понял Лева.

– Завтра, после дела, я объясню тебе, почему не стреляют в Будду.

– Выиграй дело и купи квартиру в Москве.

– Дай бронетанковую дивизию, с ходу выиграю дело.

Разборки финансовые застопорились. Спор отложили на неопределенное время. Лев проводил Хасбулата домой и остался один со своей тайной любовью и печалью к Пелагее.

С того момента, как Назаров проводил Хасбулата и вернулся домой, на молекулярном уровне ходила в его теле лихорадка – любит, не любит буйная Пелагея его? Прав или не прав Хасбулат? Заслышав шум в коридоре, он подходил к двери, смотрел в глазок, хотя точно знал, что там нет Пелагеи. Та, приходя или уходя, так хлопала дверью, что двадцатый этаж дрожал, как осиновый лист на ветру.

Однажды позвонили в дверь, он подлетел, открыл. А это был сосед из другой квартиры, молодой человек лет тридцати.

– Лев Степаныч, соседка Ваша так хлопает дверью, что ребенок пугается. Можете ей сказать?

– Она и твоя соседка, сам и говори ей, – сказал он и захлопнул дверь. Потом снова открыл и дал совет:

– Напиши письмо в администрацию президента и пожалуйся на нее, – сосед дернул вверх плечами и ушел. – Болван, – бросил Лева дополнительно в адрес соседа. А потом и мысленно облепил его с ног до головы русским джентльменским матом. Прошел на кухню, налил водки, выпил, прошел в зал и упал в кресло.

– Нет, Хасбулат, ты не пророк, ты другой рок. Не любит меня Пелагея и не придет, не позвонит в дверь, – сказал он вслух и сидел в полудреме, ясно видя вокруг своего сердца космы печали. Кто-то позвонил в дверь. Он с усилием сбросил с себя облако дремоты и пошел к двери, думая, что это опять сосед, придумывая на ходу хлесткие слова , которыми окольцует его. Он резко, на всю распашку, открыл дверь и не поверил глазам своим, даже потер переносицу. Перед ним стояла Пелагея. Нет, не буйная Пелагея, не русская амазонка, пугающая фанатичностью и фантастичностью характера, а простая милая женщина, прекрасные черные глаза которой смотрели на него с просьбой, надеждой, любовью. Они смотрели друг на друга где-то девятьсот лет, если иметь ввиду время параллельных миров и глубин душ.

– Я же кролик, – сказал Лева, наконец.

– Нет, это я кролик, а ты Лев, – прошептала Пелагея, и две слезинки из ее глаз медленно докатились до ее губ. Она облизнула губы и повторила:

– Это я кролик, а ты Лев.

Под утро Пелагея сидела рядом с диваном на полу и плакала.

– Почему ты плачешь? – со страхом и удивлением в голосе спросил он.

– Глупый, как же мне не плакать, если я счастлива, – ответила Пелагея, всхлипывая. – Когда была несчастлива, никогда не плакала. А эти слезы я лью Богу, эти слезы – моя благодарность ему за счастье.

Через неделю зашел разговор:

– Пелагея, ты знаешь, что Хасбулат мне…

– Знаю, знаю, закадычный друг. Приедет, извинюсь перед ним, – с кухни, что-то жаря там, крикнула Пелагея.

– Да я не про это, и извиняться не надо, испортишь хорошую пьесу. Я про другое. Ведь Хасбулат один, жены нет. И годы уже не молодецкие. Дом разбит. Одним словом, дела у него одни овраги.

Пелагея вышла из кухни.

– Если ему там худо, пусть приезжает, у нас теперь две квартиры.

– Да не это, не это. Женить его надо, вот что.

– Женить, женить, женить, – повторяла Пелагея и, что-то думая свое, прошла в зал, держа вилку в руке, которую забыла положить, и села в кресло.

– Работает со мной одна оригинальная симпатичная женщина.

– Русская? – спросил Лева.

– Русская.

– На русской он не женится, – вздохнул Лева.

– Как не женится, русские разве хуже?

– Ах, причем тут это – лучше, хуже. Нюансов разных миллион. Тем более, туда, в эту кашу.

– Ох, Левочка, откуда я ему возьму не русскую?

– Тут я иногда, прогуливаясь по дальнему тротуару, встречаю двух женщин: одна пожилая, вторая молодая, примерно твоего возраста…

– А какой мой возраст? – лукаво блестя глазами, для шутки, прервала Пелагея.

– Тебе семнадцать лет, – серьезно ответил Лева.

– То-то, говори дальше.

– Молодая, милая, как ты, женщина, – улыбнулся Лева. – Думаю, что они оттуда, с Кавказа, хотя и на гречанок похожи. Как узнать, кто она и замужем ли? Если не замужем, Хасбулат атаковал бы. А я с фланга поддержал бы его.

– С двух флангов, ты с одного, я с другого.

– Да-да, с двух. Но как узнать?

– Ох, и делов тут на две спички. Прямо подойду и спрошу: скажи-ка, милая, какого роду-племени ты, откуда прилетела и куда летишь? Вот и все. Ой, там что-то горит у меня, – вскрикнула Пелагея и побежала на кухню.

Через день Пелагея так и сделала. И докладывала Леве:

– Эта милая женщина – чеченка. Не замужем. Муж погиб. С матерью приехали и живут у брата. Звать Амина.

Лева, выслушав Пелагею, в волнении вскочил с кресла и заходил по залу. А потом, торопясь, как в скорую, позвонил. И после приветствия и первой тарабарщины кричал в трубку.

– Хас, приезжай! Завтра. Ночью. Ну, словом, как можно быстрей. Лети! Лети! Лети! Да ничего худого у меня не случилось. Все нормально. Для тебя сюрприз грандиознее двугорбого Эльбруса. Клянусь тебе Москва-рекой и куда-то исчезнувшей речкой Яузой. Если с деньгами напряг, я возьму тебе билет. Спеши. Что? Кто не зовет? Эта твоя банда не зовет? Да оставь ее, тут совсем другое… Молодец!

И, отключившись, почему-то шепотом доложил Пелагее:

– Хасбулат прилетит завтра.

Ночью созвонились, Хасбулат доложил, что билет купил и к пяти часам завтра будет в Москве. «Меня не встречай, меня встретят и привезут», – добавил он.

На следующий день во Внуково его встретил тот самый невзрачного вида молодой человек, что и в первый раз, и привез его к дому Левы. Он отпустил молодого человека и позвонил.

– Ты прилетел? Где ты? – спросил Лева.

– Стою на Тверской, против театра требуховцев, – ответил Хасбулат.

– Почему там? – удивился Лева. – Тебя что, не подвезли? Надо было разрешить мне встретить тебя. Но ладно. Стой. Ни шагу с Тверской. Еду.

– Да шучу я, шучу, я тут внизу у твоего дома, – засмеялся Хасбулат.

– Ах ты, ну черт. Ни с места, я спускаюсь. Вместе поднимемся, – и Пелагее: – Хасбулат внизу, я сбегу вниз, а ты держи дверь настежь и сама стой в прихожей. Я побегу в магазин, а ему скажу, чтобы поднялся, дверь, дескать, открыта. Вот будет сюрприз. Ха-ха-ха!

Так все и сделал Лева. Когда сбежал вниз, когда обнялись:

– Я побегу в магазин, куплю боржоми, а ты поднимайся, двери там открыты, – сказал Лева.

Когда Хасбулат поднялся на этаж, подошел к распахнутой двери и увидел стоящую прямо против него лукаво улыбающуюся Пелагею, которой он сказал: «Смерть от руки такой богини, как Вы, счастливая и желанная смерть. Стреляйте!» – он не удивился, потому что ясно предвидел этот конец и предсказал его. Он стоял и улыбался.

– Хасбулат, входи, – пригласила Пелагея. А он все стоял и улыбался, чему-то радуясь, чем-то плененный, наверное, сюрпризами мировой судьбы. А впрочем, кто его знает...

Пелагея вышла в коридор, взяла сумку Хасбулата, занесла ее, помогла ему снять плащ, отнесла картуз на вешалку, чуть наклонилась к Хасбулату и прошептала:

– Помнишь пословицу: кто старое помянет, тому глаз вон.

– Если я помяну, можешь выдернуть мне и правую ногу плюс к глазу, – тоже шепотом ответил Хасбулат.

Когда Лев вернулся (дверь была открыта) и вошел в прихожую, он слышал разговор между Пелагеей и Хасбулатом, доносившийся из кухни.

– Если бы ты знал, какую невесту, какую женщину, какую раскрасавицу я нашла для тебя, ты не сидел бы, не пил бы спокойно чай, а побежал бы, – говорила Пелагея.

– А почему стоят высотки? Почему работает метро, двигаются машины, ходят люди и почему, наконец, застыв, не глазеет вся Москва, если объявилась такая женщина – жар-птица? – говорил Хасбулат.

– Да еще надо уметь оценить. Подожди, все это, что ты говоришь, скоро и случится. Он не верит, что я нашла для него раскрасавицу, – сказала Пелагея Леве, когда тот вошел на кухню.

– Как увидит, сразу поверит, – сказал Лева, выставляя на стол свои покупки. – Очередь была, поэтому задержался, – сказал он. А очереди не было, это он нарочно дал паузу Пелагее и Хасбулату, чтобы они, как это сказать, попривыкли психологически друг к другу.

После чаепития Пелагея при мужчинах позвонила Амине:

– Аминочка, это я, Пелагея, здравствуй. Сестреночка, выйди к магазину, я приеду туда через четверть часа. Соскучилась по тебе, моя лапочка. А вы идите туда сейчас, стойте или расхаживайте – отдала приказ Пелагея мужчинам.

– Но разве это так к спеху, – сказал Хасбулат.

– Ха-ха-ха! Ой, не могу слушать этих чудаков. Да твое сердце уже там. Донеси к нему свое тело.

Хасбулат засмеялся и встал.

– Идем, Лева, она права, твоя грозная и проницательная супруга.

Хасбулат и Лева, исполняя приказ Пелагеи, прохаживались по тротуару.

Вдруг Лева кивнул налево: Амина идет и Пелагея тоже, сойдутся на пересечении шаг в шаг. У женщин точный глазомер.

Да, шла женщина в сером плаще. Лицо из-за расстояния нельзя было еще разглядеть, но женщина была стройна, легка в походке. Пелагея и Амина, как и сказал Лева, шаг в шаг сошлись на пересечении тротуаров, несколько раз поцеловались, минуту журчали в разговоре и пошли к магазину. Проходя мимо, Пелагея даже не взглянула на Хасбулата и Леву. Чем удивила Леву больше, чем Хасбулата. Оба взглянули друг на друга и пожали плечами. А Лева спросил:

– Ну как?

«Воистину красавица, правду говорила Пелагея», – это пролетело по немому полю сознания, а вслух Хасбулат сказал:

– Женщина как женщина.

– Давай, давай, выпячивай грудь, это положено, – засмеялся Лева.

– Не спорю, футляр красивый, – немножко сдался Хасбулат.

– Выпячивай еще круче грудь.

– Чего ты требуешь?

– Я спрашиваю, столкнула она твое сердце в овраг или нет?

Пока Хасбулат заканчивал смех, Пелагея и Амина вернулись и остановились перед мужчинами.

– Амина, вот мой муж Лева, Лев Степаныч, а это Хасбулат, он сегодня прилетел из Грозного.

Амина по-чеченски спросила, что нового дома. Потом полчаса гуляли по тротуару. Проводили Амину и вернулись домой.

– Ну, что я говорила, красавица? – был первый вопрос Пелагеи Хасбулату.

– Красавица, подтверждаю всеми крыльями сердца, – сказал Хасбулат. – Но…

– Никаких «но»! Никаких «но»! Тебе Бог ее послал.

– А меня ей кто?

– Тоже Бог. Я ей сказала, что ты вдовец.

– Но я же не вдовец, просто от меня ушла жена.

– Ага, не вдовец. Давай разберемся. От тебя ушла… как ее имя?

– Малика.

– Итак, Малика ушла от тебя, она умерла для твоего сердца?

– Умерла.

– Значит, ты вдовец, и не спорь со мной. Вот Лева. Ольга ушла от него, она умерла для его сердца, и он в это время был вдовец. Этот вопрос решен. А теперь вы здесь, я на кухне, ужин надо готовить.

Через некоторое время из кухни вылетела песня:

Хасбулат удалой,
Бедна сакля твоя.
Но зато у тебя
Раскрасавица жена.

Хасбулат улыбался и качал головой.

– Хороший голос, – кивнул он в сторону кухни.

– В хоре поет, – сказал Лева.

На следующий день Хасбулату позвонили, звали третейским судьей на разборки.

– Может, и я поеду с тобой? – говорил Лева, вопросительно глядя на собирающегося Хасбулата. – Ведь всякое бывает.

– Совсем тебе не надо ехать. И никакой опасности для меня. Я же говорил тебе – в Будду не стреляют. Вот я в тот прилет ходил на разборки, что я там делал? Ничего. Сидел и иногда задавал вопросы той и другой стороне. Как Сократ. Ведь Сократ ни с кем не спорил, а только задавал вопросы спорящим. И спорящие сами или закапывали себя, или откапывали.

– Ну ладно, ладно, – не стал настаивать Лева. – Только скажи, эта банда… Виноват.

– Да, банда, продолжай, – засмеялся Хасбулат.

– Ну, эти твои родственники... Допустим, разборки прошли в их пользу, там на кону что-то приличное должно быть, раз тебя из Чечни в третейские судьи приглашают, квартиру они не купили бы тебе в Москве?

Хасбулат смеялся целую минуту.

– Друг мой, Лев Степаныч, – заговорил он, наконец, справляясь с последними клочками смеха, – у тебя и до сей поры, то есть и в сорок пять лет все еще застольная философия, а у жизни совсем другая философия. Банде никогда не придет в голову купить квартиру философу. Банда – люди той категории, которая не видит свое богатство, как бы велико оно ни было, а видит чужое и алчет его. Как говорит пословица: голодную душу не насытит и вся земля. Человек страшен не тогда, когда желудок его пуст, а тогда, когда душа его голодна. Ладно, я поехал, – сказал он, прикладывая зазвонивший телефон к уху. – Через пять минут, – сказал он в трубку. – А Пелагея пусть убедит Амину, что я Ахиллес благородный, – попросил он.

– В случае бузы не лезь в трубу, – напутствовал Хасбулата Лева.

Хасбулат вернулся очень поздно, за полночь. Разборки были долгие и занудные. Лева встретил его на площадке, провел в квартиру.

– Ну как, все нормально? – спросил Лева.

– Порядок, – сказал Хасбулат. – Закончили дело. Мне отстегнули двадцать пять тысяч баксов.

– Всего лишь, – разочарованно растянул Лева.

– Да ладно, на большее я и не рассчитывал. Пять тебе.

– Что ты, что ты! У меня есть, квартира тверская еще не дотаяла. Да я и работаю. И Пелагея тоже. А тебе дом там восстанавливать. Я и Пелагея решили все расходы на свадьбу взять на себя.

– На какую свадьбу?

– На твою и Амины, – проткнул воздух прямым жестом Лева.

– Ну, это же…

– Стой, не перебивай. Утром ты уйдешь погулять где-то часа на три. А когда ты вернешься, здесь будут Амина и Пелагея. Через короткие минуты Пелагея под благовидным предлогом улизнет во вторую квартиру. Ты и Амина останетесь нос к носу. Сначала вы будете говорить про погоду, потом о праздных московских воронах, о японских сыроежках и между разговором завязывать морской узел.

– Какой-такой морской узел? – полюбопытствовал Хасбулат.

– О, святая простота! – вскричал Лева. – Такой наивный вопрос не задают даже на безжизненной луне.

– А-а, понял, понял, – засмеялся Хасбулат. – А теперь я могу спать?

– Можешь. Только никаких сновидений, они вредны перед большой битвой.

Лева пожелал спокойной ночи и ушел. А Хасбулат уснул с улыбкой на губах.

Утро и день получились по программе Левы. Он уже бродил по Москве, доехал до Кремля, ходил по ГУМу, еле удерживая на ногах замученную товарной бездной душу. Вспомнил старого босого Сократа, который, бродя по афинскому базару, с грустью сказал: «Сколько есть в мире вещей, в которых я не нуждаюсь!» – «Сколько есть в ГУМе вещей, в которых я не нуждаюсь!» – подумал Хасбулат и покинул его.

Когда вернулся домой, точно, в зале в кресле сидела Амина и смотрела телевизор. А Пелагея вынесла ему выговор.

– Почему так долго? Почему на звонки не отвечаешь?

– Я не слышал, ей-Богу.

– Дай сюда свой телефон. Так в нем зарядки нет. Тут и не знаешь, что думать, когда не отвечает телефон, – вздохнула облегченно Пелагея. – А вот и Амина у меня, зашла в гости.

Хасбулат поздоровался с Аминой и хотел было пройти на кухню, но Пелагея остановила:

– Посиди в зале с Аминой, а я вернусь через пять минут.

И Пелагея вышла. Само собой, ни Пелагея, ни Лева не вернулись ни через пять минут, ни через пятьдесят, ни через два часа. Они сидели в другой квартире. Лева смотрел телевизор, а Пелагея на журнальном столике раскладывала карты и изредка вскрикивала: «Ага, попались рыбки в сети друг к дружке!»

– Что там? – спрашивал Лева.

– Нравятся друг другу. Его душа переехала в ее сердце, ее душа – в его сердце. Одна дорога на двоих, и долгая, – заключила Пелагея.

А в это время Хасбулат и Амина успели уже вычерпать Терек, потом Каспий, добрались аж до Волги. Но вычерпать Волгу не успели: Пелагея вернулась.

Душа Хасбулата была в смятении: Амина ему понравилась. Когда Пелагея вернулась, он встал и сказал:

– Пойду к Леве.

Но он не пошел к Леве, а спустился вниз и ходил вдоль детской площадки. Да и Пелагея поняла, когда заметила, что он надел туфли, что идет он не к Леве, а побежал вниз успокаивать разбежавшееся под косогор любви сердце. А потому подошла к окну и стояла, пока Хасбулат не вышел из подъезда. И дальше стояла, наблюдая его хождения у детской площадки. А потом подозвала к окну Амину:

– Иди, посмотри. Видишь, у детской площадки Хасбулат в волнении ходит маятником туда-сюда? Это он тебя переваривает. Влюбился по уши. Ты ему проткнула сердце. Это уже, извини за грубый реализм, твой шашлык. Никуда не денется. Знаю я их, горе-богатырей. Пузырятся, грудь колесом, мушкетеры, а в колыбели женского сердца беспомощны, как слепые котята. Нравится тебе Хасбулат? – спросила Пелагея, обнимая Амину за плечи. Амина густо покраснела.

– А Москву придется покинуть, – тихо проговорила она.

– А что в этой Москве? Ну я – и все! – рассмеялась Пелагея. И запела:

Хасбулат удалой,
Бедна сакля твоя.
Но зато у тебя
Раскрасавица жена.

– Но я же еще не жена ему, – сказала Амина.

– Ха-ха-ха! Это уже решено там, – показала на небо Пелагея. – Не обижай его, у него сердце грустное. И голова… – не договорила Пелагея.

И закружилось. Никто не хотел ждать. Да и мировая судьба сказала: чего ждать? Все ясно. Торопитесь. Жизнь человеческая короче Млечного пути.

Теперь нужно было переговорить с Асхабом, братом Амины, таков был этикет.

– Я пойду к нему, – вызвалась Пелагея.

– А не лучше, чтобы пошли мужчины, – сказал Лева.

– Мужчины? Потом, пожалуйста, но сначала я, – отрезала Пелагея. – И не противься, Лева.

Вечером, позвонив и предупредив Амину, Пелагея отправилась к ним.

– Мама отдыхает, у нее поднялось давление, а Асхаб в своей комнате, – сказала Амина.

– А я как раз к нему, – сказала Пелагея, снимая плащ и поправляя, глядя в зеркало, волосы. – В какой он комнате?

Амина показала на дверь и хотела предупредить брата.

– Не надо, я постучусь, я хочу явиться неожиданно.

Пелагея постучалась и на голос вошла. Асхаб вскочил с дивана и застыл. А Пелагея, не здороваясь, остановилась у стола и сразу объявила:

– Я подруга Амины. Я по делу. А дело вот такое. Амину полюбил один прекрасный человек, друг моего мужа, Хасбулат Дикаев. Повторяю: он прекрасный человек, умный, образованный, с мужем моим они друзья с юности. Вместе учились в МГУ. Я даю честное небесное слово (она так и сказала – небесное) – Амина будет счастлива с Хасбулатом. Я и все остальные просим твое согласие на их брак. Ты даешь согласие?

Асхаб ничего не понимал. Нет, понимал, о чем речь и что требуется от него. Но не понимал эту бурю, это грозное явление роскошной женщины. Эти пылающие черные глаза под разлетающимися золотистыми бровями; золотой сноп волос, венчающий голову и плечи; это прекрасной формы женское тело; этот голос – сила голоса. У него было такое ощущение, что какая-то могучая сила взяла его с тихой солнечной поляны и швырнула в морскую бурю, отняла мысль и волю и грозится утопить в пучине морской, если он что-то, чего требуют от него, не сделает. Он все стоял, молча, в стойке смирно и смотрел на Пелагею.

– Да ты не стой, садись, – почти приказала ему Пелагея. Асхаб сел, но тут же встал. А Пелагея вдруг захохотала, как-то сбоку увидев себя, свою мощь и среднего роста Асхаба.

– Ты даешь согласие на брак Амины и Хасбулата? Почему ты молчишь, отвечай? – смесью ласкового и грозного голоса спросила она.

– Что? – наконец, тихо отозвался Асхаб.

– Я, Пелагея Назарова, спрашиваю тебя, ты даешь согласие на брак твоей сестры Амины с Хасбулатом Дикаевым, другом моего мужа Льва Степановича Назарова? Отвечай положительно. Положительно отвечай.

– Даю… даю согласие, – ответил Асхаб, в сущности, не понимая до конца, о чем речь. И сильно потер ладонями лицо, очевидно, еще надеясь, что это не женщина, а видение.

– Спасибо, – сказала Пелагея и шумно вздохнула, очевидно, буйная речь далась и ей не легко. Потом подошла к Асхабу, сжала ладонями его голову, поцеловала в лоб и вышла, оставив гадать того, что это было? В коридоре она обняла Амину и шепотом на ухо: «Дал согласие. Он и ахнуть не успел, как на него медведь насел, то есть я, медведица. Ну, прощай, моя лапочка. Пойду докладывать результат похода».

Колесо судьбы катилось дальше. Родственники Хасбулата, чьи разборки он разбирал в Москве, отправились к Асхабу, тот подтвердил данное Пелагее согласие. На следующий день (это была воля родственников Хазбулата) Амину повезли на Ленинский проспект в их квартиру. Туда был привезен мулла Ризван с двумя помощниками. Хасбулат и Амина стояли у косяка двери. Мулла Ризван поочередно задал им вопросы – согласен ли Хасбулат взять в жены Амину, дочь такого-то… и согласна ли Амина быть женой Хасбулата, сына такого-то. Получив утвердительные ответы, мулла Ризван долго читал аяты из Корана. Потом прочитал Мовлид. И само собой, приступили к трапезе. Стол был не беден. Царство стола венчал огромный индюк, лежа навзничь, задрав свои толстые, как бутылки шампанского, ноги, и как будто говорил: «Жрите, гады, меня, а в той жизни, когда мы поменяемся телами, я буду жрать вас».

Но мулла Ризван, плотный мужчина средних лет, широкоплечий, с бычьей шеей (очевидно, в молодости был штангистом), круглое свежее лицо которого было окантовано короткой смольной бородой, не интересовался муками и философией индюка. Да и муллой мулла стал совсем недавно. Был бизнесменом, но прогорел несколько раз. Не пошел бизнес. Переквалифицировался.

Мулла придвинулся к столу, оглядел разную мелочь на столе – котлеты, куски мяса и так далее. Мощными пальцами взял индюка за ногу, дважды крутанул ее и без всякого усилия, как морковь из влажной почвы, извлек. И, уже не глядя ни на кого и ни на что, лишь изредка бросая взгляд на вторую ногу индюка, растерзал и отправил в желудок все, что было на кости. Со второй ногой индюка мулла поступил не более любезно, чем с первой. И потянулся, было, уже к груди индюка, намереваясь своими мощными пальцами раздавить ее, как плетенку. Но вдруг остановил руку, вспомнив, что зван нынче еще на одно подобное событие в другое место – сплести две судьбы в одну. Крылом сознания подумал: «Ведь у тех тоже будет стол, а посреди стола – атаман-индюк, а у индюка обязательно две ноги. А там посмотрим, кто кого». Мулла запил две ноги индюка четырьмя стаканами зеленого чая, одним стаканом боржоми, отказался от торта, заявив: «Не пользуюсь, детские шалости». Поблагодарил Аллаха за трапезу, пожелал молодым счастья на три квартала, поднялся и двинулся к выходу.

Два помощника муллы Ризвана, два его мюрида, тоже с виду разбойники по части мясоедства, были разочарованы поведением своего мюршида. Ведь они за столом из уважения к нему тормозили свои аппетиты, не налегали, собираясь полномасштабно атаковать стол после того, когда их мюршид отодвинется от стола и заведет поучительные речи. Но что делать, в одной и той же ситуации не всем одинаково везет. Мюриды вынуждены были последовать за своим мюршидом, то есть муллой Ризваном.

Пришел следующий день. Амина была у своих, готовилась к отъезду. Хасбулат сидел в зале, в кресле, сначала читал, потом задремал. Вдруг кто-то потряс его за плечо, он очнулся, посмотрел. Над ним стоял Лева. Тот делал знаки, чтобы он поднялся.

– Пойдем, послушаем шекспировскую пьесу, – шептал Лева.

Хасбулат, любопытствуя, послушно поднялся и последовал за Левой. Прошли в квартиру Пелагеи.

– Тсс, – приложил палец к губам Лева. Был слышен голос Пелагеи, она с кем-то громко говорила по телефону. Но Лева повел Хасбулата не к Пелагее, а на кухню и, сдерживая смех, показал рукой. Хасбулат увидел на холодильнике две

фотографии – Ольги и Пелагеи. Фотографии были расположены друг против друга. Ольга смотрела с фотографии серьезно, сжав губы и склонив голову на бок. А Пелагея, широко раскрыв глаза и высунув язык. Одним словом, Пелагея показывала язык Ольге. Хасбулат и удивился, и в груди у него вспыхнул зов на смех. Но он удержался и посмотрел на Леву. Тот опять приложил палец к губам и шепотом сказал:

– А теперь подойди к двери и послушай. Пелагея разговаривает по телефону с Ольгой. Поставила на громкую обратную связь, это пьеса для меня.

– Подслушивать? – в голосе Хасбулата был протестный тон.

– Да оставь эти этические нежности, это же Шекспир. – Хасбулат подчинился.

Из-за двери несся интересный диалог:

Пелагея:

– Ха-ха-ха! Хотела бы вернуться к Левочке. Полетала с космонавтом, а теперь в старое теплое гнездышко. Губа не дура у кривоногой.

Ольга:

– Это я кривоногая? Да стройнее моих ног нет во всей Москве!

Пелагея:

– Ха-ха! Скажи, на берегах Москва-реки нет коряги кривее твоих ног. Левочка каждый вечер глубоко вздыхает и говорит: «Господи, прости меня, что я столько лет жил с этой кривоногой, сухой корягой!»

Длилась продолжительная пауза. Потом Ольга вскрикивает:

– Врешь, слониха, он не мог так говорить, позови его.

Пелагея:

– А чего его звать, он тут и брезгливо морщится от твоего скрипучего, как старая арба, голоса.

Ольга:

– Врешь!

Пелагея:

– Ой, космонавтка, Эллочка-людоедка, у тебя нет других слов. Все долдонишь и долдонишь: врешь, врешь. Говорят, твой миленочек-космонавт залез в барокамеру, готовится лететь на Марс. Представляю картину: миленочек сидит в барокамере, а ты сидишь снаружи и дух его, так сказать, поддерживаешь. Ха-ха-ха! Будущая вдова марсианина.

Ольга:

– У-у-у, знаю слово, но не скажу.

Пелагея:

– А ты скажи, гусыня.

Ольга:

– Это я гусыня? Скорее, я куропатка, а ты гусыня.

Пелагея:

– Нет, ты гусыня. Помню, как ты надевала свое это гадкое трикотажное платье. А я Венера. А когда иногда мы вместе выходили на прогулку – ха-ха! Какой это был смех. Ты, кривоногая мелкота, рядом со мной, Венерой. Семенишь, царапаешься по тротуару рядом со мной и раболепно снизу вверх заглядываешь мне в глаза, благодаришь, что я позволила тебе царапаться рядом со мной по тротуару.

В трубке что-то булькнуло.

Пелагея:

– Ах, это ты за Левочку. Не плачь. У него все о кей. Он спит. Ой, как бы ты ему не приснилась, уродина кривоногая.

Ольга:

– Не будешь ты хозяйкой в квартире, где я была хозяйкой.

Пелагея:

– Га-га-га-га-га-га! Приходи, гусыня, прогони меня. С двадцатого этажа полетишь...

Голос Ольги замолчал, видно, она бежала с поля боя, понеся жестокие потери. Хасбулат развел руки и держал смех, пока не вернулся в другую квартиру. А потом смеялся, сидя в кресле, четверть часа.

– Неисповедимы закоулки женского сердца, – повторял он.

– Вот такая тайна моя Пелагея, – сказал Лева.

Глубокой ночью был разговор между Пелагеей и Львом:

– Лева, ты не спишь? – тронула Пелагея Леву за плечо.

– Не сплю.

– Скажи, почему люди воюют?

– Правду говорить или покружиться вокруг да около?

– Правду.

– Все из-за вас, из-за женщин. Не рожаете нормальных мужиков, а все одних шизофреников. Ева, наша прародительница, родила шизофреника Каина, а он убил своего брата Авеля. И поплыли братья по кровавой реке. И все плывут и плывут. И долго еще будут плыть.

– Ведь ты, Лева, ругая Еву, ругаешь и меня, – вздохнула Пелагея.

– Нет-нет. Ты из другого потока. У Адама была еще одна жена, и имя ее было Пелагея.

Пелагея спрятала голову под подушку и тряслась в смехе, тряся и весь диван.

– После жизни на этой планете попрошу у Бога в другой галактике одну планету с пятью лунами вокруг и молниеносный корабль.

– Один будешь жить?

– Нет, и тебя возьму. Одну тебя. Пусть в очередь ко мне выстроится миллиард женщин, а я возьму только тебя.

И женщина, которая только что тряслась в смехе, спрятав голову под подушку, заплакала.

– Пелагея, что с тобой? – тревожно спросил Лева.

– Левочка, как ты не понимаешь, счастье требует слез, как и печаль.

– Ладно, успокойся и не мешай мне думать. Я тут решаю одну проблему.

– Какую?

– Надо в Кубинке заказать военный истребитель.

– Это для чего? – удивилась Пелагея.

– Хасбулат загорелся идеей, он хочет полететь домой с Аминой на истребителе и катапультироваться над Тереком.

– Что?! Амину не дам, – поднялась на локоть Пелагея. И вдруг, поняв, что это шутка, захохотала. Насмеявшись, вздохнула и сказала:

– Как вы похожи друг на друга, Хасбулат и ты, вы любите юмор, а юмор целебен.

– Мы же близкие родственники, – сказал Лева.

– Правда?

– Правда.

– Истинная правда?

– Истинная. Ведь прародители наши – Адам и Ева.

Тут Пелагее ничего не оставалось, как закутать голову Левы в одеяло и еще раз посмеяться.

Через два дня Лева и Пелагея провожали Хасбулата и Амину. Москва соткала для себя серебряные дни сентября, была жива, роскошна и бурлива. Ехали во Внуково. Когда шли на посадку, Пелагея полушутя, полусерьезно говорила Хасбулату:

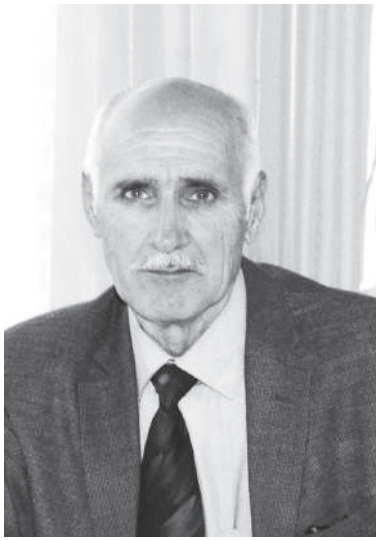
– Хасбулат, не обижай мою сестренку. Ведь в Тереке еще много воды. Бойся.

– Боюсь, боюсь, не буду обижать, – улыбался в ответ Хасбулат.

24 марта 2015 г. г. Грозный

Поэзи

Сейлмуханов Муса



Безаман дитташ

1аламе б1аьрг тухуш, со новкъа волу,
Лоьху ас бацалахь лар яйна тача.
Дог а сан деттало, ша карзах долий, –
Безаман дитташ т1е сихло со кхача.

Генара суна го уьш мохо лестош,
Замано нилхдина, тишделла генаш.
Мерзачу ойлано уьш доггах хьоьсту,
Лехьоеш 1индаг1ехь левзина хенаш.

Дас доьг1на кхиийна безаман дитташ,
Лаьтта уьш тийналлехь,
дог 1овжош, г1ийла.
Шаьш хьоьгуш,
1индаг1ийн марзо схьаетташ,
Шун х1онехь ойланца
да лаьттий хийла…

Шийлачу гуьйрено
шен мохехь хьийзош,
Кхоьхьу д1а геналле, мажделла г1аш.
Уьш леца г1ерта со,
цхьажимма ловза,
Ву моьттий суо х1инцаъ
жималлин хьаша.

1аламе б1аьрг тухуш, со новкъа волу,
Лоьху ас бацалахь лар яйна тача.
Дог а сан деттало, ша карзах долий, –
Безаман дитташ т1е сихло со кхача.

Д1аяхна беральа вуьтуш со генахь,
Ницкъ бац-кха и шераш
юхнехьа литта.
Го суна вижанчохь мерзачу г1енах,
Дас доьг1на,
кхиийна безаман дитташ.

Хьан деган йовхонехь

Жимчохь ас ца юьтуш
набарна тхьовса,
Яьккхина нана ахь, со ларвеш хан.
Хьайн синна там ца беш,
ца бузош кийра,
Шерашкахь хьисти ахь мерза наб сан.

Хийцалуш уьду къежъелла хенаш,
Еса ю хьо йоцу дахаран ана.
Хьан деган йовхонехь левзина денош,
Ма ирсе хилла уьш, ма ирсе, Нана!

Хьоьга ас елхийча бух боцу ойла,
Хьан дашах там хуьлий,
хазлора кхане.
Хьоьга ас елхийча ял йоцу г1айг1а,
Хьо орцах йолура даима, Нана.

Ца юьтуш парг1ат
хьо набарна тхьовса,
Хийла ас яйина Нана, хьан хан.
Яцара сийсара, хир яц хьо тховса –
Йог1ур яц кхин цкъа а,
дог хьаста сан.

Да кхалхар

Да воцу доьзал бу,
нур дайна б1аьргаш,
Дахарехь совюьйлу
халонийн мархаш.
Бохаман деза дукъ доьзалца ловш,
Узарш деш лаьтташ ду
диллинчохь ков…

Да кхалхар ца лалуш, малх бузу д1а,
Ойланехь беттаса а буса доьлхуш 1а.
Стигланан 1аршехь дог
дохдеш, къедда,
Доьзална кхин гур бац
ден седа кхетта.

Х1усамехь шийла бу да воцу мотт а.
Дуьне а хетало г1айг1ане готта.
Да вара бакъонан, нийсонан терза –
Собаре и вара, дика-вуо дерзо.

Ч1аг1онан керт яра доьзална гонах,
И ларбан йоьттина хиндолчу вонах.
Хиларх некъ шога а, дахар а хала –
Ден дара хьекъал а, х1оранна дала!

Да воцу доьзал бу –
нур дайна б1аьргаш,
Де-дийно совюьйлу
халонийн мархаш.
Къух даьлла хьулбаларх
кешнашкахь барз –
Ден сирла васт хир ду доьзалца 1аш.

Дахар хестош дека иллеш

Далла хастам хуьлда, бераш,
Д1аяларна хала хан!..
Кхин дац хезаш къиза, дера
Лелха х1оьънаш, бомбанаш.

Х1ун дара и, вайна гинарг? –
Боьлху наной, баланаш…
Хала лайра махкахь динарг:
Аьтта ярташ, г1аланаш…

Цу къизаллин 1азап лайна,
Халонех чекх девли вай.
Х1инца-м, берийн эшарш, иллеш
Дахар хестош декаш дай!

Денна, денна хазлуш лаьтта,
К1отарш, шахьарш, майданаш.
Хьовсал д1аса-массо меттехь,
Дахар тодеш адамаш!

Ю вай къоман ирсан къайле –
Хаа лаахь, бераш, аш,
Жимчохь дуьйна 1амаделаш
Нохчийн оьзда г1иллакхаш.

Дахар хаздан дац-кха атта,
Машар ч1аг1беш, кхиалаш.
Ненан маттах марзо оьцуш,
Деша, даха 1амалаш.

Даймохк цхьаъ бу – вайн Нохчийчоь!
Кхин вайн боций хаалаш.
Дика а, вуо а цуьнца цхьана,
Доькъуш, бертахь дахалаш!

Стоьмийн бешахь

Жимчохь дуьйна дагна хьоме,
Хилла лаьтта стоьмийн беш.
Цхьанхьа хир бац хаза, чоме
Мерза стоьмаш, кхузахь бен.

Б1аьрса хьоьстуш техка д1аса,
Хилла баьлла бешахь стом.
1ежаш, хьечаш – массо басахь –
Воккхаверца лаьтта со-м.

Генахь хеза мохо дегош,
Луьста генаш, кхорашца.
Мангал-комарш, сан са хьегош,
Кертан гечош къуьйлуш 1а.

Диц ца ло цкъа нанас бешахь,
Лехьош 1ежаш, дина дов:
– Мегар дац к1ант рицкъа хьеша –
Делан беркат ма ду стом!

Х1инца цхьаннан беш ю лаьтташ,
Стоьмех хилла ойланаш.
Г1ийла йоьлхуш хета хьаьтта,
Эгош шийла можа г1аш.

Малх чубузу, сан куьг лоций,
Юкъарйоккхуш ойла сан.
Маржа я1 хьо, кхин хир йоцу,
Кхузахь марзо эцна хан…

Дош дитина хьайх ала

Доттаг1чунна,
Ахмадов Руслана

Г1айг1ано кхолийнчу дийнахь,
Дош дуьтуш хьайх дикниг ала,
1ожалло ваькхи хьо ц1ийнах,
Базбеш хьуо везначийн бала.

Яздинчух цхьа а ца ваьлла:
Ша дерг а – Делера ду.
Дуьненчохь хан текхна ваьлла,
Хьо ваха эхарта чу.

Хьоьца тхан уьйр-безам тегна,
Кхолламо х1оттийра ловзар…
Хьо воцуш 1ийжар ду дегнаш,
Хьан иллис даьхнарш шаьш ловза.

Самах дерг – сиха г1ан хилла,
Д1адаха, юхадоьрзур доцуш…
Нохчийчохь олу хьан иллеш,
Безамца хьо дага лоцуш.

Хьайн ц1арца х1оллам ахь бити –
Б1аьрхишна кошан барз ги.
Ца хаьа мел зама йиси,
Дуьненчохь хьан доттаг1ийн.

15 март 2014 шо.

Проза

Маргошвили Султан

Кегий дийцарш

Ши таллархо а, ча-нана а

Ши накъост талла вахана. Царна юххехула чекхъяьлла ча-нана. Цуьнан хара лаха бахара таллархой. Карийра.

– Чохь к1орнеш хила еза. Уьш д1ахьур ю вай, – элира.

Цхьаъ хари чувуьйлира, важа бертехь сецира. Д1ахьаьжча, ча-нана ц1а йог1уш ю. Кхеравелла таллархо дитта т1еиккхира. Таллархочо ша-шега элира: «Нагахь санна хара чу г1ахь, цо цоьстур ву сан накъост». Ах чоьхьаяла кхиийнера ча, дитта т1ера охьа а иккхина, таллархочо, ц1оганх катухуш. Ший ког харин бертигах д1а а товжийна, ц1ога схьаозийра цо.

Ча ц1евзира, шен т1одийна м1арашца латта ахка йолаелира иза, чохь ченан къахь а г1аттийна.

Чохь волчо шен накъосте мохь туьйхира:

– Ма яхахьа и ченаш, кху чохь иштта а сада1а меттиг яц, – аьлла.

Вукхо элира:

– Хуур дара хьуна, муха ченан к1ур г1оттур бара, со ченан ц1ога лаьцна 1аш вацахьара.

Хасапхо а, эцархо а

Хасапхо волчу а веана, цхьана стага аьлла:

– Сан ваша, соьца сан ахча дац, суна уьстаг1ан ах чарх лохьа. Ахча кхана д1алур ду аса.

Хасапхочо аьлла:

– Товш хир дац хьуна ц1ийш а лиэшаш чарх д1ахьош. Ц1а а г1ой, хьайн лай схьаваийта. Хьан коьрта т1ера цхьа чо бохьуш веача а, тоьшаллина, аса уьстаг1ан чарх д1айоуьйтур ю.

Ц1а а вахана, шен коьртах баькккхина чо а бохьуш лай ваийтина вукхо.

Цуьнан маь1нах иштта кхета везара: «Хьуна сан коьртан чо бу, ахьа сунна уьстаган чарх яийта».

Хасапхочо лайга аьлла:

– Жима къонах, хьо шена г1уллакх деш волу стаг ша а вара кхузахь. Шеца коьрта т1ерачу чоьшца хилла ца 1аш, шен мажаций. Х1етте а аса цунна жижиган цуьрг а ца елира. Т1аккха оццул жижиг цуьнан коьртан цхьана чоьх муха лур ду аса.

Дийнахь ц1арца а карор воцу урхалча

Цхьана урхалча хилла. Ч1ог1а дика стаг. Амма иза шайн коьрте х1оттийна адамаш цуьнан мостаг1ий хилла д1ах1иттина, паччахьна хьалха емалвина цара иза.

Иза д1а а ваькккхина, кхиниг х1оттийна паччахьа урхалча.

Керла урхалча оьг1азе-дера стаг хилла, шен куьйгаллин к1ел болчарна ницкъаш беш а хилла цо. Вуьйш г1айг1ане эгна. Цара аьлла:

– Паччахье деха йиш ма яц вайн юха а урхалча хийца аьлла. Х1ун диэ вай?

Гулбелла божарий а, зударий а. Дийна делкъехь ч1урамаш а летийна, майданхула гонаш баха х1иттина.

Паччахьа хаьттина:

– Уьш х1ун деш бу цигахь? – аьлла.

Цуьнга аьлла:

– Шаьш дукха хан йоцуш эккхийна урхалча лоьхуш бу уьш, амма цхьаннахьа царна иза карош вац.

Вир, ч1егаг, борз

Цхьана стеган вир хилла тилийна, ц1ий оьхуш букъ а болуш. Бай т1е а йигна, иза д1а а йихкина, дехьа а ваьлла, цо х1ун до хьожуш сецна иза.

Т1ееана ч1ег1аз, цуьнан букъ т1е а хиъна, ноткъех з1ок етта йолаелла. Д1аэккха кхоссаелла вир, амма муьшо метах ца ялийтина. Це етта йолаелла иза.

Цо це мосазза туху, гай а лоций воьлура виран да. Оцу сурте а хьаьжна, хьуьнахарчу барзо аьлла:

– Оцу вирана юххехь со гича-м ерриге юрт ж1аьлешций орцах ер яра. Ткъа ч1ег1ачо букъах з1ок етташ, виран да г1адвахана воьлуш ву, самукъа а даьлла.

Эвла йиллархой

Йиший-ваший хилла ж1аьла а, борг1ал а.

– Эвла йилла вайша?

Ж1аьло борг1але аьлла:

– Вай иза муха юьллур ю?

Борг1ало жоп делира:

– Хьо лиета, ткъа со кхойкхур ю, т1аккха эвла а д1ах1уттур ю.

Хьуьнах бахара уьш. Ж1аьла лиета а доладелла, наб кхетта охьадуьйжира. Ткъа борг1ал, дитта т1е а хиъна, кхайкха йолаелира. Хезира цуьнан аз цхьогална, юххе т1е а деъна борг1уле хаьттира:

– Хьо х1ун деш ю цигахь?

Борг1ало жоп делира:

– Эвла юьллуш ю вай.

Цхьогало элира:

– Юха охьа а йоьссийна, ц1а ден дакъа къастаде.

Борг1ало жоп делира:

– Д1огахь 1уьллуш ву эвлан да. Цо хьуна юстур ю меттиг.

Цхьогална ч1ог1а лиира борг1алан жижигах 1аба, кхетам а бийна, ж1аьлина т1едеара иза.

Парткъаьлла ирхъиккхинчу ж1аьло цхьогалан ц1ога даькхира. Д1а а дедда, ц1ога а доцчу цо:

– Со-м сайн 1овдалаллина ц1оганах делира. Эвла аша муха юьллур ю, иза а хуур ду-кх вайна, – элира мохь тоьхна.

Лом кхиийна циций

Цхьанахьахула дог1уш цицигана делла 1уьллуш лом гина. Цунна юххехь хилла жима к1орни. Шеца йига а йигна, иза кхаьбна цициго. Йоккха а хилла, ондаяьлла лоьман к1орни. Талла а толлуш, кхийолу акхарой яа а йолаелла.

Цкъа цхьана дийнахь, цхьа а экха а ца карийна, ша кхаьбна цициг даа дагадеана лоьман к1орнина. Цуьнан дагахь долчунна т1екхиъна цициг, дитта т1е хьаладаьлла. Диттан буха а дижина, лоьман к1орнис цициге аьлла:

– Йа, со кхобуш-кхиийнарг, хьо суна сайн ненал а хьоме ду, хьайн ерриге амалш соьгахь кхиийра ахьа. Т1аккха х1унда ца 1амийра ахьа со дитта т1е дала?

Цициго аьлла:

– И амал аса сайна кхоийра, х1ара санна киртиг т1ех1оьттича, оьшур ю аьлла.

Поэзия

Седа Исмаилова

Я вижу боль в глазах...

***

Здесь ты одна. Как тишина убита!
Рассвет крадется сквозь завесу туч.
Ты разгадала тайну, что была забыта
И принесла в глазах надежды луч.

Здесь зеркала смеются над словами
И отраженья тонут в злате их.
Невидимая грань между мирами
Потеряна в пустых сердцах людских.

Лишь злобный смех
здесь раздается эхом,
И ядом уст отравлены долины.
Из глубины веков несется
звон доспехов
И тихо спят в могилах исполины.

***

Все неправильно, все не так,
А дождь рыдает в небесах.
Чужая боль для них пустяк,
Но время боем на часах.
Все неправильно, все не там,
А ветер с лиц срывает зло,
И мысли чувственны словам,
И хладом веет здесь тепло.

***

Я вижу боль в глазах людей
мне встречных,
Они отводят взгляд к пустотам лиц,
И так проходит жизнь
в спектаклях вечных –
В борьбе невинных жертв
и их убийц.
Здесь нет конца и брошено начало,
Здесь время лишь ускорило свой бег.
Здесь тлен и мрак Вселенная познала,
Здесь истина покинула свой брег.

***

Из пепла лет восставший,
где ты был?
Ты пропустил марш угнетенных лиц.
Смотри вокруг, быть может,
ты забыл,
Что в небе мрак и стаи черных птиц.

Не спрашивай, а молча наблюдай,
Не верь словам,
что веют лживой гнилью;
Отравленный свободой
воздух не вдыхай –
Это лишь путь к тюремному засилью.

Что за осколки? Зеркала души –
Оно всегда назойливо мешалось.
Постой, навстречу солнцу не спеши,
От света и тепла
там мало что осталось.
Ты слышишь?
Скрип заржавевших мыслей и оков,
Пустые веки глаз таят усталость –
Не помнящие ночь,
не видевшие снов,
Не знающие слез,
не ведавшие жалость.

***

Мой друг, мы, кажется, застряли –
Увязли в мертвой зоне снов.
Я чувствую – мы что-то потеряли,
Но онемел язык без нужных слов.
Не шелохнется на земле былинка,
А в голове и сердце – ураган

И наша жизнь как старая пластинка,
И не залечит время наших ран.
Мир обнимает нас колючими руками
И, улыбаясь, проливает чью-то кровь.
Веками правит пресными умами
Всеядная, бездушная Любовь.

***

Бледнеет небо, странно пропадая,
Глаза немые падают во тьму.
А время, нити жизней разрывая,
Неумолимо клонит нас ко сну.
Тот вечный сон,
не прячущий от боли,
Нас не научит заново любить,
Там не придется исполнять те роли,
Что заставляли нас фальшиво жить.
Калейдоскоп путей ведет к началу,
Невидимой рукой рисует грани мир,
И глупый человек бежит к порталу,
Где Сатана устроил алчный пир.
Забавно видеть, скольких поглотила
Эта безумная и праздная игра,
Как власть сердца
людские поглотила,
Стирая мысли света и добра.
Бледнеет небо, странно исчезая,
Глас разума уходит в пустоту.
Солдат удачи, изгнанный из рая,
Закончит эту славную войну.

***

Ты помнишь тот момент,
когда свобода
Была огнем еще в груди твоей?
Ты помнишь. Такова твоя природа,
Ведь помнится все лучшее ясней.
Я вспоминаю дни,
когда в твоих глазах
Играли искры чистой простоты,
И даже этот миг – когда твой страх
Оставил у порога все мечты.
Ты не забыл, когда слова
Нам становились больше не нужны?
Однажды как сказал:
«Ты не права,
У всех решений есть две стороны»?
Я помню ясный взгляд,
смотрящий в душу,
Я помню ту печаль и грустный смех.
Мой друг, ведь я все та,
я слова не нарушу,
Но знаешь, правду возносить
сегодня – грех.

Мы часто видим красочные сны,
И видим в них все то, что подавляем,
Но остаемся также прихотям верны,
И правду этикету подчиняем.
Мы долго помним, долго забываем,
Живем в мечтах о будущем своем –
Так прошлое обманом прикрываем,
А в настоящем – вовсе не живем.
Я помню, ты спросил:
«Ты видишь грани?
Ты можешь быть свободнее без них.
Не важно, что произойдет
и что с тобою станет –
О том, что было,
твой расскажет стих».

***

Поднимается приторный дух
Над макушками спам-городов,
Людям страшно – и молча пастух
Закрывает врата на засов.

И взбухает зеленая плоть,
Собирая назойливых мух.
Людям страшно – последний ломоть
На прилавке сегодня протух.

Окруженные грязной стеной,
Не снискавши себе оправданья,
Люди грезят кровавой войной,
Чтобы скрасить свое ожиданье.

Нынче каждый в душе мизантроп,
Что в расстроенных
чувствах страдает.
Людям страшно – и вот уже сноб,
Хвост поджав,
к стаду вновь примыкает.

Людям страшно –
боятся озоновых дыр,
Катаклизмов, увечий, конца сериала.
Их пугают счета,
ну и с плесенью сыр,
Их волнует лишь грязь
на страницах журнала.

Ну, а что вас, людишки,
пугает теперь?
Вы надежно закрылись
от бед и тревог.
Запечатали мысли, захлопнули дверь,
Потеряли ключи, заплевали порог.

***

Копченое небо съедает неспешно
Крылатых созданий больной головы,
Кривая луна раздает безутешным
В скупые ладони грошовые сны.

И горестей племя уносится вскачь
Сквозь зубы и стены
в другую обитель.
И с криками, словно индеец, ловкач
Проткнет чей-то кровью заляпанный китель…

***

Теперь, когда мне есть о чем сказать,
Когда молчание теряет свою силу,
Я нахожу разбитую печать
И в переулке скрывшуюся спину.

По-философски, словно никогда
Меня не постигали неудачи,
Я думаю лишь, как небрежна вода,
Когда стучит по крыше старой дачи.

Или о том, как занимателен узор
Вен синих на потрескавшейся кисти.
О чем угодно, только бы мой взор
Не видел пред собою
скомканные листья.

Теперь, опять держа в руке билет,
И понимая все свое проклятие,
Предчувствую, как близится стилет
И солнца равнодушное объятие.

***

Эти тягучие и зябкие мгновения,
Мерцания огней куда-то вдаль зовут.
Эти навязчивые, мрачные сомнения
Еще не раз с ума меня сведут.

Когда ночами тени оживают,
Я наблюдаю трепетную ложь –
Как мысли плоть и чувства обретают
И мне вонзают в сердце мнимый нож.

Когда слова теряются в чернилах,
Я слышу голоса, насмешки тех,
Кого я побороть уже не в силах,
Но знаю также – их не ждет успех.

Эти удобные нарядные оковы,
Блеск изумленных глупых глаз,
Улыбки без причин
и слезы без основы,
Простите дерзость, я плюю на вас.

***

Разорванные пальцы на ногах
Вдруг сообщают плиток
мнимый холод.
До криков, до истерики в стихах
Ты терпишь боль лишь потому,
что молод.
Лишь потому, что брошенный маяк,
Уж никому не тянет руку света.
И ты без сил плетешься через мрак
К чужим словам
или к своим скелетам.
Лишь потому что чья-то седина
Должна быть эталоном и примером,
Она как бы заслужена, она
Написана Судьбы дешевым мелом.
Не позволяй, пускай ты еще молод,
Кормить себя консервами советов.
Разорванные пальцы
мнимый сообщают холод
И терпеливо ждут твоих ответов.

***

Ночной туман приблизился ко мне,
Душа под потолком где-то витает,
Со лба откинув влажные цветы,
Смотрю, как мир чего-то ожидает.
И вглядываясь в резкие черты,
Туманом растушеванные блики,
Я узнаю сожженные мосты
И не дошедшие до адресата крики.
Душа увязла в чьей-то паутине,
И рвутся крылья, и стучат виски.
Как мало нужно,
чтоб тонуть в трясине,
Как много нужно, чтоб себя спасти.
Чтобы потом, не уставая жить
И пачкать руки в лживой доброте,
Вставать с утра и снова кем-то быть,
Держа язык и мысли в чистоте.
Ночной туман рассеется, и с ним
Исчезнут письма. Мокрые со лба
Цветы откину. Брошенные им,
Я в памяти похороню слова.

Голоса друзей

Анастасия Кузьмичева
Минск, Беларусь

Церковь

Рассказ

Душа

Знаешь, а я ведь тоже могу обидеться, когда ты сидишь и смотришь в свое окно. Смотришь, как идет дождь, и не слышишь, что я пытаюсь поговорить с тобой! Ну что в этом обыкновенном, косом дожде особенного, что ты до сих пор не услышала меня… Ладно… Я ведь все ровно знаю, что ты без меня – никто. И еще это пугливое сердце все время вмешивается. Да что там вмешивается! Это вообще незатыкаемая болтушка-паникер… А ты слушаешь всех, кроме меня. Ты бегаешь за советами к родителям, друзьям, страхам, приметам, амбициям, логике, но только не ко мне. Да что там… Ко мне и бежать не надо: я всегда-всегда рядом с тобой. Но я не советую: я говорю о том, что будет… А ты не слышишь и не слушаешь… И злишься на мою правду. Когда я говорю о твоих пороках, ты не просто их оправдываешь – ты дерешься за каждый свой недостаток. Я не против дождя, нет. Я сама люблю дождь. Все люблю. Особенно тебя. И ты даже не представляешь, как мне хочется, чтобы у тебя все было хорошо и светло. Я ведь все знаю и говорю-говорю, а ты не слышишь. Ты сидишь, думаешь о своей грусти и смотришь на небо, рождающее дождь. Смотришь на молнии-схватки и с восторгом слушаешь завывания и крики грома. Роды успешны – идет дождь. Обидно… И больше всего обидно, что все уже не впервой… И хоть снег, хоть солнце – ты все ровно почти никогда меня не слышишь. А когда в твоей жизни случается нечто светлое и хорошее, ты всем с радостью говоришь: «Я послушалась советов своей Души, но это достижение – плод моего труда!» И я вроде есть, но так ничтожна…

Самое обидное, что ты любишь говорить со мной, а ответов моих просто не слушаешь. А может, не хочешь?.. Ну вот ты опять меня зовешь. И кажется, что минуту назад я была неимоверно далеко… Да слушаю-слушаю тебя!

Сердце

Ох-ох-ох-ох! Почему же тебе всегда слышится – тук-тук-тук-тук? Я не стучу, пойми, я просто волнуюсь… Вот вчера тебе дорогу перебежал черный кот, а ты хоп – и в шоковый тормоз. Я и испугалось: и давай охать и ахать в два, нет в четыре раза быстрее. А как еще могло я помочь тебе очнуться и пойти дальше? Ну, а ты?.. Ладно, я почти не обиделось, что ты пошла по той дороге, которую перебежал кот… Ну почему ты меня не слушаешь. О! Пардон! Меня не слушать, а слушаться нужно! А ты только хватаешься за меня, иногда и ворчишь о том, что только со мной проблем тебе не хватает… Да ладно, я не сержусь. И Душа эта еще все время лезет со своими пророчествами, писанными ветками по воде… И всегда, ну почти всегда не вовремя… Я тебе сколько раз повторяло, что мои советы лучше и точнее. Вот если бы прислушалась и не пошла по дороге, которую перебежал чёрный кот, а всего лишь свернула на параллельную, то

сегодня не сидела бы перед окном и не мучилась «пережёвыванием» вчерашней ссоры под монотонную дробь дождя. И не вздрагивала б от небесных гримас и грома… Нет, ты вчера с улыбочкой вспомнила о Разуме… И что? А сегодня ты одна и еще пытаешься меня выставить виноватым в ссоре: «Сердце мне не подсказало, оно меня, наверное, не туда направило…» Я не просто подсказывало! Я ох-охало и ах-ахало в бешеном ритме. Я так перепугалось, что даже не заметило, кто тебя отвлек. Да что там думать: наверняка опять Душа постаралась. И зачем она в такие минуты лезет к тебе со своими надеждами?! А ты еще с ней поговорить любишь… Со мною так часто не разговариваешь. Иногда мне кажется, что к ней ты относишься как к любимой подруге, а ко мне как к прислуге… Ладно. Чёрт с ним. Мне, главное, чтобы у тебя было все хорошо. Только слушайся…

Ох-ох-ох-ох-ох! Ну и гром сегодня!

Я

Как мне надоел бардак в моей жизни… Смотрю в окно и не знаю, где взять такой дождь, чтобы чистыми каплями вымыло из судьбы всю грязь сплетен и пересудов за моей спиной. И чтобы взрывы грома разбили в пух и прах огромные комья неудач и насмешек. Насмешек друзей и родных, потому что недруги в основном говорят комплименты или обыденно льстят. А молния убила бы все мои страхи и сомнения… Интересно, знают ли человеческие Душа и Сердце, что чувствует их хозяин? Хотя, можно долго спорить кто и чей хозяин… А Разум я ненавижу или презираю. Знаю, что он нужен только в быту и в математике.

Как мне страшно! А чего боюсь – даже не знаю… Точнее, не могу сформулировать. Невзгод и болезней я не боюсь. Это, конечно, очень неприятные и неудобные явления, но их можно пережить, перебороть. В конце концов, несмотря на всю колкость любой проблемы, к ней можно просто привыкнуть и постепенно выработать противоядие… Смерти я тоже не боюсь: она рано или поздно, но все ровно случится. За родных и друзей не боюсь. Я за них волнуюсь и опасаюсь. Одиночества тоже не боюсь… Но почему же мне так страшно, что хочется просто раствориться в дождевых каплях? Гром будет мне похоронной канонадой, а молния – красивым, посмертным салютом… Окно меня немного утешает. Все думают, что я просто грущу, сидя у окна. Нет! Иногда я его даже люблю. А все потому, что я боюсь! И с каждым днем леденящие объятия этого невидимого страха все сильнее и сильнее. Сердце мое стучит, как и вчера: то быстрее, то медленнее. И нашептывает разные смешные опасалки. И не замечает перемен. Перемен во мне. И вся душевная зыбь по тихой глади дней моих тоже проходит мимо. Мимо моего страха. А говорят еще, что Душа помогает!.. Что-то я никак не дождусь помощи ни от Души, ни от Сердца. Или хотя бы совета… Ведь Разум давно уже меня игнорирует. Ха! Подумаешь, не сошлись во мнениях… Просто уметь считать и умножать – это не значит быть разумным? Вот и разошлись мы с моим Разумом после нашей беседы по разным окопам… Кстати, быть смешной или казаться глупой я тоже совершенно не боюсь.

А что, если этот пугающий страх просто временный?! Ведь внутри меня нечто огромное, долгое… Какой прекрасный вид из окна… И кофе в этом кафе я очень люблю. А напротив – церковь…Нежная и звенящая…

– Счет, пожалуйста…

Опять начинаю мерзнуть. И это несмотря на то, что кроме всех своих родных, тебя я очень люблю… Слышала, что любовь согревает. Может быть, другая любовь? Я зябну. Страшно. За окном дождь. Но как звенят колокола! К черту дождь. Церковь через дорогу. Спасибо, Душа, за подсказку! Сердце, не дергай!

Надеюсь, согреюсь…

В церкви.

Проза

Тауз Исс

Очаг

Роман-дагардийцар

Продолжение. Начало в №3-4

Притча вторая

«Сам». Мечты. Купание. И наградил его «хозяин» орденами палаческими и званием и погонами маршала… и иных тоже не обделил…

«Аппарат» Четырехглазого – Сороковища – работал с бешеной скоростью. «Шеф», получив вожделенные погоны, решил после столичных застолий догулять «там»… в горах. «Чтоб реки молочные и кисельные берега!..» – указал-приказал (указало-приказало) Сороковище четырехглазое. «Это будет пир-парад, – решил он, – но для начала я искупаюсь в молоке. Выкупаюсь. Приму парад. Затем – пир!..» – рисовалось-ликовалось в четырехглазой голове. «Надо искоренить все следы, сам дух этого народа, чтобы и камня на камне не осталось от них. И посему все, что было до нас, «до залпа «Авроры» подлежит уничижению и уничтожению. Особенно эти возмутительные строения на горах – башни, с непонятными письменами из варварских времен… ведь известно, что все, что было до нашей власти – вовсе и не было, там царил мрак, все прошлое темно и только впереди светлое будущее будущее будущее будущее будущего везде наш незаменимый «изм» незаменимый неизменимый и все остальное мнимо и только мы шагаем по планете впереди планеты всей – кого хотим казним кого хотим милуем... нет… «хозяин» все-таки голова голова голова… ведь из ничтожества вылез взошел держит узду крепко мужик сидит ткет днем и ночью паутину… но… плебей… плебей…выждать выждать выждать… и взойти… самому… Сам… никогда не забуду…. когда примерил шапку Мономаха… туда на самый самый верх…Сам… никто… никому… страшно стало… а потом легко… тогда я и решил… самому… время мое придет… не за горами… в молоке в море в море молока… ха-ха-ха-ха… а эти сейчас мрут сотнями… скорей бы все повымерли… и с кладбищ их все надо поубирать… пусть строят коровники-свинарники… вперед к победе кому-изма… хи-хи-хи-хи… а потом… потом развернем массы… будем дружно строить все тот же «изм», но с другим названием и соусом… нет… голова голова «хозяин»… жалко его иногда… но придется убрать… аккуратненько… да и не поймет… фанатики не понимают… один я из них способен вывести дать осчастливить… массам… нет раньше до все таки звучало… самодержавие православие народ… а?... любо дорого посмотреть… развели понимаешь сказочки раньше после всегда никогда… и верят же… нет… выждать… что-то… что-то оригинальное надо придумать… а что если… с табачком вместе понемногу по чуть чуть… а?... как же я раньше… а?.. медленно и незаметно… только исполнителей аккуратненьких найти… тоже не сложно… потом приберем-уберем… аккуратненько… день за днем… пусть пыхтит… и загибается… засиделся… пора и честь знать… народ соскучился… устал лицезреть усы… пусть покуривает свой табачок в свою трубочку… и дело сделается… загнется… тихо… верно… не спеша… выждать… оригинальная мыслишка… исподтишка… а?..

Так, с этим решено… теперь о наиглавнейшем… рассказывал… старичок один приблудный… давненько это было… надо говорит быть всем и никем…

рассказывал интересное… про этих что сейчас вымирают тоже… в их стране говорил он и есть эта самая пуповина… и чаша… и десница… и вход в подземные миры… в сокровища несметные…и многое другое рассказывал с шутками-прибаутками…и башни их говорил этот вещун тоже «оттеда…» с того времени… с того «житья-бытья»… интересный был старикашка… беседовал я с ним часто… потом заартачился чего-то… приказал посадить… а он глядь и исчез… растворился… ушел… не трогай говорил он напоследок… народ этот… и места эти… червяк… разве устоит перед нашей мощью кто… Дом Ноя мой. Что хочу то и сделаю. «Этого»… «вождя» в Мавзолей… Материализм – вещь хорошая… но… надо довести его до точки кипения…. начать обратный процесс… определенные успехи есть… есть… но разве есть пределы совершенству…. Я доведу это дело до конца … и только я…

Новоявленный маршал после очередной попойки, попивая кофе с коньяком, нежился в постели, перебирая варианты, просчитывая интриги, строя далеко идущие планы. Мысли иногда путались, рвались, переплетались, но непременным было одно – давнишняя цель «встать у руля». Потом… Нужна новая идея. Идеи время от времени нужно обновлять. «Эта» уже не работает. Великое дело – идея… Я дам ее… провозглашу… всем и каждому… Пора. Четырехглазый долго потянулся и лениво вызвал адъютанта. Через час черная машина со свежеиспеченным маршалом и скромным сопровождением мчалась на секретный аэродром.

Тем временем «там», по особому распоряжению, шли суетливые приготовления к прибытию «самого». Некормленые и недоенные бесхозные коровы, согнанные в одно большое стадо, стояли в загоне, по колено в грязи. Вокруг загона как угорелые носились служивые с пустыми ведрами. Рыжий старшина с вилами в руках голосил что есть силы:

– Погодьте! Погодьте! Не пужайте животных! Чичас подвезут сено! Тады сенцом прикормим их и потома начнем доить! А то ить не дадуться!

«Личный состав» таращил глаза то на него, то на несчастных коров, испуганно смотрящих на взбудораженных людей. Переполох шел со вчерашнего дня, когда поступил приказ надоить к приезду «самого» «море молока».

Старшина, как видно, был мастак в доярском деле, а также обладал немалой смекалкой и в армейской жизни. «Личный состав», застывший в ожидании с ведрами в руках, понемногу сгрудился «на перекур» в ожидании сена. Сено не ехало. Перекурили по третьему разу. Старшина, сделав страшное лицо, воскликнул.

– Да чтоб им пусто было! Курков, садись на лошадь и мигом туды! Скажи, если через полчаса сена не бует на месте, пусть пеняют на себя! Дуй! – Курков, сплюнув махорку, нехотя зашагал в сторону конюшни.

– Живей ты, ирод! – кричал вслед старшина.

– А чо? – задорно оглянулся гонец.

– Бестолочь! Назад, мать твою! Дойкин, вперед! Под трибунал пойдешь, сукин сын! За попытку срыва задания партии и правительства в военное время! А пока посидишь на гауптвахте! – распаляясь, кричал старшина на Куркова.

Курков пошел багровыми пятнами.

Дойкин бросился выполнять «задание партии и правительства» и через минуту ускакал за пропащими сеновозами.

– Так, пока они едут, всем еще раз хорошо промыть ведра! – дал задание «составу» неугомонный старшина.

«Состав» во главе со старшиной потянулся к роднику и начал мыть ведра.

– Слышь, Васек, а где люди-то? Дома целые, скотина бегает, а люди? – спрашивал, склонившись к своему соседу, лупоглазый солдатик.

– Поменьше спрашивай, дольше жить будешь... – отвечал тот также шепотом.

– Едут! – закричал, стоя на большом валуне, верзила.

Старшина насторожился и, сделав свирепое лицо, пошел навстречу подводе.

Из-за пригорка тем временем выскочила мчащаяся галопом пустая лошадь Дойкина и, чуть не сбив с ног старшину, пронеслась мимо.

– В ружье!!! – приседая, вскричал старшина.

Смотревшие вслед ускакавшей лошади служивые начали строиться, держа одной рукой ведра, а второй хватаясь за винтовки.

– Ведра долой! – скомандовал старшина, и ведра зазвенели по камням. – Иванов и Гайсанов, поймать лошадь и догнать нас! Остальные за мной! – командовал в спешке старшина и бросился впереди «состава» за пригорок.

Через время запыхавшемуся старшине и служивым предстала следующая картина.

У огороженного забором полуобвалившегося стога стояла подвода, груженная сеном, и больше не души вокруг не было.

– Старшина, а где же ребяты? – спросил долговязый, изумленно разглядывая местность.

– Абреки!!! Бандиты!!! Сволочи!!! Прочесать местность! – без конца дергал затвор старшина.

Местность прочесали. Старшина присел на камень. Сорвать «задание» было смерти подобно. Служивые, пригорюнившись, стояли полукругом.

Не дождавшись Иванова с Гайсановым, подвода с сеном, толкаемая «составом», впряженная ребятами, кое-как добралась до коров. Быстро разбросали сено и приступили к делу. Голодные животные бросились на корм и, «море молока», согласно «заданию партии и правительства», робко потекло в луженые ведра.

Старшина ликовал, хотя впереди его ждали допросы и неизвестность, все же было легче, чем не успеть выполнить возложенное на него «секретное задание». «Сам» должен был прибыть через два часа.

Духовой оркестр сыграл громоподобный туш, ковер, распластываясь, побежал к ногам «самого», одеревеневшие лица в шеренгах застыли в непреходящем счастье, время и история внимали «самому». Черная нога осторожно ступила на красный ковер, полосуя ряды сверкнули линзы. Плотное кольцо телохранителей сурово вышаривало сотнями глаз местность и все, что дышало в ней, подозревая все и вся, во всем и по всякому. Наступила томительно-угрюмая пауза. Из нее разнесся истошно-радостный клич: «Да здравствует Четырехглазье – Сороковищье! Ура!» «Уррр-ааа!» – наконец, выдохнули отовсюду. «Сам, прошелся, слепя ряды ледяными бритвами окуляров. Кумачовая трибуна, водруженная напротив древней башни, высилась над рядами служивых шеренг, выстроенных к параду.

– Товар-ищщщи! – начал Четырехглазый и вскинул кулак, будто хотел забить гвоздь. – Товари-щщщи! – повторил он для пущей убедительности и, упершись обеими руками о трибуну, подался вперед. – Генеральный вождь всех времен и народов, наш дорогой и любимый верховный главнокомандующий шлет вам свой пламенный коммунистический привет! Денно и нощно за высокими красными стенами неусыпно бдит он, куя победы, коим несть числа. Одну из них, благодаря ему, мы сегодня и празднуем! Эта победа будет вписана в

историю золотыми буквами. Посмотрите вокруг, товар-ищщщи! То, что вы видите, является плодом титанических усилий нашего горячо любимого вождя. Радость переполняет наши сердца! Здесь мы будем строить счастливую жизнь! Долой мрак прошлого! Вперед к победе коммунизма!

Войдя в раж, оратор возносил в воздух обе руки, чертя ими замысловатые зигзаги. Тряслось его одутловатое от пресыщения тело, тряслись щеки, тряслись, рассыпаясь в тысячи осколков, окуляры.

– Гля, Вася… – еле слышно, будто про себя, сказал солдатик и застыл, открыв рот всматриваясь в оратора, – да он же слепой…

– Молчи, дуралей… – зашипел на него светловолосый сосед и отвел глаза, словно боялся быть уличенным в открывшейся ему правде. И погодя с удивлением добавил: – И вправду, четырехглазый, а слепой…

Оратор, и вправду, казался или был слепцом. Порой жирное четырехглазое лицо превращалось в страшную безглазую массу, особенно когда окуляры застывали на мгновение, становясь оловянными. Тем временем слепец продолжал ораторствовать.

– Коммунизм не терпит и не потерпит сопротивления! Дикари, что здесь жили, получили по заслугам. Мы очистили от них эту землю, а сегодня, сейчас начнем очищаться и от их следов. Эта башня, как символ мрачного прошлого, будет сейчас повержена к светлым стопам коммунизма. Ура, товари-щщщи!

Раздалось троекратное «ура», и бикфордов шнур красным змеем побежал к башне. Через несколько мгновений раздался оглушительный взрыв. Он отозвался в разных концах гор громами лавин, так что все собравшиеся вздрогнули. Башня вышла из огня и дыма выстоявшая наполовину.

Оркестр сыграл туш. Маршал начал аплодировать, следом грянул хор аплодисментов.

После Четвероглазого выступили несколько крупных чинов и один ефрейтор.

Больше и не надо было.

Маршал аккуратно вытер жирные губы.

– Ррр-аззой-диииись!.. Построение через час! – зычно скомандовал тощий подполковник, в который раз одергиваясь всеми амуницияими и озираясь по сторонам в некоем ожидании то ли подвоха, то ли награды.

Ряды смялись и пустили обильные махорочные дымы. «Сам», в кольце охраны, исчез.

– Праздничный обед будет… – обронил кто-то тонким голосом….

– Жди… – ответил ему густой бас….

– Слышь, Ванек! Кады ж парад-то бует? – спросил смуглого сослуживца курносый.

– Будет… скоро… – нехотя ответил тот и выпустил сизый густой шлейф из потрескавшихся губ.

Оставшаяся половина башни смотрела в мир людей, словно спрашивая: «За что?..»

Большой деревянный чан с молоком стоял в середине помещения, устланного сеном и коврами. «Сам», оставив всех за дверью, подошел к чану и попробовал молоко на палец. Молоко было теплым, специально подогретое к «торжественному моменту». «Это ведь и омолаживает ко всему прочему», – радостно вспомнил он. Хмыкнув носом и сняв, как снимают оружие, окуляры (последнее из одежд), осторожно опустил внушительные телеса в молоко и мечтательно закатил глаза. Где-то рядом прожужжала муха. «Стерва, в такой

момент…» – подумал он и плеснул молоком в сторону жужжания. Молоко в чане слегка зарозовело, затем начало алеть и густо покраснев… стало черным. Маршал, не успевая осознавать происходящее, замер, вытаращив свинцовые глаза. В тот же миг раздались выстрелы. Инстинктивно сжавшись, он нырнул с головой и тут же выскочил из чана и бросился искать окуляры. Выстрелы нарастали, и он лег плашмя, нашаривая мундир. Кое-как одевшись, продолжил поиски окуляров, нащупав, водрузил на место и бросился на пол. Его трясло. На улице стало тихо. Муха жужжала у самого уха. «Сука!» – подумал он вслед слезинке, вытекшей из четырехглазья. Муха продолжала неистово жужжать то у правого, то у левого уха. Он отбивался, но та не унималась. Он начал колошматить воздух, себя и ковры, но никак не мог совладать с назойливой пришелицей. Распаляясь все более, маршал бился в истерике. Битва с мухой продолжилась бы невесть сколько еще, если бы не адъютант и начальник охраны, вбежавшие впопыхах.

– Товарищ маршал! Банда из сорока человек… – начал, было, начальник охраны, удивленно глядя на маршала, узнавая и не узнавая почерневшего маршала.

– Гады!!! Вашу мать!!! Вы что??? Вы где?? Всех под трибунал пущу! Ротозеи! Аники-воины! – грозя в воздухе кулаками, обрушился на подчиненных купальщик. Окуляры на угольно черном лице дрожали и разили грознее и резче. Подчиненные стояли ни живы и ни мертвы.

Парад не состоялся в виду отсутствия должного настроения и подобающего цвета лица потерпевшего в борьбе с «бандитизмом» маршала. «Личному составу» выдали сухой паек.

«Неправильно все это… неправедно…» – думал солдатик, доедая свой скудный паек и вспоминая, как в детстве зачитывался о Кавказе и как все обернулось…

– Эх-х-х… – только и выдохнул он, засыпая в эту ночь…

Продолжение следует.

Фольклористика

Исмаил Мунаев

Героико-исторические илли – чеченский народный эпос

Песенно-поэтические произведения чеченцев издавна привлекали научное внимание передовых деятелей науки и культуры России. Так, почти двести лет назад, в самом начале XIX века И. Добровольским была опубликована в нотной записи чеченская народная песня.[1:142-148].

Чеченские героико-исторические илли также начали публиковать в XIX веке. В 1869 году известный кавказовед Н. Семенов сделал первое научное описание творческого акта исполнения чеченского илли, детально запетчатлев все особенности традиционной манеры сказывания народной эпической поэмы, реакцию слушателей на содержание илли и роль музыкального сопровождения. Всего в XIX веке было опубликовано на русском языке и на языке оригинала более десятка чеченских героико-исторических илли: «Песня о Хамзате», «Песня об Эльмурзе» «Былина о Малсаге назрановце» и др. Систематическое и планомерное изучение и издание чеченского фольклора, в том числе и героико-исторических илли, продолжалось в XX веке При жанровом определении илли еще с XIX века существовали и в определенной степени продолжают существовать и поныне разночтения.

Так, их именовали просто песнями, поэмами, былинами, героическими песнями, героико-историческими песнями, эпическими песнями, песнями-сказаниями.

У фольклористов соседних северокавказских народов также наблюдаются «разночтения» при определении типологически близких к илли эпических песенно-исторических жанров.Так, встречаются определения: «Исторические песни» (А.А. Ахлаков); «Историко-героические песни» (С.Ш. Аутлева); «Героико-исторические песни» (А.М. Аджиев).

Чтобы объяснить истоки в современной фольклористике таких разных определений позднего эпического жанра нам следует сделать экскурс в историю определения песенных эпических жанров в русской дореволюционной фольклористике.

Еще в самом начале становления русской науки об эпосе ученые слависты четко улавливали связь между содержанием эпической поэзии и общественным развитием народа. Так,В.Г. Белинский писал: «Поэзия каждого народа есть непосредственное выражение его сознания; посему поэзия тесно слита с жизнию народа».[2:307]

На прямую связь народной эпической поэзии с эволюцией общественного развития указывал и один из первых русских эпосоведов Н.И. Костомаров. Он писал: «Политическая жизнь Малороссии была военною… следовательно исторические малорусские песни есть преимущественно песни военные».[3: С.92] Называя все народное эпическое творчество «исторической поэзией», подчеркивая этим самым ее целостность, Н. Костомаров хорошо чувствует и разницу между ее составными частями «циклами». К первому циклу относятся «былины старого времени», которые отражают ранний период истории. «Характер их – неопределенность, сбивчивость, чудесность и символизм; и потому мы не без основания назовем его полуисторическим, полубаснословным» [4:112]

Ко второму циклу относятся песни: «… на которых виден колорит новгородский. Некоторые из них отличаются характером чудесности, но все вообще различны от поэм Владимира по духу того общества, какой в них описывается. Здесь действующее лицо богатырь: но этот богатырь живет в республике». К третьему циклу Н. Костомаров относит песни «позднейшего периода – Московского царства». [5:115] Великорусские казачьи и солдатские песни он, соответственно,

относит к четвертому и пятому циклам. Связи между последними циклами он не усматривает.

Н. Костомаров, в основном придерживаясь принципов мифологической школы, отказывается от сравнения народной поэзии малоруссов и великоруссов, ибо «…народ великорусский иначе жил, иначе действовал».). [6:117] Это в свою очередь мешало ему понять и научно обосновать разностадиальный характер «циклов» эпической поэзии, объяснить типологическую схожесть эволюционных процессов в эпическом творчестве разных народов.

В этом отношении положительную оценку заслуживает попытка П. Бессонова сравнить малороссийские думы со «старшими былинами» (выделено мною – И.М.) великорусских казаков (Донских, Яицких, Гребенских). [7:89]

Важным моментом в исследованиях П. Бессонова является закрепление им названия исторических песен за «Московскими былинами». В целом же, его деление былин на старшие (Киевские, Новгородские, княжеские) и младшие (казацкие, солдатские, безымянные, молодецкие и др.) говорит о том, что он еще слабо различает жанр исторической песни от жанра былины, хотя практические представления о первой у него есть.

Жанровое деление былины от исторической песни осталось на отмеченном уровне вплоть до М.Н. Сперанского и А.П. Скафтымова.

Предметом полемики между исторической и мифологической школами явились вопросы историзма (степень соответствия песенного повествования действительным событиям, зафиксированным в летописях и исторических документах). Так, представители русской исторической школы (Вс. Миллер, Л. Майков, П.И. Вейнберг) в своих работах практически стирают грань между былиной и исторической песней. Они концентрируют основное внимание только на выяснении их «исторической» основы.

Определенный научно-методологический интерес в этом отношении представляют взгляды П. Вейнберга.Так, оригинальным является суждение ученого о единстве и целостности русского эпоса, к которому он относит и исторические песни. Он считает, что в момент своего зарождения историческая песня наиболее близка к факту, а потом «…чем далее отодвигается событие, чем более разносится песня, тем обильнее украшает она первый текст цветами фантазии».[18:102]

Получается весьма стройная, на первый взгляд, теория, которая объясняет, почему в некоторых исторических песнях изложение доходит до самого простого фактического рассказа. А другие исторические песни близки к былинам настолько, что исторические личности становятся былинными. Все дело, оказывается, во времени, а художественные средства, использованные при создании былин, в исторических песнях остались без изменений: «Раз установившись в народном творчестве, известные образы, представления, идеалы… уже оседают так прочно, что ни течение времени, ни изменение исторических обстоятельств, ни влияние внешней и внутренней жизни не могут сокрушить их». [20:136-136]

Разделение П. Вайнбергом русской эпической поэзии на былину и историческую песню по степени отражения в них исторической действительности и ее соотношения с художественным вымыслом, вызвало критику со стороны А. Веселовского. В своей ранней работе «Две варшавские диссертации» он верно отмечает, что в исторических песнях, как и в былинах, сам исторический факт не может стоять на первом месте и ценность исторической песни не может измеряться ее верностью исторической действительности.

А. Веселовский считает, что в историческую песню, как и в былину, проникает мифический эпос, тем самым отрицая вообще возможность сколь-нибудь точного отражения реальных событий в исторических песнях.

Итак, в рамках одной русской культурно-исторической школы сложились две противоположные точки зрения на разницу между более древним былинным героическим эпосом и поздними историческими песнями. Наиболее отчетливо эти концепции сформулированы П. Вайнбергом и А. Веселовским. Первый считает, что любая эпическая песня в момент своего зарождения очень близка к

факту (т.е.,является исторической в буквальном отношении). А со временем она имеет тенденцию отхода от точного отражения действительности и повышения степени «мифологизированности».

Академик А.Веселовский, впоследствиии основавший новую сравнительно-историческую школу в русском литературоведении, вообще отрицает разницу между мифическим эпосом и историческим.Он обращает внимание на то обстоятельство, что и миф, и былина, и историческая песня прежде всего являются художественными произведениями, в которых всегда присутствует вымысел.

Качественно новый подход к решению проблем эволюции эпических жанров русского фольклора мы обнаруживаем у представителей следующего поколения культурно-исторической школы, живших в начале XX века. Так, М.Н. Сперанский (ученик академика Н.С. Тихонравова) отчетливо видит разницу в отражении исторической действительности в былинах и исторических песнях, и справедливо считает, что историческая песня явилась «следующей ступенью в развитии старинного былевого эпоса…» [8:22]

В Советский период истории России фольклористика оформилась в самостоятельную научную дисциплину, успешно продолжившую традиции классической русской филологии XIX века по изучению устного народного эпического наследия. В поле зрения ученых оказалось очень большое количество разностадиальных эпосов народов СССР, что способствовало качественно новому развитию сравнительно-исторического метода исследования. Много было сделано в изучении русского эпоса. Так, изучению исторической песни, как самостоятельной жанровой разновидности, были посвящены работы таких известных фольклористов как: Б.Н. Путилов, В.Я. Пропп, А. Астахова, В.К. Соколова, Л.И. Емельянов и др.

Отметим, что все перечисленные исследователи хорошо осознают и подчеркивают качественную разницу между исторической песней и былинным эпосом. При этом, каждый из них выделяет в качестве главного тот или иной признак исторической песни, подчеркивая преемственную связь последней с былиной.

Так, Б.Н. Путилов в своей ранней работе наиболее характерным признаком исторической песни считает ее близость к конкретному историческому событию или действию реального исторического лица: «Историческими песнями называются эпические и лиро-эпические песни с органической изначальной исторической основой, восходящие по содержанию к определенным историческим событиям и имеющие героями конкретных исторических лиц». [9:5.]

Очень близка к этой точке зрения и А. Астахова, которая считает, что исторические песни «дают отклик на конкретные исторические события и повествуют об определенных исторических лицах.»[10:5.]

В этих своих ранних определениях исторической песни Б.Н. Путилов и А. Астахова продолжают традиции русской исторической школы. Так, один из ее основателей В.Ф. Миллер считал, что песенные тексты вначале были предельно близки к историческим событиям, но их содержание постепенно искажалось, затемнялось, а нередко и вовсе утрачивалось. Т.е., первоначальная версия является наиболее содержательной, фактичной, а поздние разукрашивают эту фактическую основу песни вымыслом.

Иную точку зрения по проблеме историзма высказывает Л.И. Емельянов. Он считает, что историческая песня отнюдь не всегда имеет своим объектом «прямым заданием» конкретное историческое событие. По Емельянову историзм исторических песен явление особое, ибо можно привести множество примеров, когда один и тот же сюжет исторических песен связывается с разными историческими лицами. Естественно, что в этих песнях историзм (в узком, буквальном смысле этого слова – точное отражение действительности, характеров героев) не будет представлен. Однако мы можем судить по песням о

взглядах и мнениях народа о тех или иных исторических лицах или событиях.

И далее исследователь приходит к совершенно справедливому выводу: «Песня может даже не отразить ни одного исторически известного факта, и тем не менее, хорошо выразить сущность того или иного конкретно-исторического явления». [11:57]

Обобщенно-объективный характер изображения действительности исторической песней подчеркивает и В.Я. Пропп. Он пишет, что характер исторических песен зависит от двух факторов: от эпохи, в которую они создаются, и от среды, которая их создает.

В методологическом отношении важным является наблюдение В.Я. Проппа над одной из жанровых особенностей исторических песен: «Историческая песня создается не так, как создаются другие виды словесного народного искусства. Она в основном создается участниками или ближайшими свидетелями тех событий, о которых поется. Отсюда совершенно новое отношение к изображаемому – как к чему-то виденному и слышанному, чего не может быть ни в эпосе, ни в сказке, ни в балладе. Даже в тех случаях, когда содержание песни не соответствует действительности, оно вымышлено той средой, в которой событие могло бы произойти». [1:112]

После фундаментального изучения разностадиального эпического наследия южных славян и его соотношения с русскими былинами и историческими песнями к важным в методологическом отношении результатам приходит Б.Н. Путилов. Прежде всего отметим предложенную исследователем новую градацию всего эпического наследия южных славян и русского народа на связанные «типологической преемственностью» три эпоса (фантастико-исторический, героико-исторический и реально-исторический).

Исследователь справедливо указывает и на основной путь эволюции народного эпоса: это не путь утраты реально-исторического содержания, а путь овладения им.

В другой работе Б.Н. Путилов уточняет эту мысль: «Анализ материалов эпического творчества многих народов позволил установить, что эпос развивается от обобщенно-исторических форм историзма к формам, где структурообразующую роль постепенно начинает играть историческая конкретность. Этот процесс носит, по-видимому, универсальный характер, он получает свое выражение во всех элементах эпической системы, прежде всего – в сюжетике, в эпических персонажах, в предметном мире, в представлениях о времени и пространстве».[12:168.]

Для дальнейшего развития науки об эпосе большое значение имеют публикации разных по своему характеру отражения исторической действительности, внутреннему содержанию эпических произведений народов СССР, а также проблемные исследования с привлечениями этих новых материалов, выполненные фольклористами ИМЛИ им. А.М. Горького. Для развития исторической типологии и изучения меры историзма эпических жанров принципиально важное значение имело определение последовательных «стадиальных рядов» эпической поэзии, сформулированное В.М. Гацаком на основе обощения достижений всего советского эпосоведения. Им, в частности, выделяются три стадиальных ряда.

Первый стадиальный ряд объединяет эпические памятники, в которых очень явственно ощущается связь с идеалами родового, догосударственного периода, тема борьбы с враждебными силами природы. Ученый определяет этот эпос как героико-архаический («Нарты», «Амирани», «Калевала», «Олонхо» и др.).

Второй стадиальный ряд объединяет такие «богатырские поэмы», как «русские былины», «Манас», «Джангар», «Алпамыш», «Давид Сасунский» и др. Эти произведения по мнению В.М. Гацака уже имеют «историзованный» характер и несут в себе идеи самоутверждения народности, борьбы за независимость, против угнетения.

Третий стадиальный ряд знаменует собой «становление исторического эпоса в прямом, узком смысле слова» (украинские думы, историко-героические песни народов Кавказа, ранние русские исторические песни и др.). Содержание этого

исторического эпоса, в эстетическом плане замыкающего историю жанра, отличается предельной насыщенностью социальных мотивов.

Последнее обстоятельство является характернейшей чертой позднего эпического жанра чеченских героико-исторических илли. Это отмечают в своих работах З.Мальсагов, Х.Д. Ошаев, Я.С. Вагапов и др.

В целом, типологическая соотносимость чеченских героико-исторических илли со старшими русскими историческими песнями и побудила нас совершить этот экскурс в область истории жанрового определения исторических песен в русской и советской фольклористике. Нам представляется не совсем удачным подобное определение народных художественных произведений, предметом которых является «живая движущаяся история в реальном времени и в реальных человеческих судьбах».

При изучении чеченских героико-исторических илли, являющихся завершающимся этапом развития народной эпической традиции, большим научным подспорьем являются теоретические положения и разработки известного кавказоведа У.Б. Далгат. В своей монографии она выделяет следующие этапы эволюции героического эпоса чеченцев и ингушей: «Сказания древних циклов» (о мифических великанах-чудовищах, об одноглазых великанах, о великанах богатырях, о вампалах); «Героические сказания» (нарт-орстхойские эпические сказания); «Исторический эпос» (сказания, предания и легенды более поздней формации).

Наше внимание привлекает характеристика жанровых примет исторического прозаического эпоса, данная исследовательницей. По ее верным наблюдениям в историческом эпосе усиливается локально-этнографическая сторона, развиваются историко-патриотические темы. Герой «в значительной степени теряет сверхъестественные свойства более древних стадиальных эпических образов, приобретая большую реалистичность, историческую конкретность и даже национальное выражение патриотического характера».

По мнению У.Б. Далгат, «поздний эпос» также характеризуется более интенсивным раскрытием внутренних переживаний эпического героя по сравнению с архаическим нарт-орстхойским эпосом.

Главным аргументом в пользу эпичности сказаний, преданий и легенд «более поздней формации», по ее мнению, служат традиционные эпические элементы, присутствующие в них.

Как известно, древняя эпическая традиция чеченцев и ингушей представлена в виде прозаических нарт-орстхойских сказаний, легенд и преданий. Поэтому наличие большого количества древнеэпических мотивов в позднем прозаическом историческом эпосе ингушей, как на это справедливо указывает У.Б. Далгат, представляется вполне закономерным явлением в рамках преемственного развития и эволюции прозаической эпической нарт-орстхойской традиции.

По иному обстоит дело с чеченским песенно-поэтическим позднеэпическим жанром илли, у которого преемственные связи с прозаическим нарт-орстхойским героическим эпосом проявляются не столь явно и наглядно, хотя они есть и обнаруживаются, как в отдельных произведениях илли, так и во всем жанре в целом.

В силу своей особой специфики бытования (песенность, драматизированность, музыкальность исполнения и др.) по сравнению с прозаическим нарт-орстхойским героическим эпосом, чеченский песенно-эпический жанр героико-исторических илли сформировал свою собственную систему позднеэпических мотивов. Эта система мотивов развивает древние эпические традиции изображения идеального героя. Песенный герой существенно отличается от богатырей нарт-орстхойского эпоса, он уязвим и не обладает чудесными предметами или помощниками. Свои подвиги он совершает, рискуя своей жизнью и благополучием, при этом он побеждает в большей степени благодаря своим высоким личностным качествам характера. Поэтому, когда мы говорим об эпичности, а еще точнее о поздней эпичности героико-исторических илли, мы должны ориентироваться не столько на наличие в илли традиционных

эпических мотивов, сколько на общее воздействие эстетических традиций нарт-орстхойского эпоса на характер и особенности собственно песенных мотивов, на систему эстетических представлений о героическом в илли. Следовательно, важно выявление принципиально новых позднеэпических традиций описания действий песенного героя, мотиваций его поступков, традиций изображения отрицательных персонажей и т.д.

При этом, задача определения и обозначения эстетической системы представлений о героическом в жанре героико-исторических илли в определенной степени облегчается тем, что аналогичная работа уже выполнена У.Б. Далгат при изучении типологически близкого к илли прозаического исторического эпоса ингушей. В этом позднем ингушском историческом эпосе деятельность местных эпических героев определяется коллективными интересами рода, фамилии и племени, выразителями которых они являются. Соответственно, героическое связано, прежде всего, с полезностью и ценностью действий героя по отношению к упомянутым формам организации ингушского общества. Поэтому, естественно, что местные герои, «как правило, противостоят чужезамцам и превосходят их в силе, могуществе, уме, гостеприимстве, мужестве, сдержанности, рассудительности».

Как и в позднем ингушском прозаическом историческом эпосе деяния чеченских героев илли имеют общественно значимый характер. Они отражают нападения врагов на село, отстаивают интересы бедных и обездоленных перед князьями, заботятся о сельских вдовах и сиротах, возвращают угнанную добычу, отбивают у врагов своих невест и сестер. Герой илли добывает в честном бою невесту и добычу.

Песенный герой прежде всего воин. Он предстает смелым, ловким, отважным, сдержанным, наблюдательным и самое главное – обязательно соблюдающим традиционный народный этикет, традиционный кодекс морально-этических и эстетических норм поведения, которые позволяют определить его как яхь йолу к1ант (честь имеющий молодец) или дика к1ант (добрый молодец).

Вместе с тем, песенный герой не является эпическим богатырем. У него отсутствуют какие-либо сверхчеловеческие возможности, он изображается как реально существовавший человек, способный принимать осознанные решения, жертвовать собой ради друга или села. Семантика постоянных эпитетов героя илли (славный, добрый, честь имеющий, молодой, вежливый, смелый и др.) указывает на то, что в жанре героико-исторических илли основное внимание сосредоточено на личных моральных качествах героя. Наличие этих качеств, безусловно, говорит о его героических способностях. В этом одно из существенных отличий песенного позднеэпического героя от эпических героев нарт-орстхойского эпоса, которые в основном определяются как имеющие невероятно большую силу, неуязвимость и т.д.

Эстетическим законом жанра героико-исторических илли является изображение противников героя через их аморальные, с точки зрения коллективного народного сознания, поступки и действия (насильственный увоз девушки, требование чрезмерной неположенной дани, попытки продать в рабство обездоленного героя и др.).

Наличие в жанре чеченских героико-исторических илли, наряду с традиционными эпическими сюжетами и темами (борьба за землю, борьба за невесту и др.), остросоциальных мотивов и сюжетов с антифеодальной направленностью и развитого комплекса представлений о героическом – это важные признаки позднего эпоса.

Представления о героическом, раздумия, намерения, действия и поступки героев нашли свое формульное выражение в героико-исторических илли. В жанре илли завершилось становление собственно песенной системы позднеэпических мотивов в виде поэтических формул, общих мест, постоянных эпитетов. Все это позволяет нам утверждать, что жанр героико-исторических илли является поздним героическим эпосом.

Здесь необходимо уточнить, что под мотивом мы понимаем элемент сюжета,

повествовательную единицу, основным признаком которой является ее типовой, стереотипный характер. Согласно законам эпического творчества, изложение событий и обусловливающих их коллизий, характеристики персонажей и отношений между ними, статические описания даются в форме мотивов. Использование разнообразных по своей значимости и объему мотивов является также одним из характернейших признаков стиля эпического повествования.

Так, в жанре чеченских героико-исторических илли существует четко выраженная тенденция приурочивания песенных событий к определенному периоду суток: поздний вечер, глубокая ночь, раннее утро.

Приведем примеры для иллюстрации. Поздний вечер:

«Ва сарахь суьйренца, бузучу малхаца,
Нур дашо можа малх бузале ва хьалха…»
(Вечерним вечером, с заходящим солнцем,
Лучи золотые имеющее желтое солнце – до его захода).

Песенные события чаще всего начинаются вечером.Видимо, это связано с тем,что чеченцы традиционно именно вечером собирались на сходки (пхьоьг1ана) после трудового дня,чтобы отдохнуть и обсудить новости и общественные дела, планы совместных действий. В это время также происходили традиционно встречи молодых людей у родника или ручья, куда девушки приходили за водой до заката солнца или рано утром до выхода скота в поле. Существует очень большое количество поэтических формул, определяющих поздний вечер.Они обычно бывают связаны с действиями героя или с эпизодом, повествующим о конфликте сына Вдовы с бяччей (военным предводителем) или другими богатыми односельчанами. Поэтическая формула позднего вечера может употребляться в самом начале песни в роли зачина или в середине текста.

Глубокая ночь.

«Буьйсанах ши дакъа хиллачул т1аьхьа. –
Мерзачу набарна адам марзлучу хенахь».
(Ночь на две части когда разделилась, после,
Сладким сном когда люди наслаждаются, в это время).

Песенный герой действует в то время, когда все люди сладко спят. При формировании этого мотива использован прием контрастного изображения, характерный для эпоса.

Раннее утро:

«1уьйранна седарчий уьдучу заманчохь,
Седарчийн серлонаш къестачу заманчохь,
Цул т1аьхьа дашо малх кхетале хьалха,
Малхал хьалха схьакхета и маьлхан з1аьнарш
Хазлучу заманчохь»
(Утренние звезды когда убывают, в то время,
Звездный свет когда ослабевает,в то время,
После этого (пока) перед появлением золотого солнца,
Перед солнцем появляющиеся эти золотые лучи
Когда становятся красивыми, в то время)

Рано утром до восхода солнца герой илли готовится и отправляется в поход. Естественно, что в реальной жизни раннему утру придавалось огромное значение. В этот период суток природа оживала, начиналась трудовая жизнь. Рассвет имел и культовое значение. С первыми лучами солнца начинались многие обряды,жертвоприношения.Так, еще в 20-х годах XX века известным кавказоведом Баширом Далгат были зафиксированы на горе Маьтт-лоам (Столовая гора) ингушские языческие праздники,посвященные верховному божеству «Дяла», начинавшиеся с первыми лучами солнца. Вообще, у чеченцев и ингушей культ Солнца был очень развит. По народным представлениям, утром

Солнце возвращалось из потустороннего мира, в котором оно светит ночью, обернувшись затылком. К восходящему слнцу обращались с просьбами о благополучии и удаче в охоте, работе.

Использование формульных определений времени в героико-исторических илли является одним из существенных признаков песенного повествования и свидетельствует об эпичности стиля повествования.

В героико-исторических песнях илли сравнительно большое место занимает прямая речь героев. Это связано с тем, что характеристика всех персонажей осуществляется в основном через их прямую речь и действия. Описания действий традиционно занимает небольшое место в песнях илли. Предметом особого внимания сказитилей илли является внутренние размышления и переживания положительных героев. Речь героя, его обращения к своему сердцу, любимой девушке, к матери, другу, коню подчеркивают положительные черты характера песенного героя, его эпичность. Слова героя, его пожелания часто содержат в себе и основную идею илли.

Важным признаком поздней эпичности героико-исторических илли является то, что прямая речь героев приобрела формульный стереотипный характер. Наблюдается приуроченность появления в повествовании отдельных песенных персонажей и их типизированной прямой речи к определенным этапам развития сюжета. Так, мать героя обращается к своему сыну-герою илли с традиционным напутствием в самом начале песни перед отправлением героя в поход:

«– Ладог1ал, цхьанделхьа, шен жима Биболат,
Ши-кхо дош дара шен хьоьга ала,
Цу шеран исс баттахь хьо кийрахь лелийна,
Шеран шийтта баттахь аганахь техкийна,
Буьйсана йижчохь хьо кога техкош,
Ша хьуна ийхьина и хьанал к1ай кхача
Хьакхий ц1ий ва санна хьарам бо ша хьуна
Туьрна аг1о ахьа озахь,
Тоьпашна белаш ахьа озахь…
Таханлераниг санна долчу дийнахь лата вина ша хьо,
Леттачу меттахь вала вина ша хьо--»
«– Послушай, мой маленький Бийболат,
Несколько слов есть у меня,чтобы тебе сказать,
В эти девять месяцев в году в своей утробе поносив,
Двенадцать месяцев года тебя в люльке качая,
Ночью, когда засыпала, тебя в люльке покачивая,
Мною тебе преподнесенную эту благодатную белую пищу
Подобно крови свиньи проклинаю для тебя,
Если от сабли свой бок ты отворотишь,
Если от ружей свое плечо ты отворотишь,
В такой день, как сегодня, чтобы ты сразился родила я тебя,
Чтобы в том месте, где сразишься, ты погиб, родила я тебя»

Мать делает напутствие герою только в том случае,если перед ним стоят крайне тяжелые и опасные испытания. Герой илли не может уступить врагу. Если понадобится, он не должен жалеть и свою жизнь за правое дело – вот лейтмотив пожелания матери. Она не имеет никого в этом мире кроме единственного сына, которого она с большим трудом воспитала. Но даже его жизнью она готова пожертвовать ради торжества справедливости и чести. Мать героя обосновывает свое право выдвигать перед сыном ряд требований, выполнение которых является обязательным для последнего. Подобная мотивация действий героя также является особенностью позднего эпоса.

Устойчивый формульный характер приобрело в героико-исторических илли обращение героя к своему коню:

«– Буьйсанна наб йоцуш, дийнахь тем ва боцуш,
Кху денна кхаьбна ас хьо, жима расха дин,
Х1инца ели ва хьуна со идон ва меттиг,
Ахь х1инца къийсалахь лечанца ва идар,
Ахь х1инца къийсалахь лоьмаца ва лелхар»
(– Днем и ночью без сна и покоя,
Для этого дня воспитал я тебя, маленький гнедой конь
Теперь ты можешь побегать ради меня,
Ты теперь соревнуйся в беге с соколом,
Ты теперь соревнуйся в прыжках со львом)

Герой обращается к коню с речью после выезда из села, когда ему необходимо срочно прибыть на место, где развернется сражение с врагом. Он взывает к своему душою чистому коню как к разумному и думающему существу, имеющему способность понимать речь, но не имеющему языка, чтобы ответить. Возведение боевого коня в ранг самого дорогого и надежного друга, понимающего мысли и чувства героя – жанровая примета позднего героико-исторического эпоса илли. В этом песенном мотиве проявляется преемственное развитие известного эпического мотива единства героя со своим конем в жанре илли.

Сам мотив разлуки героя со своим конем является сюжетообразующим. Герой илли не задумываясь готов пожертвовать своей жизнью ради спасения своего коня. Вместе со своим конем, которого герой любит и лелеет, они представляют неразрывное единство. Они настолько привязаны друг к другу, что могут умереть от тоски, если их разлучат.

Формульный характер приобрели в жанре героико-исторических илли и обращение героя к Тереку, а матери героя к врачам. В первом случае герой просит бурную и своенравную реку принять его как редкого гостя и с миром пропустить через себя. Во втором обращении содержится призыв-угроза матери к врачам, которые при большом напряжении сил всегда могут вылечить тяжелораненого героя.

В этом опять таки проявляется существенная разница между богатырским героическим эпосом и поздним песенным эпосом. В первом герой по своей природе неуязвим, он обладает невероятной силой и могуществом. Богатырским предстает и его конь, который советует герою и помогает ему одолеть врагов.

Герой позднего эпоса илли предстает более реалистичным. Ему свойственны внутренние переживания и размышления.Он побеждает многочисленных врагов прежде всего благодаря своим личностным качествам: стойкости, мужеству и силе духа.

При этом он уязвим, получает большое количество ранений. Герой позднего эпоса илли как правило не погибает, его вылечивают.

Анализ композиционного строения перечисленных выше песенных позднеэпических мотивов («напутствие матери», «обращение к коню», «обращение к Тереку», «обращение к врачам»), встречающихся в прямой речи песенных персонажей, говорит о том, что им присуща устойчивая композиционная модель. В первой части обращения герой (мать героя) как бы обосновывает свое право на просьбу-пожелание, а во второй части формулирует ее. В этом находит свое выражение один из важнейших морально-этических принципов жанра илли, связанный с представлениями об идеальном герое и героическом. Этот принцип один из сюжетообразующих, ибо он находит свое выражение не только в общей схеме строения мотивов, но и в их внутренней целостности и однородности, что говорит в пользу системности жанра.

В процессе эволюции позднего эпического жанра героико-исторических илли в нем под воздействием народных представлений об идеальном облике героя выработалась целая система стереотипных мотивов, используемых сказителями при описании действий героя в процессе подготовки к походу или сражению, а также при описании самого боя или сражения героя с многочисленными врагами. Для иллюстрации поздней эпичности героев илли приведем некоторые примеры этих мотивов.

Все действия и движения песенного героя быстры и динамичны. Они передаются через устойчивые сравнительные обороты, которые приобрели формульный характер. Так, герой среди ночи внезапно просыпается от тяжелого сна:

«Син метта топ кхетта ц1ен экха санна,
Т1ехьа ши куьг тухуш, хьалаиккхир, тов,»
(Подобно раненому в душевное место красному зверю
Сзади двумя руками ударив, вскочил)

Он быстро готовит коня к походу и кружась садится на него:

«Бухь бойначу попа т1е дай куьйра санна,
Дин хьоьвзаш ша таь1аш хиир,тов, »
(На тополь со сломанной вершиной садящемуся легкому
ястребу подобно,
С конем кружась сам пригнувшись сел…)

При описании подготовки героя к походу в спокойной обстановке сказители используют обычно формульное описание, подчеркивающее тщательность подготовки героя к походу:

«Дуьгуш нускал санна сира дин кечбина,
Хаза йо1 санна ша сиха кечвелла»
(Увозимой невесте подобно гнедого коня приготовив,
Красивой девушке подобно сам быстро приготовившись…)

В такой ситуации величественным и степенным изображается и выезд героя из своего села:

«Дуьне дуьтуш д1абузу дашо малх санна,
Юьрт ютуш, юьртаха къаьстира и Жумин Акхтула»
(Мир оставляя закатывающемуся солнцу подобно,
Село оставляя,от села отделился этот Актула, сын Жумы).

После традиционного формульного обращения героя к своему коню, последний быстро переносит его к месту основных событий. Здесь сказители обычно используют формульное описание стремительного бега коня:

«Йочанан махо идон чан санна,
Сирчу дино вадийна валийра»
(Ветром непогоды гонимой метели подобно,
Гнедым конем быстро перевозимый).

Могущество коня фиксирует другая формула:

«Архаш юхаозийча – мархашка те1аш,
Архаш малйича – лаьтта бахарна кхоьруш»
Ша ида белира са ц1ена и гила»
(Когда поводья натянешь – к облакам протягиваясь,
Когда поводья ослабишь – боясь, что в землю войдет,
Скакать начал душою чистый конь).

Бег коня настолько стремителен и могуч, что он почти не управляем. Об устойчивости позднеэпической формулы могушества коня говорит его наличие в переосмысленном виде в песнях илли пародийно-шуточного характера. В этих песнях традиционные формулы сохраняют свою поэтическую форму, но меняют эстетическое назначение и смысл на противоположный. Описание,которое

создает идеальные героические представления о песенных персонажах, становится средством высмеивания и иронии над героем пародийных илли. При этом важное значение имеет то обстоятельство, что слушателям знакомы традиционно-героические формульные описания. Знание этого контекста усиливает иронический характер пародийных илли. Так, в илли «О трусливом Ганжаби» описание стремительного бега старой «душою нечистой клячи» передается при помощи переосмысленного мотива могущество коня:

«Архаш юха озийча аркъал божарна кхоьруш,
Архаш малйича аг1ор божарна кхоьруш,
Ша техка белира и са ц1ена боца гила».
(Когда поводья натянешь – навзничь упасть боясь,
Когда поводья ослабишь – набок упасть боясь,
Качаться стала она, душою нечистая кляча).

В целом, наличие в чеченском фольклоре целого пласта пародийно-шуточных илли с переосмысленными формульными описаниями говорит об эволюционной завершенности развития позднего эпического жанра илли (от героического к пародии).

Для эпической идеализации главного героя в жанре илли выработаны формулы, описывающие бой или сражение героя с многочисленными врагами. Бой – обычно главный подвиг героя, после боя он получает возможность решить свои задачи и жениться на любимой девушке.

В других илли герой возвращает угнанную добычу или отражает нападение врагов на родное село, освобождает плененную сестру или привозит невесту для друга. При описании боя эпическая идеализация достигает своей кульминации. Здесь сказители пользуются гиперболой и условностью для создания картины сокрушительного разгрома вражеских сил. Герой и его конь изображаются в движении. Они едины в своих действиях и взаимно дополняют друг друга:

«Хьалха нисвелларг дино х1аллаквеш,
Улло нисвелларг туьраца цостуш,
Ведда вала воьлларг мажаре лоцийтуш,
Гила барзо дохийна 1аьржа деций санна,
И элий орца дохийна даржийра цо».
(Впереди оказавшегося конем сокрушая,
Рядом оказавшегося саблей рассекая,
В сторону убегающего мажаром (кремневкой) сжигая,
Поджарого волка испугавшимся черным овцам подобно,
Эту княжескую погоню разбив развеял он) (1ахи Темаркъи илли).

Данное описание боя является устойчивой словесно-художественной структурой, которая встречается во многих героико-исторических илли в различных вариациях. Она создает образ монументального эпического героя, от которого не могут спастись многочисленные враги.

В некоторых песнях илли герой ведет бой без коня. Для такой ситуации в жанре выработано устойчивое описание ружейного боя, которое также имеет формульный характер. Герой стреляет из кремневого мажара:

«Доггах хьажийна тоьхча кхоъ цхьаьна вожош,
Ларамза тоьхча шиъ цхьаьна вожош…»
(От души (прицелившись) выстрелив – троих вместе сбивая,
Невзначай выстрелив – двоих вместе сбивая…)

В целом эта формула отражает значительно возросшие, по сравнению с луком и стрелами, возможности огнестрельного оружия и отдельного воина, владеющего этим оружием, и имеет в своей основе исторические реалии. Песенный ружейный бой может продолжаться долгое время.

Сама продолжительность боя с врагами используется сказителями для создания идеальных героических представлений о герое. В репертуаре сказителей илли есть специальная формула, которая передает длительность боя во времени:

«1уьйранна болийна т1ом суьйренга белира,
Суьйранна болийна т1ом 1уьйренга белира».
(Утром начатый бой до вечера продолжился,
Вечером начатый бой до утра продолжился).

В результате жестокого и продолжительного боя герой получает тяжелые ранения, которые описываются при помощи заимствованной из нарт-орстхойского эпоса формулы «жестокость боя». Героико-эпическая направленность песенного жанра илли благоприятствует восприимчивости, заимствованию традиционного эпического мотива из нарт-орстхойского эпоса и его адаптации в условиях поздней эпической жанровой системы илли:

«Дина оьху и чуьйраш архашца сецош,
Шен оьху и чуьйраш доьхкарца сецош,
Ша ц1ехьа вирзира,тов, ваша воцу Хьоччукъа»
(У коня вываливающиеся эти кишки подпругами сдерживая,
У себя вываливающиеся эти кишки поясом сдерживая,
Сам домой возвратился брата не имеющий Хоччука).

Заимствованная из эпоса формула органически входит в героико-историческую песню и становится устойчивым элементом ее поэтического языка.

Безусловно, система поэтических формул и мотивов позднего эпоса илли далеко не исчерпывается перечисленными выше примерами, которые мы выбрали,чтобы создать самое общее представление об эпической направленности жанра героико-исторических илли, становление которого было прямо связано с этногенезом в XIV-XVIII веках чеченского народа.

Наличие и выработанность в песенно-поэтическом жанре илли перечисленных выше мотивов в виде «общих мест» и поэтических формул позволяет нам определить илли как эпические произведения, повествующие об идеальном воине-защитнике села, вдов, сирот и всех обездоленных. Однако эта эпичность песенного жанра имеет поздний характер. И в этом заключена не менее важная и проблемная сторона вопроса. При его решении нам представляется необходимым использовать опыт определения исторической песни в русской и советской фольклористике.

Так, опираясь на этот опыт, можно определить такие жанровые приметы позднего героико-исторического эпоса:

1. Насыщенность социальными мотивами;

2. Стремление к конкретному историзму и реальностному изображению действительности;

3. Наличие в позднем эпическом жанре илли лирических элементов и взаимодействие с лирикой;

Если о мифологии и нарт-орстхойском эпосе можно и нужно говорить как об общем достоянии далеких предков чеченского и ингушского народов, то по жанру илли, который в фольклористике принято называть героико-историческим, ситуация обстоит по иному.

Прежде всего, потому, что жанр этот является «поздним» эпосом (термин Б.Н. Путилова) и отражает в художественно преломленном виде исторические события последних столетий, в том числе и формирование чеченского народа.

Так, начиная со второй половины XIV века в результате поражения хана Тохтамыша и разрушения Золотой Орды, ухода с Северного Кавказа войск завоевателя Тамерлана (Тимура Хромого) подавляющее большинство горных нахских//нахчийских обществ начало интенсивное освоение плоскостных

районов вдоль всех основных рек Чечни и их притоков (Асса, Марта, Г1ой, Фортанга, Соьлжа, Орга, Терк, Хулхулау, Ясса и др.).

Владетелями плоскостных земель являлись кабардинские (черкесские), кумыкские, калмыкские, ногайские князья. С ними вели ожесточенную борьбу за землю и независимость представители горных нахских обществ, которые основывали на плоскости новые села со смешанными тайпами (фамилиями).

В процессе этой народной борьбы нахских племен за плоскостные земли с XIV по XVIII века произошло формирование нохчийн къам – чеченского народа:

Сформировался плоскостной диалект нахского языка, получивший название нохчийн мотт – чеченский язык;

Сформировался народ с самоназванием нохчий – чеченцы;

Оформилось общее монистическое религиозное мышление – все чеченцы стали мусульманами;

На плоскости выработался народный этикет «нохчалла» идеального поведения чеченца на основе сочетания древних морально-этических представлений нахов с требованиями ислама. В основе этого этикета легли такие понятия как г1иллакх и оьздангалла – приличие (воспитанность, вежливость) и нравственность, благородность, скромность;

На плоскости из представителей различных горных нахских обществ сформировались села (сельские общины) со своими земельными границами;

В хозяйственном укладе плоскостных сел доминирующую роль занимает так называемая малая этнографическая семья, которая имела свой собственный участок внутри села и право на паевую долю в общем сельском посевном и сенокосном земельном наделе. Земельная доля семьи ежегодно менялась в результате жеребьевки и в месте расположения, и по размерам в зависимости от количества едоков;

Руководил селом выборный юьртан да (отец села) во взаимодействии с юьртан тхьамданаш (сельскими старейшинами), которые представляли все фамилии (тайпы) села.

В чеченском обществе возник и утвердился институт военных предводителей бячча, которые организовывали отпор внешней угрозе и походы за х1онц (добычей), большая часть которой доставалась бячча по действовавшему в то время обычному праву чеченцев;

В крупных сельских общинах для общего руководства и ведения внешних связей за плату приглашались представители княжеских фамилий соседних народов (например, аварские князья Турловы, которые правили в Чечен-ауле). Предания повествуют также о том, что и из среды самих нахских обществ объявлялись князья, но их свергали и изгоняли (юьртах ваккхар – отлучить от села) сами сородичи;

Процесс формирования на плоскости чеченского народа (нохчийн къам) в XIV – XVIII веках способствовал возникновению эпической среды и становлению института народных сказителей илланча, формированию позднего в стадиальном отношении эпического жанра илли в виде напевных героических сказаний, которые привыкли называть героико-историческими песнями.

Небольшая часть нахских обществ, расположенных на западе и находящихся под влиянием грузинской христианской церкви, согласно историческим документам, фольклорным преданиям и легендам, движение на плоскость начала с последних десятилетий XVIII века, когда эти общества добровольно вошли в состав Российской империи. Эти общества с помощью Российской империи образовали ингушский народ, который не принимал участия в национально-освободительной борьбе горцев Северного Кавказа и Дагестана, известной в истории как Кавказская война.

Перечисленные жанровые приметы могут оказаться узловыми направлениями предстоящих специальных исследований под углом зрения поздней эпичности и историчности илли, что в свою очередь приведет к существенному увеличению самого перечня жанровых примет.

Литература:

1. См: Татаева С.В. «К вопросу о записях и публикациях произведений чеченского музыкального фольклора в 1-й половине XIX века». В кн: Взаимоотношение народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI-начале XX века. ЧИИИСФ, Грозный, 1981, с.142-148.

2.Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб, 1895, с.66-67.

3.Ипполитов А. Этнографические очерки Аргунского округа. Сборник сведений о кавказких горцах. (ССКГ), вып.1, Тифлис, 1868, с.27-36.

4. «Былина о Малсаге назрановце» записана Ибрагимом Магомаевым под руководством Таштемира Эльдерханова и опубликована вместе с другой песней и сказаниями в кн.: «Сборник для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК) Вып.22, Тифлис, 1897, с.2-4.

5. См.: Нажаев А., Ибриев С. «Нохчийн иллеш» (Чеченские илли), Грозный, 1926; Нажаев А. «Нохчийн иллеш, хабарш, кицанаш» (Чеченские илли, рассказы и пословицы), Владикавказ, 1927; «Нохчийн иллеш, эшарш» (Чеченские илли и лирические песни) Составители: З. Джамалханов и С. Эльмурзаев. Грозный, 1959 и др.

6. Называя чеченские илли героическими песнями известный революционер и публицист А. Шерипов выделял в них «три части», песни о богатырях (Турпалкант), песни исторические и «абреческие песни» конца XIX- начала XX века. См.об этом: Шерипов А. Статьи и речи. Сборник. Изд.2-ое,исправленное и дополненное. Чеч. Инг. кн. изд-во, Грозный, 1972, с. 65-69.

7. Ошаев Х.Д. К истории возникновения чеченских героико-исторических песен. Известия Чечено-Ингушского НИИЯЛ, т. 2, вып. 1. Грозный, 1960, с. 81-94.

8. Вагапов Я.С. Чечено-Ингушские эпические песни XVI-XVIII вв. Автореф. канд. дисс. филол. наук, Махачкала, 1968. Называя илли чечено-ингушскими, Я. Вагапов следовал объединительной традиции при рассмотрении истории,этнографии, фольклора и языка чеченцев и ингушей. Эта традиция нашла свое отражение и в названии кандидатской диссертации И.Б. Мунаева «Поэтика чечено-ингушских героико-исторических песен илли (проблема формирования жанра и его системные связи)». Подобный объединительный подход к фольклору и этнографии чеченцев и ингушей был заложен еще в XIX веке первым ингушским просветителем Чахом Ахриевым и продолжен в XX веке чеченскими и ингушскими учеными: З. Измайловым, З. Мальсаговым, Д. Мальсаговым, Х.Д. Ошаевым, Я.С. Вагаповым, У.Б. Далгат, А.О. Мальсаговым, И.А. Дахкильговым И.Б. Мунаевым и др. К сожалению, отдельные современные ингушские исследователи в начале XXI века во главе с профессором И.А. Дахкильговым предали забвению эту традицию и опошлили ее.

В ингушском фольклоре получил свое развитие типологически близкий с чеченскими героико-историческими илли прозаический исторический эпос, преемственно связанный с нарт-орсхойским героическим эпосом. Отметим, что ни одного ингушского героико-исторического илли ни Я. Вагапов, ни И. Мунаев в своих диссертационных исследованиях рассматривать не могли, так как не было аутентичных ингушских текстов.

9. М. Мамакаев и Н. Асанов. Предисловие. В кн.: Поэзия Чечено-Ингушетии. М., Худ. лит-ра, 1959, с. 5-13.

10. Белинский В.Г. ПСС, т. 5, с. 307.

11. Костомаров Н.И. Об исторической значимости русской народной поэзии. Харьков, 1843, с. 92.

12. Бессонов П.А. Комментарии к «Песням, собранным П.В. Киреевским» – В кн.: Песни, собранные П.В. Киреевским, вып. 7, М., 1868, ч. 2, с. 89.

13. Речь идет об исторических песнях : «Гнев Грозного на сына», «Щелкан Дудентьевич», «Кострюк». Эти русские исторические песни типологически близки и сопоставимы с чеченскими героико-историческими илли.

14. Вейнберг П.И. Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном. СПб., 1908, изд. 2-ое, с. 135.

15. Веселовский А.Н. Две варшавские диссертации. «Вестник Европы».СПб., 1872, т. V, с. 911.

16. Русская устная словесность, т. 2. Былины.Исторические песни. Под ред. М. Сперанского. М., 1919, с. 5.

17. Путилов Б.Н. Исторические песни XVI-XIX вв. на Тереке. Дисс. на соиск. канд. филол. н. Л., 1948, с. 6.

18. Астахова А. Исторические песни русского народа. В кн.: Северные исторические песни. Под ред. А. Астаховой. Гос.изд.-во Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1947, с. 5.

19. Емельянов Л.И. Отражение исторической действительности в фольклоре. Дисс. на соиск. канд. филол. н. Рукопись. Л., 1958, с. 278.

20. Пропп В.Я. Фольклор и историческая действительность. Избранные статьи. М., Наука, 1976, с. 61.

21. Там же, с. 112.

22. Путилов Б.Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., Наука, 1971, с. 279; См.: его же, Героический эпос черногорцев. Л., , Наука 1982, с. 176.

23. Путилов Б.Н. Типология фольклорного историзма. В кн.:Типология народного эпоса. Сб. ст. под ред. В.М. Гацака. М., Наука, 1975, с. 168.

24. Гацак В.М. Предисловие. В. кн.: Типология народного эпоса. М., Наука, 1975, с. 4..

25. См.: Мальсагов З.К. Чеченский народный стих. В кн. Избранное. Пьесы и статьи. Предисловие В.Б. Корзуна. Грозный, Чеч.-Инг. кн. изд.-во, 1966, с. 55-79; Ошаев Х.Д. К истории возникновения чеченских героико-исторических песен. Известия ЧИНИИИЯЛ, т. 2, Выпуск 1, История, Грозный, 1960, с. 81-93.; Вагапов Я.С. Образ одинокого героя в чечено-ингушских героико-эпических песнях. Известия ЧИНИИИЯЛ, т. 5, Выпуск 3, Литературоведение, Грозный,1968, с.95-116.

26. Путилов Б.Н. Русский и южнославянский героический эпос,с.281.

27. Далгат У.Б.Героический эпос чеченцев и ингушей.Исследование и тексты. М., Наука, 1972, 467с.

28. См.: Мальсагов А.О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1970.

29. Мунаев И.Б. Трансформация древнеэпического мотива богатырского рождения в героико-исторических илли. В кн.: Интернационализм и атеизм в литературе и фольклоре чеченцев и ингушей. Грозный, 1979, с. 86-99; Его же: Функции эпических мотивов в героико-исторических песнях илли. В сб. Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Том 3, ч. 2. М., 1978, с. 119-120; Его же: Чечено-Ингушские героико-исторические илли как поздний эпос. В кн.: Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа.Сб. науч. тр. ЧИИИСФ под. ред. У.Б. Далгат. Грозный, 1988. с. 41-52; Его же: «Общие места» в Чеченских героических песнях илли. В журн. «Орга», Грозный, 1979, №4 на чеч. яз.

30. Мунаев И.Б. Поэтическая стереотипия и вопросы жанровых разновидностей илли. В кн.: Поэтика Чеченских героических песен илли. Сб.науч.тр.ЧИИИСФ под ред. И. Мунаева. Грозный, 1983, с. 8-21; Мунаев И.Б. Поэтическая система эпитетов в героико-исторических илли. В кн.: Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен илли.Под ред.И.Мунаева. Грозный, 1984. с. 9-25

31. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М., Наука, 1972, с. 210.

32. Путилов Б.Н. Героический эпос черногорцев., с. 169.

33. Нохчийн иллеш. Т. 4. Х1оттийнарш: С. Эльмурзаев, Я. Вагапов. Соьлж-Г1ала.: 2005. 368 34.Далгат У.Б. Типовые черты нартского эпоса //Типология народного эпоса. Сб. научн. ст. Отв. ред. В.М. Гацак. М., Наука, 1975, с. 232.

35. Виноградов В., Умаров С.У колыбели народов. «Грозненский рабочий» от 13 октября 1986 г.

Публицистика

Абубакар Манкиев

Об одной оценке личности А.Г. Авторханова и его роли в «чеченских событиях» конца XX века

Системные деструктивные процессы в рождающейся в конце XX в. новой Российской Федерации по многим причинам и обстоятельствам привели к широкомасштабной продолжительной войне на ее территории, а именно в Чечне. В этой связи чеченцы как этнос оказались в фокусе внимания не только в России, но и во многих государствах мира. Публикаций и исследований по этой тематике не счесть, и они продолжают расти, развивая полемику по поднимаемым вопросам. Они, естественно, охватывают и видных (или выдаваемых за таковых) акторов рассматриваемых событий. Здесь уже речь идет о конкретных личностях со своими государственными, этнонациональными, фамильными корнями, потомками, родственниками и т.д. Поэтому та или иная оценка (особенно политическая) таких личностей имеет принципиальное практически не преходящее значение и актуальность не только для них самих, но и для широкого круга других людей, а порой даже этноса и государства – в зависимости от конкретных условий и масштабности личности. Понятно, что это повышает ответственность авторов таких оценок, требует от них предельной объективности, основательности и безукоризненности.

Однако, к сожалению, не редки случаи, когда отношение чеченоведов к этому общеизвестному и не очень сложному для реализации, но принципиального значения научно-нравственному императиву, оставляет желать много лучшего. К их разряду, на наш взгляд, относится и оценка, указанная в заголовке настоящей статьи. Это тем более достойно сожаления, что ее автор – В.А.Тишков, известный не только в России ученый-историк и этнолог с престижным социальным статусом директора Института этнологии и антропологии РАН.

Он заявляет, что «в оценке имени» А. Авторханова и его роли в событиях конца XX в. в Чечне расходится «с общепризнанными высказываниями» [1:132]. Понятно, что подобное заявление и конструирование с такой позиции своей особой оценки этого «имени» и его роли повышают требования к качеству ее аргументации.

Попытаемся разобраться, какова она на самом деле. Ее автор пишет, что «самая дальняя версия (событий в Чечне. – А.М.) была, пожалуй, не менее мощной по своей предписательной силе, чем отечественная, российская» [1:199]. Отметив, что «чеченская диаспора в дальнем зарубежье немногочисленна и не так влиятельна, как, скажем, армянская или украинская», он продолжает: «Но среди нее выделяется одна фигура, которая оказала особое влияние на ситуацию в Чечне. Это политолог и историк-советолог АбдурахманАвторханов, автор нескольких книг, в том числе по проблемам российской колониальной политики и сталинских депортаций. (В другом месте А. Авторханов называется «почтенным и уважаемым в научных кругах чеченским политологом» [1:132]. (Эта страница, правда, почему-то не значится в «Указателе имен» книги В.Тишкова в числе страниц, на которых упоминается А. Авторханов). Его книга «Империя Кремля» была одной из первых в период перестройки переведена и издана на русском языке». Здесь же приводится мнение «дудаевского министра промышленности и финансов» Т. Абубакарова о том, что «Авторханов был для Дудаева главным из зарубежных авторитетов» [1:200].

Такова «визитная карточка» А.Авторханова, изготовленная В. Тишковым. Уже в ней отразились и отношение ее автора к А. Авторханову, и его виды на него. Казалось бы интересы более убедительного звучания тезиса об «особом влиянии на ситуацию в Чечне» А. Авторханова, то есть, интересы самого автора, требуют, чтобы эта «фигура» выглядела адекватной такому

влиянию: масштабной и именитой. Однако иные соображения оказались для автора сильнее целесообразности и совпадающей с ней объективности. В результате А.Авторханов, якобы оказавший «особое влияние на ситуацию в Чечне», находясь за тридевять земель от нее, предстал всего лишь как «автор нескольких книг». На самом деле, А. Авторханов – доктор политических наук, автор более 300 публикаций, в числе которых около 20 книг, изданных на русском, английском, немецком, французском, испанском, арабском, китайском, японском языках [2:8, 24. Подсчет книг наш. – А.М.]. Это, как видно, качественно иное, чем «автор нескольких книг».

В эмиграции на Западе (с января 1943г.) А. Авторханов посвятил себя советологии, исследованию и критическому анализу истории советского социалистического государства и его трансформации в тоталитарную тиранию, деятельности ряда его руководителей. Он был среди учредителей (бывшие советские ученые, профессора Яковлев, Филлипов, Кратон, Ниман и др.) «Института по изучению истории и культуры СССР», созданного в 1950 году в Богенхаузене, издавал (при поддержке представителей белоэмиграции) журнал «Северный Кавказ». В статье А. Авторханова, опубликованной в первом номере этого журнала (октябрь 1951г.), в частности, было сказано: «Сегодня история показывает, что свобода русского народа есть предварительное условие свободы других народов СССР…» [2:9]. Для этого, как известно, необходимо было освободиться от тоталитаризма, что и доказал А. Авторханов в своих работах, обнажая античеловеческую сущность этого режима.

Научная, публицистическая и общественная деятельность А. Авторханова принесла ему широкую известность. Он оказался в поле внимания спецслужб, политиков, ученых и общественных деятелей ряда государств. Отношение к нему было неоднозначным, противоречивым. «Авторханова парадоксальным образом пытались представить то «агентом гестапо», то «агентом КГБ», то «агентом ЦРУ». С ним остро полемизировали и официальные советские ученые (М. Абдуллаев, Х. Боков и др.), и представители белоэмиграции (А. Керенский, И. Солоневич и др.), и представители западной советологии (Р. Шлюссер, Д. Армстронг, Д. Кеннан и др.), и «диссиденты» (Р. Медведев, Ж. Медведев и др.)». Копии некоторых сочинений А. Авторханова, тиражируемые «самиздатом», ходили по рукам среди московских студентов и творческой интеллигенции. «С 90-х годов в нашей стране практически все крупные журналы и газеты стали публиковать отрывки из трудов Авторханова, а некоторые его книги издавались большими тиражами». Тогда же (май 1992 г.) А. Авторханов избирается иностранным членом Академии естественных наук России по секции «Гуманитарные науки» [2:8-9].

Таким образом, тишковская «визитная карточка» А. Авторханова требует серьезной корректировки. Тогда становится более понятным, какую фигуру Дудаев презентовал в качестве главного для себя из зарубежных авторитетов. Делал он это не потому, что был готов изменить свои намерения и следовать рецептам А. Авторханова и не потому, что императивом последних якобы, был путь вооруженной борьбы за свободу, как утверждает В.Тишков (об этом подробнее – ниже), а потому, что очень нуждался в поддержке (или хотя бы в видимости поддержки) таких людей.

Дудаев, советский генерал с «архиотличной анкетой» («попытки найти на Дудаева хоть какой-нибудь компромат», предпринятые по обычной практике, когда он стал неугоден, «не увенчались успехом») [3:176], военный летчик 1-го класса, кавалер более 10-ти правительственных наград СССР, командовавший соединениями дальней авиации в Сибири, Афганистане и Эстонии, не имевший опыта политической деятельности, практически не живший в Чечне и толком не знающий ее, в начале 1990-х годов оставляет военную службу и приезжает в Грозный, точнее, он «с санкции Москвы был привезен» [3:4] туда с целью, относительно которой до сих пор бытуют различные предположения. Высокий и редкий среди чеченцев воинский чин, количество правительственных наград, профессия военного летчика «афганской закалки», бравый вид, умение

держаться на публике, уверенность в себе, манера говорить, убежденность, звучащая в эмоциональных выступлениях генерала производили впечатление. Действуя решительно и стремительно, он всеми правдами и неправдами (скорее, последними), не очень считаясь со своими московскими опекунами (во всяком случае, внешне) и опережая их «график» организует выборы и добивается, чтобы его объявили избранным Президентом Чеченской Республики. Это было неоднозначно воспринято населением республики и отвергнуто Верховным Советом РФ, который признал нелегитимными и «дудаевские» выборы, и Дудаева как Президента. По свидетельству А-Х. Кадырова, эти выборы на самом деле «не были легитимными, так как из четырнадцати районов в них принимали участие только шесть. То есть не было осуществлено волеизъявление народа» [4:87-88]. Шаткость положения Дудаева усугублялась действиями оппозиции, которая организовала бессрочный митинг в центре Грозного с требованием проведения референдума по статусу Чеченской республики и, по сути, отрешения генерала от президентской власти. Число участников митинга росло день ото дня, все напряженнее становилась общественно-политическая обстановка в республике.

Все это делало жизненно злободневным для Дудаева наращение сил поддержки. Соответствующая работа им и его командой велась по различным направлениям. Одним из них было стремление приобрести союзников в лице именитых, авторитетных чеченцев как в самой Чечне, так и в зарубежье. С ними устанавливались контакты, их всячески обхаживали, к эмигрантам чеченских корней ездили дудаевские эмиссары, приглашали их посетить Чечню, пели им дифирамбы, пытаясь добиться их расположения, а Дудаев даже публично заявил, что готов уступить А. Авторханову свою президентскую должность.

Однако подобная мобилизационная деятельность дудаевцев не имела сколько-нибудь заметных результатов, несмотря на их многочисленные оптимистические заявления и весь шум в подвластных им местных СМИ. Даже в начале в какой-то мере попавшие под влияние «модернизаторской» риторики Дудаева, поближе познакомившись с его социально-политической практикой и целями, сворачивали с пути в его стан. Так, например, поступили известный лингвист, академик АН Чеченской Республики, профессор Кати Чокаев, народный писатель Чеченской Республики Абузар Айдамиров, всемирно известный «чародей танца» Махмуд Эсамбаев и др. Подобные случаи в Чечне памятны по настоящее время. Их примеры приводит и В.Тишков: «Одно время Дудаев призывал в свои авторитеты очень влиятельного и известного духовного деятеля Абдул-Баки (этнический чеченец из Иордании – А.М.), члена и сопредседателя многих официальных исламских организаций.

В 1993 г. Абдул-Баки был приглашен посетить Чечню и после нескольких дней пребывания в республике выступил по местному телевидению с критикой положения в Чечне, в том числе и правящего режима, не исключая и президента. Он выразился примерно так: «Государство, в котором хотя бы один ребенок или взрослый – голоден, а правители – сыты, не может претендовать называться исламским. Тем более, если в этой стране ислам и чеченские адаты используются не на созидание, а на разрушение общества, закона и порядка. Это опасно и губительно прежде всего для самого чеченского народа». Через день Дудаев объявил Абдул-Баки «шпионом российских спецслужб», «вице-президентом мафиозных организаций мира», «вероотступником» и т.п. Его лишили присвоенного месяц назад звания «почетного гражданина Чеченской Республики». После этого даже упоминать имя Абдул-Баки в Чечне стало небезопасно.

Широкую известность получила фраза еще одного уважаемого человека в республике, бывшего муфтия Чечни Мухамедбашира-Хаджи. (Правильно: Магомед-Башир-Хаджи. – А.М.). На вопрос о причине ухода из муфтията он ответил: «Говорить правду – боюсь Дудаева, а говорить неправду – боюсь Аллаха». (По свидетельству Абдуллы Арсанукаева, директора Института развития образования ЧР, сына экс-муфтия Чечни, ответ его отца был таков:

«Говорить правду не дают люди (из окружения Дудаева – А.М.), говорить неправду боюсь Бога»). Он также был зачислен Дудаевым в число предателей и вероотступников» [1:254-255].

Охладел Дудаев и к А.Авторханову, убедившись в тщетности своих видов на него. Нежеланием именитых и уважаемых чеченцев быть «авторитетами» у Дудаева было обусловлено во многом тем, что, как верно отмечает В. Тишков, «скоро у него появились иностранные советники-авантюристы и разные самозваные борцы за свободу меньшинств и угнетенных народов за пределами собственных государств» [1:255].

В один ряд с ними В. Тишков ставит, по сути, и А. Авторханова. Конкретными источниками для характеристики взглядов и влияния последнего на события в Чечне у В.Тишкова являются несколько приводимых им цитат, в том числе из текстов самого А. Авторханова.

Обращаясь к одному из этих текстов А. Авторханова, В Тишков поясняет, «какое послание (руководству и народу Чечни – А.М.) исходило от престарелого чеченского эмигранта»: «Через радиостанцию «Свобода», личные послания Дудаеву и публикации в прессе, в том числе и чеченской, Авторханов в 1991 г. так определил события в Чечено-Ингушетии: «Это, по-моему, бунт детей в отместку за гибель своих отцов и матерей в адских условиях депортации в далекие, холодные, голодные Казахстан и Киргизию. Это всенародный протест против все продолжающегося господства старых структур власти в Чечено-Ингушетии. Это начало освободительной революции народа за свою независимость, независимость Северного Кавказа… Я не сомневаюсь как в идеализме Джохара Дудаева, так и в благородстве его национальных мотивов. *Но я против нового газавата. Я против повторения кавказской войны периода Шамиля, мы живем в новое время, в новых условиях и с новой Россией* (курсив мой – А.М.). Поэтому на основе адата горцев, когда старики пользуются привилегией давать советы молодым, я обращаюсь лично к вам, дорогой Джохар Дудаев. *Забудьте, пожалуйста, о газавате.* (Курсив мой – А.М.). Ищите наше спасение и свободу на тех же путях, на которых их завоевали окраинные республики бывшего Советского Союза «(Забудьте о газавате // Литературная газета. 1991 г. № 43)» [1:200]. Это первый из указанных источников.

Вслед за этим, сразу приводится следующая цитата из статьи «грозненского пенсионера А. Мудуева» в местной газете «Импульс» (1991 г. № 1): «Своим возрождением наш народ обязан в первую очередь мировому сообществу наций, передовой мысли людей, среди которых одним из первых значится и наш земляк Абдурахман Авторханов. Это благодаря ему и ему подобным честным и мужественным людям мир узнал истину о трагедии депортированных народов. На нашу реабилитацию партийная структура во главе с Хрущевым была вынуждена пойти. Полумеры тех далеких лет переплелись в клубок страданий и переросли в нестабильность сегодня, незаживающей раной отзываются эти полумеры для братского ингушского народа и аккинцев, как и для бывших горных районов Чечни, по сегодняшний день ждущих своего высочайшего признания» [1:200]. Это второй из отмеченных выше источников.

Далее следует резюме В. Тишкова этих цитат, сразу обеих, как единого целого: «Таким образом, несмотря на внешне миролюбивую риторику, *Авторханов формулирует открытый призыв к новому кругу дезинтеграции бывшего СССР, на сей раз путем отделения от России Северного Кавказа* (Курсив мой.– А. М.). Облекается этот призыв в идею освободительной революции. Эта идея оказалась позднее настолько непререкаемой, что подвергать ее сомнению уже было невозможно. Как пишет Таймаз Абубакаров, даже самая радикальная антидудаевская оппозиция не могла вырваться из этой идеологической парадигмы, что и было основным препятствием для становления социально-экономических основ чеченского суверенитета, который не мог существовать вне российского экономического пространства». Что же касается самого Дудаева, то он «стал не просто заложником курса на независимость, но и заложником этой идеи, доводимой до крайности, когда желанной становилась

независимость вообще как таковая, в том числе и от своего родного чеченского государства. Поражает также претензия представителей старшего поколения со ссылкой на адат и на право старейшин предписывать нынешнему поколению повестку действий. Со стороны Авторханова это был действительно реванш за пережитые им травмы, но только осуществлять его должны были уже чеченцы, лично не пережившие депортацию и другие преступления сталинского режима» [1:200-201].

Резюме поражает резким контрастом своему основанию – резюмируемому материалу и вольным обращением с ним. Составляющие его выводы не следуют из содержания цитат, из которых они сделаны (что аргументируется ниже). Поэтому не корректно начинать резюме с «логического мостика» «*таким образом*», уместного только при обусловленности выводов их основанием, если они вытекают из него.

В резюме сразу после «*таким образом*», позиция А. Авторханова объявлена «*внешне миролюбивой риторикой*». Это означает, на наш взгляд, подмену действительной позиции А. Авторханова, изложенной им самим, противоположной, по нашему мнению, бездоказательной, надуманной. А. Авторханов в приведенной цитате настоятельно *просит* Дудаева *забыть о газавате*, вооруженной борьбе за свободу, использовать только политические, только мирные средства, так как «*мы живем в новое время, в новых условиях и с новой Россией*» (курсив мой – А.М.). Причем у А.Авторханова – не призыв к этой борьбе, и не его призывом она была вызвана, а призыв не переступать рамки ее мирных форм, поскольку она уже охватила (как он считал) Северный Кавказ, как и другие «окраинные республики бывшего Советского Союза», завоевавшие свободу мирным путем. А. Авторханов был категорически «против повторения кавказской войны», против «свободы и независимости» «любой ценой». Для него был однозначно неприемлемым очевидно пагубный для чеченского народа лозунг «свобода или смерть», тем более, находясь в «новых условиях и с новой Россией». Именно в этом состояла принципиальная позиция А. Авторханова. Он выразил ее предельно четко и недвусмысленно, что, казалось бы, исключает возможность ее иной интерпретации.

Нельзя было и умолчать такую позицию А. Авторханова: она получила широкую огласку, так как о ней писали не только в местной (Чечня), но и всероссийской прессе, и была принципиально значима в оценке личности А. Авторханова, интерес к которой все более возрастал, особенно в Чечне и других северокавказских регионах. Думается, что именно это вынудило В. Тишкова отразить ее в приведенной им цитате. Однако признать ее такой, какова она есть на самом деле, он не мог: это исключало возможность создания замысленной им конструкции личности А.Авторханова. Но и обоснованно опровергнуть ее, на наш взгляд, было невозможно. Оставалось только одно: подмена действительной позиции А.Авторханова искусственной, вымышленной. Это именно и реализовано В. Тишковым.

Подлинная позиция А. Авторханова им голословно объявлена «*внешне миролюбивой риторикой*» и с порога, в первой же строчке резюме, отброшена. Сразу за этим, в том же предложении, словно компенсация отнятого, А.Авторханову делается «подарок» в виде следующего очередного вывода: «*Авторханов формулирует открытый призыв…к отделению от России Северного Кавказа*» (курсив мой – А.М.). В резюме далее сказано, что этот (якобы авторхановский) призыв «облекается в идею освободительной революции». А эта идея «оказалась позднее настолько непререкаемой», что ее заложниками стали даже Дудаев и «самая радикальная антидудаевская оппозиция».

Нет сомнения, что за этим мыслится «фигура Авторханова, которая (по В. Тишкову – А.М.) оказала особое влияние на ситуацию в Чечне»: резюме посвящено А.Авторханову; он употребил понятие «освободительная революция», говоря о своем понимании событий в регионе; эти составляющие резюме напрямую увязаны с указанным, якобы, призывом А. Авторханова и,

наконец, они адекватны характеру данного резюме. В резюме, таким образом, именно А. Авторханов представлен, по сути, как крестный отец событий, связанных с Дудаевым и, в конечном счете, обернувшихся войной в Чечне с ее жуткими последствиями. Сделано это искусственно.

Поскольку «формулирование открытого призыва» к сецессии Северного Кавказа А. Авторханову бездоказательно приписано, он никак не мог этот призыв в качестве своего облекать в какую-либо идею и, следовательно, обеспечить ей указанную в резюме необычайную непререкаемость. А. Авторхановым лишь сказано, что происходящее в регионе, *на его взгляд*, есть «начало освободительной революции народа за свою независимость, независимость Северного Кавказа…». Где здесь (или в другом месте рассматриваемой цитаты) у А. Авторханова *призыв* к отделению Северного Кавказа от России, и его облекание в идею освободительной революции? Да и будь у него такой призыв, зачем было его облекать в эту идею? Разве мобилизационный ресурс призыва к независимости Северного Кавказа уступает подобному потенциалу идеи освободительной революции? Если уступает, почему бы А. Авторханову не выступить с этой идеей сразу, до указанного призыва или без него? Что ему мешало сразу «взять быка за рога»? Эти вопросы естественны и лишний раз свидетельствуют, что А. Авторханов не был ни автором указанного призыва, ни причиной его трансформации «в идею освободительной революции». Не был он и агитатором этой идеи. И не его стараниями она приобрела абсолютную «непререкаемость». Было бы это не так, автор резюме представил бы конкретные доказательства справедливости своей (противоположной) точки зрения. Такие доказательства, однако, им не представлены.

Вообще-то «непререкаемость» идеи освободительной революции, трактуемой как отделение Чечни от России, а не как освобождение от партократии, явно гипертрофирована, о чем, например, свидетельствуют такие известные реалии, как надтеречная оппозиция, многомесячный массовый антидудаевский митинг на Театральной площади в Грозном, череда «усмирительных» вооруженных походов дудаевцев в населенные пункты республики и т.д.

Автора резюме «поражает также», наряду со всем вышеотмеченным приписанным им А. Авторханову, и «претензия представителей старшего поколения со ссылкой на адат и на право старейшин предписывать нынешнему поколению повестку действий». Именно так трансформирована просьба А. Авторханова к Д. Дудаеву забыть о газавате, вооруженной борьбе. Судя по всему, подобная реакция вызвана не столько просьбой как таковой и не формой ее выражения, сколько ее сутью, она не только не вписывается в образ А. Авторханова, замысленный В. Тишковым, но и делает его невозможным. Просьба в ее авторхановском изложении, без корректировки в духе «предписательности», никаких признаков «претензии» не содержит и не могла содержать: слишком различны статусы «действующих лиц» – «престарелый эмигрант» и преисполненный гордостью «генерал-президент». Она изложена адекватно случаю и менталитету чеченцев, кавказцев в целом, у которых уважение старших относится к ключевым традиционным ценностям.

Трудно предложить, что это не известно ученому – историку и российскому этнографу №1. Впрочем, вероятно, можно что-то и подзабыть, или ошибаться, когда не ведешь непосредственное исследование описываемого этноса [1:10], а описываешь этот этнос, глядя на него из окна далекого московского кабинета и черпая сведения о нем из источников сугубо субъективного характера: газетных публикаций «по поводу», случайно или по делу оказавшихся в кабинете у тебя лиц, так или иначе общавшихся с представителями этого этноса или сами являющиеся таковыми, «моих информаторов», «моих коллег», «моих знакомых», «моих сослуживцев» и т.д., вплоть до ненароком услышанного разговора пассажиров общественного транспорта. Возможны и другие причины, в том числе непреходящего характера, которые обычно не оглашаются.

В резюме одним из главных, если не главным, является вывод: «Таким образом, несмотря на внешне миролюбивую риторику, Авторханов формулирует открытый призыв… отделения от России Северного Кавказа».

Считаем этот вывод неверным, ибо он не следует из цитированного текста А. Авторханова. «Престарелый чеченский эмигрант (с января 1943 г. – А.М.), который никогда не видел современную Чечню и его жителей, а по некоторым данным, даже считал, что все чеченцы сгинули в депортации» (В. Тишков), высказал свое видение происходящего в Чечне и на Северном Кавказе, что сам и отмечает: «Это, *по-моему*… (Курсив мой – А.М.)». Из своего полувекового эмигрантского далека А. Авторханов увидел в этнополитических процессах в регионе: а) «бунт детей в отместку за гибель своих отцов и матерей в адских условиях депортации…»; б) «всенародный протест против все продолжающегося господства старых структур власти в Чечено-Ингушетии»; в) «начало освободительной революции народа за свою независимость, независимость Северного Кавказа…» от партократии, тоталитаризма. Так понял и воспринял бурные и громкие, особенно на фоне былой «спячки народов», события дезинтеграционной направленности, охватившие в условиях рассыпающейся «империи Кремля» Северный Кавказ (но не только), «немецкий политолог чеченского происхождения Абдурахман Авторханов» (В. Тишков).

Не понятно, где в этом «открытый призыв» к сецессии Северного Кавказа. Да, он использует, наряду с другими понятиями, и появившиеся задолго до него выражение «независимость Северного Кавказа». Однако едва ли надо доказывать, что упоминание, предположение или констатация какого-либо явления еще отнюдь не означает «открытого призыва» к нему. Это понятия, лежащие в качественно отличных друг от друга смысловых плоскостях. Игнорируя этот очевидный факт, А. Авторханову можно приписать, особенно учитывая обширность его научной и публицистической продукции, не только «формулирование» указанного «открытого призыва», но практически, все, что угодно, например, «холодную войну» между СССР и Западом, старческую немощь иных генсеков ЦК КПСС, протестные настроения в странах бывшего «социалистического лагеря» и т.д.

Подобным образом можно поступить при желании с любым автором, в том числе, естественно, и с самим автором «Этнографии чеченской войны», который, кстати сказать, не поскупился на «нелестные» характеристики для рассматриваемого им этноса, не без «дипломатичности» обильно используя для этого (кроме собственных) высказывания и мнения «моих» «источников», «информаторов», «собеседников» и т.д. Так что в этом плане в отношении данного автора придумывать что-либо нет необходимости, в отличие от того, как он это сделал в отношении А. Авторханова, приписав ему, в частности, «формулирование открытого призыва к… отделению от России Северного Кавказа».

Такой призыв, будь он у А. Авторханова на самом деле, был бы равносилен призыву к «повторению кавказской войны периода Шамиля», то есть призыву к тому, против чего он прямо и однозначно выступал. Ни подобного коренного изменения своей позиции, ни такой вопиющей логической несуразности допустить А. Авторханов не мог по определению, тем более в одном и том же небольшом абзаце. А. Авторханов как умудренный нелегким жизненным опытом человек и проницательный ученый-политолог с аналитическим складом ума был сторонником целостности «новой России». Вот что, например, по этому поводу сказано в статье доктора исторических наук, профессора Я. Ахмадова: «На пороге третьего тысячелетия рухнул «мир Гулага» (А. Солженицына – А.М.) и начал рассыпаться «мир империи Кремля» (А. Авторханова – А.М.). Однако здесь-то и возникли сложнейшие проблемы, ибо гибнущая идеократическая система увлекает за собой в пропасть и собственно российскую государственность.

Не случайно поэтому, что как А.Солженицын, так и А. Авторханов,

независимо друг от друга, пришли к выводу о необходимости сохранения целостности России и поддержки курса реформ, проводимого официальным руководством Российской Федерации. Так, в недавнем интервью газете «Завтра» А. Авторханов резко критикует Верховный Совет РФ (Председатель Р. Хасбулатов – А.М.) (ныне разогнанный) как «пробольшевистский» и, более того, в категорической форме выступает против раздробления России» (Курсив мой.– А.М) [5, с. 61].

Признал это как-то и сам В. Тишков: «Ряд видных чеченцев создали в США партию «Вайнах» и Северокавказский комитет в Америке, которые заняли позицию поддержки независимости Чечни, хотя некоторые его лидеры, как, например, АвторхановАбдурахман, известный историк и писатель, не поддержали курс на разрыв с Россией» [1:239]. Однако в контексте всего написанного им о последнем – это признание воспринимается лишь как обмолвка, но не как корректировка автором своей генеральной оценки А. Авторханова. Тем более, что на этой же странице своего сочинения автор пишет о его (А. Авторханова) якобы диаметрально противоположной позиции: «Заявление самого знаменитого чеченца-диссидента, проживающего в Мюнхене, о том, что «свободу независимой Чечни сумеют защитить с оружием в руках внуки тех, кто был выслан в 1944г. в Среднюю Азию в вагонах для скота», было обнародовано в Грозном во время празднования трехлетней годовщины чеченской революции. Этот акт оказал сильное воздействие, разжигающее воинственный дух дудаевцев и как бы дающее внешнее благословление на борьбу» [1:239]. Таков очередной «авторхановский» источник и его тишковский комментарий.

К сожалению, автор не указал «адреса» приведенной им цитаты. Поэтому нет возможности оценить ее в контексте, из которого она взята, что принципиально важно, ибо, как справедливо заметил еще М. Горький, за «дай Боже», вырванное из контекста, любого можно подвести под виселицу» (в условиях господства идеологии воинствующего атеизма – А.М.). Между тем, А. Авторханов полагал, что реальной угрозой «свободе» Чечни чреват «курс на разрыв с Россией». Поэтому он не только не давал, даже «как бы» «благословения» на вооруженную борьбу с Россией, но, напротив, как было показано выше, настойчиво просил и убеждал Дудаева не становиться на такой путь. Что касается «драйвового» стиля автора и набора «крепких» терминов и их сочетаний («обнародовано», «сильное воздействие», «разжигающее», «воинственный дух», «благословение на борьбу»), они не способны компенсировать дефицит аргументов и фактов. Не в этом ли причина отсутствия в «указателе имен» книги В.Тишкова в перечне страниц, где упоминается А. Авторханов, страницы 239, на которой сказано о его несогласии с «курсом на разрыв с Россией»?

Однако вернемся к рассматриваемому резюме В.Тишкова. Очередным выражением его надуманности служит и следующее умозаключение, сделанное на основе отмеченной выше не существующей «претензии» Авторханова: «Со стороны Авторханова это был действительно реванш за пережитые им травмы…» от сталинского режима. Обозначенная здесь «реваншистскость» А. Авторханова тут же, в самом начале следующего предложения (оно не входит в само резюме) трансформирована в утверждение: «Идеология реванша происходила *и от других внешних подсказчиков*…» (Курсив мой. – А.М.) [1, с. 201]. Значит, от Авторханова она «происходила» точно.

Вот такими приемами А. Авторханов превращен в идеолога реваншизма и «внешнего подсказчика» с претензиями «предписывать нынешнему поколению повестку действий» – вооруженную борьбу. Ясно, что эти «подсказки» и «повестка», будь они на самом деле, по определению не могли бы не соответствовать приписанной ему идеологии, то есть не быть по своей сути реваншистскими. Это было бы равносильно подстрекательству, призыву к «газавату», вооруженной борьбе, против чего А. Авторханов открыто и прямо выступал, что мы уже не раз подчеркивали. Поэтому безосновательно стремление приписать А. Авторханову намерение осуществить «реванш за

пережитые им травмы» от сталинского режима руками чеченцев, лично не переживших его (этого режима) преступления, то есть бросить их на массовый убой. Тем более, что А. Авторханов находился в «здравом уме и твердом рассудке». Во всяком случае, в резюме не содержится открытого утверждения обратного.

Если А. Авторханова действительно следует понимать, как в резюме, естественно возникает вопрос, почему бы ему свою позицию, включая и «идеологию реванша» не изложить так, чтобы она была правильно понята без переводчиков и подсказчиков теми, кого он в отместку за себя, якобы, стремился поднять на «смертный бой»? Кого или чего он опасался? Излагал же он открыто и понятно свою резко критическую позицию в отношении «империи Кремля» и ее хозяев еще при их жизни и всесилии.

На самом деле, подобным образом он поступил и со своей позицией в отношении событий в Чечне: изложил ее открыто и максимально доступно, понятно, без оговорок и недомолвок. И в первом, и во втором случаях А. Авторханов одинаково находился вне России. Однако он, понятно, никак не мог в какой-либо форме (открыто или завуалировано, прямо или «по-эзоповски») огласить позицию, придуманную для него в резюме в пику его собственной и ему глубоко чуждую.

Так выглядит «соответствие» этого резюме первому из его вышеуказанных столпов – тексту самого А. Авторханова.

Вторым из них является приведенная выше цитата из газетной статьи «грозненского пенсионера». Именно непосредственно после нее следует рассмотренное нами резюме, начинающееся, как принято, со вступительного «таким образом». Это представляется так же неуместным, как и в применении к первому столпу резюме.

Следуя критерию ее отношения к А. Авторханову, указанную цитату можно разделить на две части: имеющую отношение к А. Авторханову и не имеющую к нему реального отношения и самим автором не задействованную в резюме.

В первой из них «грозненским пенсионером» А. Авторханов причислен к людям «передовой мысли» (как один из первых среди них), которым вместе с «мировым сообществом наций» чеченский народ (подобно другим депортированным народам) обязан «своим возрождением», то есть реабилитацией.

Так это или нет, в нашем случае не принципиально, как и то, что данный автор – не пионер подобного мнения. Важно другое – что подвигло автора резюме на включение в его основу этого тезиса? Ведь он «плюсовый» для А. Авторханова (и по факту, и в свете известных документов по реабилитации депортированных народов), а его образ в резюме сугубо «минусовый».

Во второй части «грозненский пенсионер» пишет, что «полумеры» власти в деле реабилитации народа «переросли в нестабильность сегодня» и создали болезненные проблемы, сохраняющиеся по настоящее время. При этом он никак не связывает это (и совершенно справедливо) с А. Авторхановым.

Тем не менее, автор резюме превращает этого пенсионера в своего союзника в создании угодного себе образа А. Авторханова, а сказанное им – в один из столпов данного резюме, которое, напомним, базируется на постулате о, якобы, сформулированном А. Авторхановым призыве к сецессии Северного Кавказа. Представляется, что излишность комментария здесь предельно очевидна. Они были бы излишними даже если указанное «формулирование» на самом деле имело бы место, ибо до него очень и очень далеко от стремления к реабилитации преступно депортированного народа. А оно к тому же еще не имело место быть.

Также, естественно, вызывает недоумение сама попытка автора резюме опереться на газетную статью «грозненского пенсионера» (сказано не в укор последнему), как на некий базовый документ для характеристики А. Авторханова – при наличии множества публикаций как его (А. Авторханова) самого, так и о нем, в том числе и грозненских авторов, включая ученых, например, в сборнике

«Авторхановские чтения», вышедшем в Грозном почти за 10 лет до сочинения В. Тишкова. Если же учесть, что этот документ практически не «присутствует» в тишковской конструкции образа А. Авторханова, напрашивается вывод о его иной функции. Представляется, что она, скорее всего, могла состоять в обеспечении отрыва (хоть какого-то) выводов из текста А. Авторханова от самого этого текста: уж слишком очевидно несоответствие этих выводов данному тексту, чтобы излагать их непосредственно после него. Поэтому, как представляется, нужен был хоть какой-то туман. Такова же, на наш взгляд, и мотивация появления общего, единого резюме текстов А. Авторханова и «грозненского пенсионера», хотя оно практически «основано» только на тексте первого. Так обстоит дело с «соответствием» резюме своему второму источнику.

Третий источник – это следующее описание российской журналисткой Ириной Дементьевой увиденного ею осенью 1991 г. в Грозном:

«На фронтоне здания Совмина в Грозном цитата из Корана: Сейте мир между вами. Моххамед». А чуть ниже: «Маршо е ожал!» – «Свобода или смерть!». Одно перевод с арабского, другое – с испанского. Древняя мудрость и юное нетерпение. И на митинге – впереди на стульях сидят степенные старики в папахах, а за ними бритоголовая молодежь с горящими глазами и дедовскими ружьями на ремнях» [1:258].

Казалось бы, из этой зарисовки уж точно невозможно извлечь что-либо для характеристики А. Авторханова: в ней он не только не упоминается, но и не содержится ничего, что могло бы ассоциироваться с его именем (подтверждено и нашим опросом среди научной и творческой интеллигенции Грозного). Однако фантазия может многое…

Перед приведенной цитатой В. Тишков делает упрек журналистке (отнюдь не новичку) за «романтико-героический стиль» описания увиденного, а после нее поучает (естественно, не только журналистку): «На самом деле эта картинка ***должна читаться гораздо сложнее*** (выделено мной – А.М.): именно старшее поколение, включая ученого-эмигранта Абдурахмана Авторханова и местных «стариков», а также активисты из людей среднего возраста сформулировали наиболее нетерпеливую и нереализуемую повестку вооруженной борьбы за свободу, но воевать пришлось уже всем, начиная от юнцов. Не дедовские ружья были в Чечне, а приличный арсенал Советской Армии» [1:258].

Чем не «претензия предписывать нынешнему поколению повестку действий»? Правда, не понятно, какова ее основа: то ли это право старшего, которое, как отмечено выше, по собственному заявлению В. Тишкова, его «поражает» (тогда, напомним, это связывалось с А. Авторхановым), или по праву знатока, хотя к тому времени он сам, опять же по собственному признанию, не был в Чечне и, естественно, не видел происходящего там, в отличие от «российской журналистки», чья «картинка» вызвала у него реакцию и мысли, которые действительно не могут не поражать, как и вольное обращение с ней.

Именно в связи с ее интерпретацией В. Тишков формулирует и, пожалуй, наиболее рельефно реализует свой метод исследования, согласно которому события в Чечне и их описание «должны читаться гораздо сложнее». Если бы при этом автор следовал принципу «зри в корень», этот метод можно было бы только приветствовать. Но, к сожалению, у него наблюдается прямо противоположное: «оправдание» очевидных вымыслов, домыслов и вольного обращения с фактами. В том числе и в случаях рассмотренных нами ранее. Надо отметить, что этот метод используется автором еще до его открытого формулирования и предписания в качестве руководства чеченоведам. Именно он «позволяет» ему произвольно толковать факты, вписать А. Авторханова практически в любое событие, эпизод или сюжет, а также приписать ему любые взгляды, призывы и притязания.

Применив свой метод, этнограф смог коренным образом изменить «картинку» «российской журналистки», описавшей то, что сама лично видела. В тишковской версии в ней («картинке»): вместо «степенных стариков»

– «старшее поколение», якобы сформулировавшее «наиболее нетерпеливую (какая там «степенность») повестку вооруженной борьбы за свободу»; вместо «дедовских ружей» (которые на начальном этапе брожения действительно были основным оружием многих вовлеченных в него людей, а большинство не имело и их, пока выводившиеся из Чечни воинские части почему-то не оставили там горы оружия) – «приличный арсенал Советской армии»; вместо только одних «стариков» в «чистом» виде – все «старшее поколение, включая ученого-эмигранта Абдурахмана Авторханова» как соавтора указанной воинственной «повестки».

Обескураживающий пассаж. Автор, во-первых, бездоказательно приписывает экстремистскую «повестку» борьбы против России львиной доле взрослого населения Чечни, во-вторых, не только бездоказательно, но и прямо противореча доказательству, причисляет А. Авторханова к авторам такой «повестки». Напомним, А. Авторханов говорит: «Я против повторения кавказской войны периода Шамиля, мы живем в новое время, в новых условиях и с новой Россией» и призывает Дудаева: «Забудьте, пожалуйста, о газавате. Ищите наше спасение и свободу, на тех же путях, на которых их завоевали окраинные республики бывшего Советского Союза», то есть изберите политический, мирный путь, но не газават, не путь войны. Причем это не призыв стать на тропу борьбы за «наше спасение и свободу», а призыв к тем, кто уже стал или может стать на этот путь – исключить вооруженный вариант. Это диаметрально противоположно сформулированной, якобы, при участии А. Авторханова «повестке вооруженной борьбы за свободу».

Факты, однако, не всегда и не у всех аналитиков «этнографии чеченской войны» почитаемы и служат аргументом. Если этого требует политико-идеологическая конъюнктура, факты, к сожалению, просто отбрасываются или перевираются, заменяются домыслами и мифами.

Не трудно видеть, что предписание «*читать гораздо сложнее*», (курсив мой – А.М.) открывает широчайший простор для фантазии, подмены действительного, реального А. Авторханова придуманным, вымышленным, но угодным автору, соответствующим его априорной установке. А то, что это за рамками научности, – не беда, главное – чтобы сработало, хотя бы на какое-то время. Ведь сработал же невольно напоминаемый методом В.Тишкова очень схожий с ним метод «нового прочтения» документов и исторических событий «шовинистически настроенного (как пишет В.Тишков – А.М.) местного ученого В.Б. Виноградова – археолога, взявшегося при поддержке обкома за построение официальной версии истории Чечено-Ингушетии…» [1:132], успевшей немало навредить пока пребывала в силе. (Эта страница не включена в перечень «виноградовских» в «Указателе имен» книги В.Тишкова.

Еще за 67 страниц до конкретного рассмотрения вопроса по существу В.Тишков, говоря о факторах воздействия на обстановку в Чечне в предконфликтный период, пишет: «Самым большим интеллектуальным раздражителем стали работы чеченского эмигранта Абдурахмана Авторханова. *В оценке его имени и его роли я расхожусь с общепризнанными высказываниями* (курсив мой – А.М.). Обычно приводится известное предостережение почтенного и уважаемого в научных кругах чеченского политолога, который написал Дудаеву некое наставление «не порывать с Россией». Для меня здесь важнее не отдельное высказывание, которое можно трактовать и как банальное клише «вместе с Россией». Именно с последнего заверения начинался каждый вариант старого и нового сепаратизма. Для меня важен эмоциональный и политический эффект драматически исполненного и крайне популярного в начале 1990-х годов произведения, одно название которого – «Империя Кремля» говорило само за себя» [1:132].

«Покосточный» разбор этого заявления означал бы хождение по второму кругу, ибо здесь – то же отношение автора к фактам («некое наставление», «отдельное высказывание», «банальное клише», «для меня важен») и предпочтение трудноверифицируемому, но явно гипертрофированному

«эмоциональному и политическому эффекту» работы А. Авторханова «Империя Кремля», если при этом имеются в виду чеченцы.

В массе своей они знали эту «Империю» «вживую» или непосредственно от ее прямых жертв. Именно этот фактор был базовым в мобилизационной практике сепаратистов. Книга же А. Авторханова была дефицитом и ознакомиться с ней в лучшем случае могли только единицы даже среди интеллектуалов. Некоторые из них, кстати, смогли приобрести ее лишь в 2005 году в Москве, куда они приехали на Всероссийскую научно-практическую конференцию «Чечня и чеченцы: история и современность». К тому же участники деформационных социальных процессов в Чечне в массе своей не относились к самой читающей части населения.

На публичном мероприятии – «Авторхановских чтениях» (конец мая 1994г.) А. Авторханов презентовался как ученый (главным образом) и общественный деятель. Среди докладчиков не было сторонников сепаратизма, и доклады не содержали какие-либо новые, не тиражируемые советской прессой и другими публикациями различных авторов, «кромольные» идеи мобилизационного характера. Напротив, именно на этих Чтениях была озвучена отмеченная выше позиция А. Авторханова: сохранение целостности России, поддержка курса реформ ее руководства [5:61].

Дальнейший разговор о книгах А. Авторханова вывел бы за рамки источников, конкретно использованных В.Тишковым. Об этих книгах же им сказано только, что они стали «самым большим интеллектуальным раздражителем», а об «Империи Кремля» – что ее «одно название… говорило само за себя». Ясно, что здесь нет предмета для содержательной полемики по конкретным вопросам, ибо оппонентом выражено только общее негативное отношение к роли данных книг. Поэтому подчеркнем лишь, что их основное содержание – критический анализ враждебного всем народам бывшего СССР и в конечном счете рухнувшего партократического тоталитарного режима.

К тому же А. Авторханов – отнюдь не единственный эмигрант, критиковавший этот режим. Таких, как известно, немало, они отличались этническим многообразием и лишение их сочинений подобной отмеченной относительно авторхановских работ функции «интеллектуального раздражителя» вряд ли было бы справедливым. Также интернациональным был и состав могильщиков этого режима и СССР.

Что же касается личности и работ А. Авторханова, они действительно сильно раздражали лидеров большевистско-коммунистического тоталитаризма и раздражают некоторых современных авторов. Если с первыми всё ясно, то о причинах подобной реакции последних можно лишь догадываться.

Как представляется, вышеизложенное приводит к правомерному выводу: рассмотренная оценка личности А. Авторханова и его роли в событиях в Чечне в 1990-е годы, «расходящаяся с общепризнанными высказываниями», отличается высоким уровнем уязвимости аргументации.

Таким образом, установка на оценку личности А. Авторханова и его роли в событиях в Чечне в 1990-е годы, расходящуюся «с общепризнанными высказываниями», приводит ее автора к конструкции образа мало схожего, а в главных характеристиках противоположного реальному А. Авторханову. В этой конструкции А. Авторханов представлен как: устойчивый поборник отделения от России Чечни и всего Северного Кавказа; идеолог реваншизма, жаждущий отмщения за свою личную трагедию при сталинском режиме и призывающий к мести молодежь; автор (соавтор), «наиболее нетерпеливой и нереализуемой повестки вооруженной борьбы за свободу»; «крестный отец» идеологии и политики Дудаева и т.д.

На наш взгляд, не исключено, что это сделано не случайно: такой А. Авторханов хорошо вписывается в созданный в угоду политической конъюнктуре негативный образ этноса, к которому он принадлежит по происхождению. Однако факты, аргументы и приемы, использованные в этих целях, по нашему мнению, говоря сдержанно, трудно признать корректным.

Такое внимание вопросу об А. Авторханове нами уделено ввиду его принципиального значения. В Чечне А. Авторханова воспринимают и почитают как крупного ученого-обществоведа с мировым именем за его вклад в развенчание преступности сталинского тоталитарного режима, его шокирующих злодеяниях против «своих» народов, в их реабилитацию, стремление предотвратить очередную трагедию чеченского народа в переломный период российской истории в конце XX века, настоятельный призыв не допустить новой Кавказской войны, забыть газават, выступление «в категорической форме против дробления России» и т.д. Об этом и подобном говорили, например, участники Авторхановских чтений (Грозный, 1994 г., май. Организаторы – межотраслевой научно-технический и Учебно-методический комплекс «Iилма» («Наука» – А.М.), Институт этнополитических исследований) [6] и Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Авторханова (Грозный, 2008 г., октябрь. Организаторы – Правительство, Министерство образования и Академия наук Чеченской Республики) [7]. «Чтения» и конференция, на которых в числе докладчиков были ученые, известные не только в РФ, но и в зарубежье – В.Х. Акаев, Я.З. Ахмадов, Ш.А. Гапуров и др., высоко оценили личность А.Авторханова как крупного ученого, активного публициста, прогрессивного общественного деятеля. Конференция рекомендовала соответствующим властным структурам, государственным учреждениям и общественным организациям Чеченской Республики осуществить комплекс мер по изучению и популяризации научно-творческого наследия и личности А. Авторханова. Рекомендованные конференцией меры частью выполнены и выполняются. Более частыми стали публикации, включая научные, об А. Авторханове, его работы все активнее вовлекаются в научный оборот исследователями и используются в системе образования, его именем названа одна из улиц в центре Грозного и т.д.

Такое отношение к личности А. Авторханова базируется на достоверных источниках, оно, следовательно, вполне правомерно и поэтому, на наш взгляд, его следует придерживаться и впредь, если, разумеется, не обнаружится веское основание для иного. Таковым, безусловно, нельзя признать тенденциозные конструкции вышерассмотренного типа, которые можно создавать в каком угодно количестве без особого напряжения.

Литература

1. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука. 2003.
2. Гапуров Ш.А., Хатуев И.З. Абдурахман Гиназович Авторханов: подвиг длиною в жизнь// А.Г. Авторханов – ученый, публицист, общественный деятель. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Г.Авторханова (г. Грозный, 21-22 октября 2008 г.). Назрань, 2008.
3. Михайлов А.Г. Чеченское колесо: генерал ФСБ свидетельствует. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002.
4. Кадыров А.А. Российско-чеченский конфликт: генезис, сущность, пути решения. Дисс. канд. полит. наук. М., 2003.
5. Ахмадов Я.З. «Мир империи Кремля» АбдурахманаАвторханова и некоторые вопросы геополитики //АбдурахманАвторханов и политическая история Кавказа. Авторхановские чтения (г.Грозный, 3-31 мая, 1994 г.). Грозный, 1994.
6. Абдурахман Авторханов и политическая история Кавказа. Авторхановские чтения (г.Грозный, 3-31 мая, 1994 г.). Грозный, 1994.
7. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Г. Авторханова (г.Грозный, 21-22 октября 2008 г.). Назрань, 2008.

Наше интервью

Муталип Давлетмирзаев: трудно представить нашу жизнь без общения с театром.

Давлетмирзаев М.А.

Давлетмирзаев Муталип (Абдул-Муталип) Ахмадович (18 апреля 1939 года, Валерик, Ачхой-Мартановский район, Чечено-Ингушская АССР) – советский и российский чеченский актер, один из ведущих артистов Чеченского драматического театра, Народный артист Чечено-Ингушской АССР (10 ноября 1977), Народный артист РСФСР (13 января 1989), лауреат Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского (1983).

Родился 18 апреля 1939 года в селе Валерик Чечено-Ингушетии. Ему не было и четырех, когда скончался его отец. Матери пришлось самой поднимать семерых детей. Вскоре последовала новая беда – депортация чеченцев и ингушей. В результате семья оказалась в селении Аксоват Мендигоринского района Кустанайской области Казахской ССР. Муталип с отличием окончил школу. После реабилитации чеченцев и ингушей семья вернулась на родину. Поступил в ЛГИТМиК имени Александра Островского. Во многом это решение объяснялось желанием Давлетмирзаева побывать в Ленинграде. Его дипломной работой стала роль монаха Лоренцо в спектакле «Ромео и Джульетта».

После окончания института в 1962 году вернулся домой и начал работу в театре имени Ханпаши Нурадилова. В первые же годы ему начали доверять главные роли. Он сыграл Печорина в спектакле «Бэла» Михаила Лермонтова (режиссер Петр Харлип), Апполонио Сельвиро в спектакле «День рождения Терезы» Георгия Мдивани (режиссер И. Савельев), поручика Яровогo в спектакле «Любовь Яровая» Константина Тренева (режиссер Петр Харлип), маркиза Форлипополи в спектакле «Хозяйка гостиницы» Карло Гольдони (режиссер А. Ридаль), Тристана в спектакле «Собака на сене» Лопе де Вега (режиссер Петр Харлип), Адиля в спектакле «Дороги любви» Идриса Базоркина (режиссер Н. Децик) и другие. Давлетмирзаев с равным успехом играл роли героические и комедийные, острохарактерные и драматические. Его герои – представители разных эпох, национальностей, возрастов и социальных групп. Одной из самых громких удач актера стало блестящее исполнение главной роли в комедии Абдул-Хамида Хамидова «Боже-Али» (режиссер Петр Харлип), премьера которой состоялась 1 мая 1965 года. После этой роли имя Давлетмирзаева стало неразрывно ассоциироваться с именем главного героя этого спектакля. Спектакль получил поистине всенародное признание, стал классикой чеченской сцены и был отмечен дипломом и премией на смотре, посвященном 50-летию Октября.

Давлетмирзаев сыграл роль Леонардо в сценической композиции Руслана Хакишева «Кровавая свадьба» по одноименной пьесе Гарсиа Лорки. За успешное исполнение главной роли и вклад в развитие театрального искусства 21 декабря 1967 года ему было присвоено звание заслуженного артиста Чечено-Ингушетии.

В том же году, на пике популярности, Давлетмирзаев неожиданно для всех оставил театр и поступил на юридический факультет Всесоюзного юридического института. После стажировки был назначен следователем прокуратуры Октябрьского района Грозного.

В 1974 году снова вернулся в родной театр. Далее были роли Гнездикова в спектакле Руслана Хакишева «Бессмертные», Фердинанда в спектакле «Коварство и любовь» Фридриха Шиллера, Дона Диего в спектакле «Сид» Корнеля (режиссер Мималт Солцаев), Ричарда III в одноименном спектакле Мималта Солцаева, Князя в спектакле «Пир во время чумы» А. С. Пушкина (режиссер Руслан Хакишев), Сальери в спектакле «Моцарт и Сальери» (Руслан Хакишев), судьи Клеона в спектакле «Забыть Герострата!» Григория Горина (Мималт Солцаев), Сталина в спектакле Солцаева «В августе сорок четвертого» на сцене Грозненского русского драматического театра имени М. Лермонтова и многие другие.

Спектакль «Песни вайнахов», созданный режиссером Русланом Хакишевым по мотивам народного эпоса, в котором Давлетмирзаев сыграл роль Мусоста, был удостоен Государственной премии РСФСР.

За спектакль «Лениниана» режиссер Мималт Солцаев и исполнитель роли Ленина Муталип Давлетмирзаев были удостоены Государственной премии им. К. С. Станиславского.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 января 1989 года М. Давлетмирзаеву было присвоено звание Народный артист РСФСР.

Является заведующим кафедрой истории государства и права юридического факультета и преподавателем кафедры актерского мастерства Чеченского государственного университета.

Предлагаем вашему вниманию интервью, взятое у актера Фатимой Мезиевой.

Абдул-Муталип Ахмадович, расскажите, пожалуйста, что для вас представляет театр?

«Театр!.. Любите ли вы театр так, как я люблю его, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного! Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театр больше всего на свете, кроме блага и истины!.. »

Эти слова были произнесены в далеком 1834 году молодым тогда Виссарионом Григорьевичем Белинским, критиком, одолеваемым одним единственным желанием – раскрыть, показать своим читателям необыкновенно притягательную силу сценического искусства.

В свои удивительные по глубине и поэтической образности строки В.Г.Белинский вложил многое, но, в первую очередь, мысль о высоком гуманистическом предназначении театра, искусства очень массового и демократического.

Прошли годы. Но время не состарило слова, сказанные великим русским критиком более ста восьмидесяти лет назад. Они и сегодня полны трепетного чувства, современны и актуальны. Потому что точно выражают отношение человека к сценическому искусству. И на самом деле, трудно представить нашу жизнь без общения с театром, которому мы благодарны за то, что он умеет потрясать человеческую душу, идейно обогащать сознание, раскрывать тончайшие движения внутреннего мира людей и быть общественной трибуной. В Грозном, да и во всей республике, немало людей, любящих театр искренне и преданно. Истинно современный образованный человек всегда найдет возможность сходить в театр, побывать на премьере.

«Театр – лучшее средство для общения народов между собой, для вскрытия и понимания их сокровенных чувств», – эти слова К.С.Станиславского в условиях нашей многонациональной страны преобретают особое значение.

Пусть они станут девизом для всех. И пусть этот дикий капитализм не сотрет в порошок значение театра для простого человека!

Вся моя жизнь посвящена моему народу, все мои силы отданы ему, во благо его! С любовью и глубоким сочувствием Ему! До боли в сердце! Я жил осознанием трудности его пути, его судьбы, соизмерением и пониманием того, что все то, что происходит с ним, направлено Аллахом для его испытания, его исправления. Я был его сыном, испытавшим на своей шкуре все перипетии его судьбы: и годы депортации, и трудности выживания в Казахстане, и трудности возвращения на Родину, и трудности возрождения, и горе двух войн, затеянных по сценарию сверху!

Профессия актера мне досталась не по моей воле, а по предопределению Аллаха. Значит, так было предначертано свыше.

Абдул-Муталип Ахмадович, расскажите о своих детских годах.

Я знаю своих предков до пятнадцати колен. Все они тайпа аьккхий, из союза (тукхума) аьккхий, притом – лам-аьккхи (горные аккинцы). Живем мы в с. Валерик. Из вирда Кунта-Хаджи Кишиева, Хьажийн-некъи. По преданиям, Хьажийн-некъи считались врачами. И действительно, я в своем роду замечал призвание к врачеванию, хотя сам врачом не стал.

Мои предки: Азни, Малхс, Анги, Воккхани (прожил 140-160 лет), Пюли, Маса, Камболт, Берс, Гамболт, Дюрда, Балтак, Довтак, Даутмирз, Айдамар, Ахмад и я, Абдул-Муталип (братья Зияуддин и Абдул-Ризак).

Я, Давлетмирзаев Абдул-Муталип (по паспорту Муталип) Ахмадович, родился 23 марта 1939 года в с. Валерик, Ачхой-Мартановского района ЧИ АССР. Отец мой, Давлетмирзаев Ахмад Айдамирович, был 1904 года рождения и умер от воспаления легких летом 1943 года. На момент его смерти наша семья состояла из восьми душ: мать, Давлетмирзаева Хута Эдаевна, 1906 г.р., и нас семеро детей – брат Зиявди, 1927 г.р., сестра Залиха, 1930 г.р., сестра Зулпа, 1932 г.р., сестра Зулай, 1934 г.р., брат Абдразак, 1936 г.р., моя младшая сестренка Залимат, 1942 г.р. и я.

Не прошло и года после смерти отца, как нашу семью в 1944 году депортировали на север Казахстана, в село Аксоват Мендигоринского района Кустанайской области, на севере Казахстана. Назвать селом эту точку земли невозможно, потому что я там не видел ни домов, ни местных жителей. Закинули нас в загон для скота. Чтобы не замерзнуть, люди разожгли в середине загона костер, который поддерживали постоянно. Жгли камыш и курай, который рос в этих местах обильно. А нас, детей, закутав во что попало, держали вокруг костра, чтобы мы не мерзли. Моя детская память сохранила загоны для овец, крытые камышом, пургу, завывание ветра и голод, который косил людей. Я помню, как старики падали и умирали от голода.

Весной 1944 года люди стали строить землянки, спасаясь от холода.

Основная часть землянок уходила в землю, только плоские крыши выступали сверху. В зимнее время выпадало много снега, и пурга полностью засыпала землянки снегом, из-за чего все вокруг исчезало в снегу. Люди ходили в гости друг к другу по крышам домов.

До выселения наши близкие родственники проживали не только в с.Валерик, но и в других местах, в частности в г.Грозный. Родственников не пытались соединять, а высылали с того места, где их заставали. Потому многие не знали о судьбе друг друга. Наших родственников, проживавших в Грозном, оказалось, выслали в Джамбульскую область Южного Казахстана, на ст. Мерке. Они каким-то путем узнали, что часть их родственников находится в Кустанайской области, в Аксовате.

В один из зимних вечеров 1945 года наша семья находилась в своей землянке, полностью заваленной снегом. В зимнее время окно, или отдельно стекло, для попадания света в землянку, устанавливалось в крыше. Его постоянно засыпало снегом, и его постоянно приходилось очищать. Определить местонахождение

М. Давлетмирзаев и Марет Сатуева в спектакле «Ханума» (режиссер Х. Ахмадова)

того или иного жилого помещения можно было только по дыму, идущему из печной трубы. Поэтому путник ориентировался только по дымоходам.

Так вот, стала наступать ночь. Мы все, и взрослые и дети, находились у себя в землянке и, окружив печь, пытались согреться. В это время раздается треск и нам показалось, что через стекло, проделанное в потолке, ввалился медведь. Мы все испугались. Оказалось, что это ввалился не медведь, а одетый в шубу человек, и этим человеком оказался наш дядя Бекмурзаев Ада. Оказывается, ему выдали разрешение на вывоз родственников, в составе двух семей, для воссоединения, и он приехал по собственной инициативе к нам в Аксоват. Это была огромная радость. Но он не смог увезти нашу семью, а забрал с собою только две семьи наших родственников: дяди Давлетмирзаева Алавди и семью нашего двоюродного деда Дурдиева Яхья. Мы же остались без родственников, в Кустанайской области Северного Казахстана.

В 1947 году из Аксовата мы переехали в село Михайловское, где была школа, и я с братом Абдразаком пошел в первый класс.

В основном, от голода нас спасала мать. Она кормила нас мерзлой картошкой, лебедой, весной собирали колосья пшеницы, собирали землянику, которую обменивали на картошку.

К этому времени старший брат женился. У него родилась дочь, которую назвали Розой. Мы жили в бедности.

Из-за безвыходного положения брату Зиявди, тайно от властей, вместе с женой и маленькой дочкой пришлось уехать на ст.Мерке Джамбульской области. Забрать нас с собой он не мог, так как не было никаких средств.

Я был худенький. Мы были плохо одеты. Не было учебников. Но учились мы на «отлично». Директор школы, фамилию его я не помню, на собрании, говоря об успехах школы, назвал меня как отличника первого класса. А я стоял среди других учеников и меня не было видно. Раздались голоса: «А где он?» Тогда директор посадил меня на ладонь своей правой руки и высоко поднял над головой, сказав: «Вот он!» Я был маленький и другим способом меня показать было трудно. Директор демонстрировал меня с удовольствием и гордостью.

При наступлении зимних холодов нам не в чем было ходить. Главное, не было обуви. Мать вязала нам всем шерстяные носки. Она умудрилась связать из грубых ниток мне и брату шерстяные носки, которые мы натягивали на ноги

вместо обуви. Помню, как я с завистью смотрел на валенки ученицы, сидевшей со мною за одной партой. Я обычно, из-за стыда перед этой девчонкой, прятал свои ноги под партой.

Мать не могла нас содержать и вынуждена была меня, брата Абдразака и младшую сестренку Залимат определить в детский дом, который находился в с.Боровое. Для этого состоялись переговоры с руководством детского дома, и в начале следующего учебного года мы должны были перейти жить в детский дом. Но в детский дом мы так и не попали, и вот почему:

Старший брат, уехавший на ст.Мерке, сумел к этому времени собрать нам на дорогу деньги и выслать их через кого-то с запиской, где был составлен план, как мы должны добираться до станции. Было предписано, чтобы мы, дети, по пути в Мерке ни с кем не разговаривали и не отвечали на вопросы: кто мы, откуда, зачем и куда едем. Иначе нас могли вернуть. Это был конец учебного года. Я помню, как рыдала, расставаясь с нами, наша старшая сестра Залиха, которая оставалась в Кустанайской области из-за своего замужества.

По всей вероятности, она предчувствовала, что больше мы не увидимся.

Я помню, как мы на поезде, прижавшись к подолу матери, добирались до Джамбульской области. По пути от Кустаная до станции Мерке мы ехали молча. Помню, как с радостью встречал нас наш старший брат Гога (так мы его звали).

Старшая сестра Залиха не вынесла разлуки с нами и в 1949 году умерла в возрасте 19 лет.

Она похоронена в селе Михайловское Кустанайской области.

На ст. Мерке я пошел учиться во второй класс, вместе с братом Абдразаком. Несмотря на то, что брат учился на «отлично», ему пришлось бросить школу и уйти в трудовую деятельность с третьего класса. Он все сделал ради меня, чтобы я продолжил учебу в школе и получил образование. В 1956 году безвременно ушел из жизни и старший брат Зиявди. Он похоронен на ст. Мерке Джамбульской области.

Какие профессии вас привлекали в детстве?

Можно сказать, что детства у меня и не было. А потому я не имел представления и о профессиях.

Как возникла идея стать актером?

Дело в том, что в школе я учился на «хорошо» и «отлично». Преподаватель каждого предмета желал мне связать в будущем свою жизнь с той профессией, которая заложена в его предмет. Учитель математики хотел, чтобы я в будущем стал математиком. Учитель физики – чтобы я занимался открытиями в области физики, учитель рисования желал, чтобы я стал художником, а учитель физкультуры предлагал мне серьезно заняться спортом. Дело в том, что я ходил, в основном для развития своего здоровья, и на борьбу, и на бокс.

В 1957 году, когда я учился в 10 классе, в середине учебного года, к нам в класс пришли представители военных структур и предложили ребятам записаться в летное училище, которое находилось в г. Пишпек (ныне г. Бишкек). Естественно, претендент должен был быть физически здоровым и пройти соответствующую комиссию. Я записался, успешно прошел комиссию и стал посещать летную школу, не оставляя занятий в школе. Моя мечта стать летчиком сбывалась, но...

В 1957 году нашей семье разрешили вернуться после депортации на Родину. И это событие разрушило все мои планы стать летчиком. Наша семья уехала в с. Валерик, а я остался в с. Чалдовар Киргизской ССР до окончания учебного года. В том же году, после окончания школы, я вернулся на Родину. После возвращения на Родину попытался поступить в нефтяной институт Грозного. Однако по предмету, который я знал в школе хорошо, мне поставили двойку,

не скрывая неприязненного отношения к нам, молодым ребятам чеченской национальности. Нефтяником я не стал. Значит, не судьба была. В это время я вместе с Мималтом Солцаевым (ставшим впоследствии талантливым режиссером) увидел объявление о наборе в Ленинградский театральный институт им. Островского студентов в национальную студию. Проходил конкурс. Мы решили попробовать себя, хотя представления не имели, что это за профессия. Нас просто манил сам г.Ленинград. Нам повезло. Мы прошли. Оказалось, что педагоги из Ленинграда заметили в нас какие-то способности.

Таким образом, идея стать актером у меня возникла только в стенах театрального института.

Скажите, пожалуйста, в каких учебных заведениях вы учились и что вам это дало?

В 1962 году я с отличием окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии по специальности «актер театра и кино».

А в 1968 году окончил Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ) г. Москвы по специальности «юрист», будучи уже Заслуженным артистом ЧИ АССР.

В Ленинграде я усвоил, что актер должен быть профессионалом. Профессиональным актером можно назвать лишь того, кто способен в полной мере реализовать на сцене то, что задумано, кто владеет своей психотехникой, своим речевым и пластическим аппаратом. Для этого он должен быть, прежде всего, физически здоровым. А здоровье можно в любую минуту потерять. Значит, ты будешь лишен своей профессии и останешься без работы. Это одна сторона.

Но есть и другая сторона. Актер на сцене, как и в жизни, должен уметь по-настоящему видеть, слышать, мыслить, чувствовать, действовать, а не представляться мыслящим, чувствующим, действующим. Не может актер правильно воспринимать, оценивать, находить решения и воздействовать на партнеров по сцене без соответствующих знаний, без собственных жизненных впечатлений. Без опыта. Невозможно передать вкус пищи, не попробовав вкус самой пищи. Поэтому, создавая образ на сцене, ты должен не только влезть в шкуру этого образа, но в его сознание, в его душу. Актер должен стремиться пополнить свои знания вплоть до вершины знаний создаваемых им образов.

Поэтому я чувствовал, что нужна вторая профессия, которая восполнила бы недостаток первой. Это была профессия юриста, правоведа, защитника прав и свобод человека. Я эту профессию приобрел и закрепил свои знания практикой работы как в театре актером, так и в юридических должностях. Разве я смог бы создать на сцене убедительно образы судьи Клеона в спектакле «Забыть Геростратa», Ленина в спектакле «Лениниана», не обладая профессией юриста? Нет, конечно!

Почему вы выбрали для работы Чеченский театр, а не другой?

При окончании ЛГИТМИК все свои дипломные спектакли мы показывали общественности г. Ленинград. Показали и спектакль «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, в котором я играл роль монаха Лоренцо. Мне тогда было 23 года.

По окончании спектакля за кулисы прибежал режиссер нашего спектакля В.Г. Петров и искренне поздравил меня, сказав: «Муталип! Я тебя поздравляю! Тобой заинтересовался главный режиссер театра «Ленсовета»! Он предлагает тебе остаться в Ленинграде и работать актером у него!» От этого предложения я отказался. Петров был разочарован и удивлен одновременно моим решительным отказом от этого предложения. Он не мог понять, что у меня, как у человека, тринадцать лет находившегося в депортации, наконец вернувшегося к себе на Родину и не успевшего пожить толком у себя дома, может быть только одна единственная мечта: попасть домой. Я рвался в Грозный и не хотел ни минуты

М. Давлетмирзаев и Р. Гичаева в спектакле «Бож-Али» (режиссер М. Солцаев)

оставаться в Ленинграде, при всей моей любви к этому самому культурному городу России. Чеченский театр я выбрал потому, что я чеченец и театр у нас единственный.

Ваша первая роль в Чеченском театре.

К моменту нашего возвращения из Ленинграда в нашем национальном театре главным режиссером был Минаев, который работал вместе со своей женой Горькая. Помню, они ставили спектакль по пьесе белорусского драматурга, называлась она «Левониха на орбите». К назначению на роль они относились, как в киностудиях при определении участников фильма. Очень строго, на конкурсной основе. Меня изучали не только по дипломным спектаклям, но и в жизни. Со мною проводили беседы. Как на работе, так и за чашкой чая у себя дома. Наконец они утвердили меня на роль Тесакова в своем спектакле «Левониха на орбите». Это было знаменательное событие. Тесакова я сыграл с успехом. Так отмечала и пресса того времени.

Как вы работали над ролью Бож-Али в спектакле «Бож-Али» А.Хамидова?

Можно сказать одним словом: «Вдохновенно!» Об этом мною написана статья «Бож-Али и время», напечатанная в журнале «Вайнах» № 4 от 2003 года.

Я и не мечтал когда-нибудь сыграть роль, написанную адресно на определенную личность актера. Но это случилось в пьесе «Бож-Али». А. Хамидов написал свою пьесу типажно, на актеров Чеченского национального театра того времени: Бож-Али – М. Давлетмирзаев, Сутарби – А. Дениев, Бабаци – Х. Мустапаева, Абубещар – Х. Мусаев, Майма – А.Исаева, Авалу – Х.Чимаев, Жарман – Е. Ганукаева и т.д. О таких пьесах приходится только мечтать.

После премьеры А. Хамидов дал мне программку с автографом: «Способному актеру Давлетмирзаеву за вдохновенное исполнение роли Бож-Али от восторженного автора». А.Хамидов, 3/ V-65 г. »

Без серьезных раздумий «о времени и о себе», без мук и пота ничто значительное в искусстве не рождается. Это относится и к такому жанру, как комедия.

После исполнения роли Бож-Али мне было присвоено почетное звание Заслуженного артиста ЧИ АССР. Это случилось в 1967 году, 21 декабря.

А за какую роль вам дали Государственную премию РСФСР?

Постановлением Совета Министров РСФСР от 14 декабря 1983 года за №552 мне присуждена Государственная премия РСФСР им. Станиславского за спектакль «Лениниана», где я исполнил роль вождя революции В.И. Ленина. Постановщиком спектакля «Лениниана» был М.М. Солцаев, в то время Заслуженный деятель искусств ЧИ АССР, лауреат премии Ленинского комсомола республики.

Роль Ленина для вас была политическим заказом или творческим достижением или же всем вместе?

В 1982 году вся наша страна должна была отметить 60-летие образования СССР, а Чечено-Ингушетия, плюс к этому, и 60-летие образования автономии. Театр решил подготовиться к этим событиям своими постановками.

В своем интервью, в преддверии этих событий напечатанной в газете «Грозненский рабочий» от 19.08.81 г., М. Солцаев говорит следующее: «Чеченский театр попытается впервые поставить спектакль «Лениниану», по форме сценическую композицию, а по замыслу – спектакль о Ленине. Задача огромная, масштабная, чрезвычайно ответственная. Нам хочется впервые увести образ Ленина – человека, мыслителя – от бытовых трактовок и довести его до символического обобщения. Сделать это очень сложно на сцене. Непросто будет и режиссеру и художнику. Трудно придется и актерам. Особенно большая нагрузка ляжет на Заслуженного артиста РСФСР М. Давлетмирзаева. В таком спектакле акцент должен быть сделан не на чисто внешней похожести, не на стремлении воссоздать облик Ильича, манеру говорить, ходить, жесты. Мы хотим передать духовный мир, интеллект этого удивительного человека крупно, монументально. Это главная наша работа. Хочется, чтобы она удалась».

Мы взялись за постановку спектакля «Лениниана» в 1981 году. Дело в том, что обычно актер создает великие образы только в спектаклях великих режиссеров. Мималт Мусаевич Солцаев был именно великим режиссером: и постановщиком и педагогом, учеником главного режиссера Большого Драматического театра г. Ленинграда Г.Товстоногова. Спектакль удался. Успех был обеспечен.

Был ли этот спектакль политическим заказом? Это прежде всего была инициатива М. Солцаева, театра, коллектива театра. Потому что все мы были гражданами СССР и жили интересами своего государства. Что касается меня, то я скажу следующее: каждый актер мечтает создать на сцене героический образ. Герой должен быть личностью, состоящей из крупномасштабного мышления, из боли и мучений за несовершенство человека, всего человечества. Он должен жертвовать собой из-за сжигающей его страсти сделать мир лучше, совершеннее, чтобы его мысль задевала глубинные процессы жизненных явлений. Суть их нравственных устремлений всегда должна остро восприниматься потомками. Жизнь всегда была полна потрясений, полна глубоких человеческих проблем. Для воплощения в жизнь этих событий и живет актер. Он должен быть способным мыслить на уровне самых сложных идей своего времени.

Современность актера – это не стиль игры, не набор приемов, а его умение попадать в стиль сегодняшнего мышления, его способность «вибрировать» от пропускаемых через себя, через свою душу, токов времени эмоциональной стихией актерской игры. И, самое главное, неотъемлемой чертой всякого истинно современного актера должна быть его гражданственность, любовь к своему отечеству. Он должен жить надеждами и тревогами своего времени.

Актер всегда ждет такой роли, которая дает ему возможность высказаться по жгучим проблемам современности как бы от собственного лица, дает возможность взволновать зрителя, потрясти его правдой жизни и повести за собой. Такой ролью для меня, в свое время, была и роль Ленина.

Вот что писали Е. Афонина и М. Попов в своей рецензии «Свет великого образа» в журнале «Огонек» № 49 за декабрь 1982 г. после просмотра нашего спектакля «Лениниана» в г. Ленинграде:

«Каждый новый спектакль о Ленине привлекает внимание не только театральной общественности, но самого широкого зрителя. Понятно, что от театра народ ждет глубокого проникновения в суть великого образа. Здесь нужна историческая точность, нужно единство идейного содержания и художественной формы и, конечно, настоящее мастерство... Не всякому драматургу – и не каждому театру – удается решить эту сложнейшую задачу. Зато каждый успех становится праздником искусства сцены.

Спектакль Чечено-Ингушского республиканского драматического театра имени Х. Нурадилова «Лениниана». Исполнитель роли Ленина Заслуженный артист РСФСР М. Давлетмирзаев поражает необыкновенной точностью пластического рисунка, удивительным внешним сходством с героем. И зал отвечает на появление Владимира Ильича, на его реплики взволнованной овацией. Прежде всего потому, что актер развивает классические традиции, богатое наследие Б.В. Щукина, М.М. Штрауха, Б.А. Смирнова, которые стремились, чтобы внешняя характерность не просто соответствовала образу, создаваемому актером, но выражала наиболее полно его сущность.

Анализируя тенденции современной Ленинианы, Штраух писал: «Актер должен владеть искусством не только внутреннего, но и внешнего, пластического перевоплощения. К сожалению, сейчас пошла «мода» считать эту проблему устаревшей. Актеры с изрядной дозой самодовольства из пьесы в пьесу играют самих себя. Получается безобразно и безобразно. Перевоплощение – это высшая ступень актерского мастерства. К сожалении, не все до нее добираются.

Мы считаем, что М. Давлетмирзаеву удалось достичь этой высшей ступени. Воплощая глубинность натуры героя, он позволяет зрителям ощутить удивительные качества вождя, чья страстная убежденность, вера в силу народа, в рабочий класс, в диктатуру пролетариата увлекает всех. Немалая заслуга в успехе спектакля принадлежит автору сценической композиции, Заслуженному деятелю искусств Чечено-Ингушетии, лауреату премии Ленинского комсомола республики Мималту Солцаеву, он же режиссер-постановщик спектакля.

Серьезное раскрытие образа Ильича стало возможным благодаря отличной драматургии, состоящей из разумно подобранных и целенаправленно выстроенных страниц произведений о Ленине, в основу которых положены ставшие классикой произведения А. Корнейчука, Н. Погодина и К. Тренева, объединенные общим замыслом и представшие как единое целое. Этому способствует и поэтическая канва всей композиции: украшением ее являются пламенные строки Владимира Маяковского...

Величие, масштабность происходящих событий подчеркивает гениальная музыка 6-й симфонии Чайковского, сопровождающая весь спектакль.

Думается, только так допустимо рассказывать о Ленине. Рассказывать правдиво! И высокохудожественно... Театру Чечено-Ингушетии удалось этого достичь».

Назовите три ваши любимые роли в театре.

Это очень трудно сделать, так как у меня их много. Лучше я некоторые из них просто перечислю хронологически: 1964 г. – Джексон, «Скованные цепью» Дугласа и Смита; 1964 г.– Печорин, «Бэла» Лермонтова; 1965г.– Бож-Али, «Бож-Али» А. Хамидова; 1966 г. – Адиль, «Дороги любви» И. Базоркина; 1966 г. – Леонардо, «Кровавая свадьба» Г.Лорки; 1974 г.– Ричард Ш, «Ричард Ш» У. Шекспира; 1975 г.– Фердинанда, «Коварство и любовь» Шиллера;

1975 г. – Клеон, «Забыть Герострата» Г.Горина; 1976 г. – Груя, « Святая святых» И.Друце; 1978 г. – Белоконь, «Ответственность» Э. Володарского; 1978 г. – Найден, «Мастера» Стоянова; 1981 г. – Кориолан, «Кориолан» У.Шекспира; 1982 г. – Ленин, «Лениниана» Шатрина, Корнейчука и др.; 1990 г. – Шамиль, «Шамиль» А. Айдамирова; 2015 г. – Вано Пантиашвили «Ханума» А.Цагарели.

Как вы оцениваете творчество наших молодых актеров?

Я смотрю на них и с надеждой, и с любовью, и с сожалением, что у многих из них нет театральной школы. В каждом из них имеется определенный талант. Но, пока меня их творчество удручает, т.к. они мало работают над собой как актеры. Почти все заняты телефонами. Есть молодость, есть пластика. Но это только тело. А на сцене надо быть живым человеком, у которого, кроме тела, есть и душа. Нужно знать, что творчество основано на чувстве. Духовная и физическая природа человека в творческом процессе неразрывно взаимосвязаны и взаимозависимы. Если тебе есть что сказать зрителю – тебя будут слушать. Если ты на сцене в сценическом образе не горишь – ты не сможешь зажечь слушателей. Ты должен на сцене действовать. «Действие, активность – вот на чем зиждется драматическое искусство», – пишет Станиславский. Это элементы актерского мастерства, которые надо молодым, да и старым, актерам изучать и применять на сцене.

Кто был вашим кумиром?

Кумирами у меня были И. Смоктуновский, М. Ульянов в театре, А.Райкин – на эстраде.

А с кем вам было интересно работать?

Мне интересно было работать на сцене Чечено-Ингушского театра драмы со своим однокурсниками – Магомедом Цицкиевым, Суламбеком Мамиловым, Неллей Хаджиевой, Раей Гичаевой.

Какой спектакль из классики вам больше нравится?

Мой любимый спектакль – «Кориолан».

Что, по-вашему, нужно сделать для развития драматургии?

Драматургия не может развиваться без тесного контакта с театром, как и теория без практики. Но в настоящее время есть уже какие-то результаты в положительной тенденции развития этого процесса.

Что является главным в жизни творческого человека?

Главное в жизни творческого человека – это творчество. Ни в коем случае не останавливаться на достигнутом. Молодым актерам я советую не стареть ни душою, ни телом. Дерзайте. Не теряйте предназначенье театра, «цель которого, – как говорит Гамлет у Шекспира, – во все времена была и будет: держать, так сказать, зеркало перед природой, показывать доблести ее истинное лицо и ее истинное – низости, и каждому веку истории – его неприкрашенный облик».

Большое спасибо! Желаю здоровья, творческих успехов!

Книжные новинки

«Подвиг во имя Родины»

Имена Ислама Хатуева и Мовсура Ибрагимова широко известны в нашей республике.

Ислам Хатуев – директор Департамента печати и информации Министерства Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации, кандидат исторических наук, доцент Чеченского государственного университета, председатель Союза журналистов ЧР. Автор пяти монографий и многочисленных научных публикаций.

Мовсур Ибрагимов – заведующий кафедрой истории России Чеченского государственного университета, доктор исторических наук, член-корреспондент АН ЧР. Автор пяти монографий и более 80-ти научных работ.

Книга «Подвиг во имя Родины» является первой попыткой обобщения данных участия представителей Чечено-Ингушетии в Великой Отечественной войне, которые имеются на данное время, и на основе всех использованных источников воссоздания объективной картины военного периода истории страны и вклада народов нашей республики в победу над фашизмом в 1941-45 гг.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов исторических факультетов вузов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей ВОВ.

. . . . . .

К нашим иллюстрациям

Война глазами художника

Картины войны, которая закончилась семьдесят лет назад, не перестают вспыхивать перед нашими глазами. Тому способствует то кинематограф, то художники слова, а то и просто художники – воистину, неисчерпаема сила художественного образа.

Тема войны в живописи всегда занимала особое место среди художников и в царской России, и в СССР, и в постсоветский период – искусство всегда занимает особое место в жизни народа. Во время тяжелых испытаний, деятели искусства всегда находились в авангарде, поднимали дух воина – защитника Родины. Тем самым российский народ как бы опроверг известное изречение: «Когда говорят пушки – музы молчат». В час великих испытаний Музы в России никогда не молчали. Не умолкают они и через десятилетия и даже через века, ибо строки поэта, которые приобрели всенародную любовь и славу, гласят:

Поклонимся великим тем годам,
Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны, и рядовым
Поклонимся и мертвым, и живым…

На обложке настоящего номера мы публикуем работы российских художников любезно предоставленные нам Мемориальным комплексом Славы имени Ахмата-Хаджи Кадырова (г. Грозный).

На первой странице номера «Портрет Героя Советского Союза М.А. Висаитова» краснодарского художника Михаила Пилипенко.

Вторая страница обложки украшена абстрактной картиной нашего земляка, санкт-петербургского художника Саида Бициараева «9 мая. День Победы».

Рисунок «Солдат» заслуженного художника РСФСР Алексея Бородина из цикла «Из фронтового альбома» расположена на третьей страницы обложки.

Завершает нашу художественную «выставку» картина художника из Кабардино-Балкарской Республики Андрея Колкутина «Реквием».

Саламбек Алиев

Сведения об авторах и переводчиках

Тамила Абдуллаева. Родилась и выросла в селе Шатой Чечено-Ингушской АССР. Педагог, отличник народного просвещения РСФСР. В семье Абдуллаевой всегда активно интересовались и собирали сведения об участниках Великой Отечественной войны из Чечено-Ингушетии, вели поиск архивных сведений и газет 40-х – 60-х годов с корреспонденциями об их подвигах. Под впечатлением рассказов о героях Второй мировой войны Тамила Абдуллаева еще в школьные годы начала писать стихи. Тема ее творчества неизменна и сегодня – мужество и героизм фронтовиков, стихи о подвигах чеченских детей – «сынах полков», разными путями оказавшихся на фронте.

Анастасия Кузьмичева (1974). Родилась в Минске в семье с давними художественными традициями: среди ее предков художники, архитекторы, оперная певица… Во втором классе впервые написала сочинение в стихах. В 18 лет пришла в литературное объединение «Светотень» при газете «Знамя юности», позднее стала участником литобъединения «Панядзелак». Работала корреспондентом в газете «Знамя юности» и пресс-секретарем в ТМ «Студия КуБ». Публиковалась в газетах «Вечерняя Пермь», «Знамя юности»,«Сям'я», «Вестник культуры», «Минский курьер»; журналах «Неман», «Дикая орхидея», «Немига литературная», «Слово и культура», «Вайнах», «Стихам все возрасты покорны».

Была гостем литературных передач «Крылы» и «Гаспода» на Первом национальном радиоканале, радиожурнала «Творчество» Пермского краевого радиоканала. В декабре 2005 года в свет вышел сборник стихов «Быть может меня приютят?» И сейчас в издательстве «Мастацкая літаратура» терпеливо ожидает своей очереди подборка стихов и несколько рассказов для новой книги. В 2006 году в Минске участвовала в первом фестивале «Порядок слов». Фестиваль стал стимулом и началом жизни литературного объединения «Лито Беларусь». В 2009 году началась активная совместная работа с композитором Еленой Храбровой. И, кроме этого, А.Кузьмичёва впервые попробовала себя в роли актрисы, исполняя роль главной героини в маленькой театральной композиции на ее цикл стихов «Письма Богу». И наконец-то увидела свет первая аудиокнига или диски со стихами под музыку «Ехидна». В 2009 г. Анастасия стала членом СП Беларуси.

Зелимхан Мусаев (1990). Родился в Грозном. Окончил среднюю школу в г. Кириллов (Вологодская область) и Вологодский техникум железнодорожного транспорта (филиал Петербургского государственного университета путей сообщений), по специальности «электромонтер контактной сети». Стихи пишет со школьных лет, пробует свои силы в прозе; играет на музыкальных инструментах, пишет музыку и песенные тексты. Иногда публикует свои стихи на страницах литературных сайтов в Интернете.

Седа Исмаилова (1992). Родилась в г. Урус-Мартан. Училась в средней школе в селе Паново, Омская область. В 2005 году семья вернулась на родину, в родовое село Гехи-Чу. В настоящее время учится на 4 курсе геолого-промыслового факультета ГГНТУ (Грозненского государственного нефтяного технического университета). Стихи пишет с детства. Является членом неформального городского клуба «Сборище поэтов и тех, кто не против» – литературной площадки для молодых поэтов и писателей нашей республики.

Вахит Итаев (1940). Окончил Литературный институт им. Горького СП СССР. Член Союза писателей РФ. Пишет стихи, прозу. Автор фантастического романа «Майдан предков»,вышедшего в Москве в 2007 году.

Исмаил Мунаев (1949). В 1972 году окончил национальное отделение филологического факультета ЧИГУ. В 1981 г. в ИМЛИ им. А. М. Горького защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Фольклористика». Автор более 30-ти научных статей, книг «Вопросы поэтики чеченских героических песен илли. Опыт комплексного исследования» (1983), «Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен илли» (1984). Зав. сектором фольклора Института гуманитарных исследований АН ЧР, доцент кафедры чеченской филологии ЧГПИ.

Абубакар Манкиев (1939). Родился в Грозном. В 1957 году, в Фрунзенской области Киргизской ССР, окончил среднюю школу. В 1962 году окончил Чечено-Ингушский государственный педагогический институт. В настоящее время работает заведующим. лабораторией по исследованию социально-политических правовых и духовных процессов Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН. Кандидат философских наук, автор нескольких десятков научных публикаций в изданиях, вышедших в Грозном, Москве, Махачкале, Нальчике, Ростове-на-Дону. В журнале «Вайнах» печатается впервые.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.